

Менсуръ Досифъ
РУССКАЯ III кн.

ХРЕСТОМАТІЯ

для среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній,
для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

КУРСЪ II.

СОСТАВИЛЪ

К. КОЗЬМИНЪ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МОСКОВСКАГО УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА.

ИЗДАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Одиннадцатое изданіе допущено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.,
какъ учебное пособие для городскихъ и реальныхъ училищъ, и во второмъ
изданіи Учебн. Ком. Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

Орфографія согласна съ „Руководствомъ“ Якова Грота.

Менсуръ

МОСКВА.

Изданіе книжнаго магазина М. Д. НАУМОВА.

Бол. Лубянка, д. Страховаго Общества «Россія».

1912.

Цѣна 75 к., въ переплетѣ 90 к.

Приложеніе къ «Русской хрестоматіи», к. II. Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи, пособие при прагматическомъ изученіи стилистики, теорія прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшаго класса городскихъ училищъ. Изданіе 7-е. Цѣна 1 р.; въ пер. 1 р. 15 к.

Предисловіе.

Мланъ и содержаніе хрестоматіи представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Всѣ статьи распредѣлены на три отдѣла, по тремъ главнымъ формамъ словесныхъ произведеній: въ первомъ заключаются прозаическія и поэтическія описанія, во второмъ историческія повѣствованія, характеристики и разные виды эпическихъ произведеній поэзіи, въ третьемъ лирическія стихотворенія, разсужденія и церковныя поученія.

Въ началѣ *перваго отдѣла* поставлены описанія отдѣльныхъ предметовъ природы (неодушевленныхъ и одушевленныхъ) и искусства; за ними слѣдуетъ описаніе мѣстностей (деревни, города, лѣса, горы, равнины и т. д.); дальше идутъ описанія и картины явленій природы и, наконецъ, описанія и характеристики людей.

Второй отдѣлъ начинается историческими повѣствованіями, за которыми слѣдуютъ характеристики историческихъ дѣятелей (преимущественно образцы *карамзинской* прозы); дальше идутъ поэтическія повѣствованія, въ которыхъ изображаются историческія лица и событія, и, наконецъ, баллады и басни.

Третій отдѣлъ начинается лирическими стихотвореніями, за которыми слѣдуетъ образецъ драматическаго представленія; дальше идутъ разсужденія (сначала періоды, какъ зерно разсужденій, затѣмъ краткія раз-

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.

Москва, Воеводина, Крестовоедвик. пер., д. 9.

сужденія, представляющія образцы развитія мыслей — или путемъ сравненія, или указаніемъ причины, или примѣромъ, и, наконецъ, два разсужденія Карамзина, заключающія всѣ элементы этого вида прозаическихъ сочиненій) и церковныя поученія.

При выборѣ статей составитель руководился тою мыслию, чтобы ученики въ своей учебной книгѣ могли найти доступные для ихъ пониманія образцы лучшихъ произведеній отечественной литературы, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ: Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ, С. Аксаковъ, Тургеневъ, Гончаровъ — вотъ тѣ писатели, изъ сочиненій которыхъ главнымъ образомъ взяты статьи для хрестоматіи.

Въ приложеніи къ хрестоматіи помѣщены темы и планы для письменныхъ упражненій въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ.

Большая часть статей хрестоматіи объяснены въ книгѣ «Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи», К. Козьмина.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Баобабъ.

Баобабъ — древнѣйшій жилецъ міра. Баобабу, находящемуся на одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса, Гумбольдтъ*) считаетъ гораздо за 5000 лѣтъ. Толщина его, около 30 футовъ въ діаметрѣ, безобразна: онъ не имѣетъ соотвѣтствующаго роста, стройности, граціозности вѣтвей, ихъ густоты, роскоши и соразмѣрности частей; это огромная масса, оканчивающаяся тонкими вѣтвями; это слонъ, мамонтъ растительности. Цвѣтъ его коры красивый, металлическій, стальной.

Особенно поражаетъ въ баобабѣ то, что въ одно время видите въ немъ распускающіеся листья, цвѣты и плоды. Зелень довольно мелкая, жидкая; цвѣты бѣлые, прелестные: середина цвѣтка махровая, какъ у штокъ-розы; края загнуты назадъ, какъ у лиліи; запахъ тонкій, миндальный. Плодъ — кокосовый орѣхъ; скорлупа довольно тонкая; подъ нею мучнистое вещество, пріятное, кисловатое, очень прохладительное, и множество косточекъ, которыя арабы иногда пережигаютъ вмѣсто кофе.

Баобабъ большею частью дуплистъ: внутри его свободно укрывается нѣсколько человекъ отъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды во время періодическихъ дождей. Къ нему всегда приплетаются стволами и даже совсѣмъ въ него вырастаютъ нѣсколько другихъ деревьевъ, особенно много ползучихъ растений и паразитовъ**), и увеличиваютъ его тѣнь. Въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе арабы высматриваютъ баобабы, гдѣ водятся пчелы, и вынимаютъ медъ, предоставляя дупло дальнѣйшей обра-

*) Знаменитый нѣмецкій естествоиспытатель.

**) Паразиты — растения, живущія на другихъ растеніяхъ.

боткѣ періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящія келодцы, въ которыхъ сохраняется вода въ самое сухое время. Такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду.

до не... 2. Осина.

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево — осину, съ ея блѣдно-лиловымъ пнемъ и сѣро-зеленой, металлической листвою, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣтеромъ раскидываетъ въ воздухъ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ неопятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелямъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, или когда, въ ясный вѣтреный день, она шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться вдаль.

587 и 3. Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей по темно-синей поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, почерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья;

распустить ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косою парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ — все живописно и великолѣпно въ немъ.

4. Голубь.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служить эмблемою*) чистоты, красоты и любви, — и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо- и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками. Слова ласки и сожалѣнія «голубчикъ» и «голубушка» постоянно слышны въ рѣчахъ простаго народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женою, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріатели и пріятельницы, и непременно скажутъ: «Они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга»; желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: «У него голубиная душа»; сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: «Ахъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя!»

Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ, какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла, какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко, спокойно, граціозно.

Всѣ изъявленія его чувствъ до такой степени мягки, кротки и робки, что даже любовь къ дѣтямъ при угрожающей опасности, имъ очевидной, не оказывается никакими стремительными, смѣлыми порывами. Мнѣ случалось много разъ подходить близко къ дереву, на которомъ находилось гнѣздо съ голубятами, даже взлѣзть на него, — и голубь съ голубкой не бросались на меня, какъ болотные кулики, не отводили въ сторону, прикидываясь, что не могутъ

*) Эмблема — выраженіе отвлеченнаго понятія посредствомъ изображенія видимаго предмета.

летать, какъ то дѣлають утки и тетеревиныя курочки: голуби перелетывали робко съ дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на которомъ сидѣли, безпрестанно мѣняя мѣсто и приближаясь къ человѣку, по мѣрѣ его приближенія къ дѣтямъ; едва были слышны какіе-то тихіе, грустные, ропотные, прерывающіеся звуки, не похожіе на ихъ обыкновенное воркованіе. Однимъ словомъ, голубиная кроткая природа вполне выражалась и тутъ.

5. Верблюды.

Верблюды — драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, никакое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все-таки избалованное животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту и другую, когда каравану приходится на длинныхъ переходахъ, иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и бесплодной степи, на которой только и растетъ ковыль или горькая полынь, или осока и другія, противныя для лошади, травы? откуда взять чистую воду, когда и горькая вода — рѣдкость въ степи? Совсѣмъ другое дѣло верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перпорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ поила и такъ же усердно несетъ свою ношу, какъ будто никогда не былъ знакомъ съ водой. Обыкновенно же поятъ верблюда водой лѣтомъ — одинъ разъ въ сутки, а осенью и зимою — одинъ разъ въ продолженіе двухъ и трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водооя. За лошадью много ухода: и безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобъ ее распрячь или развьючить, потомъ ее нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностію, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуна; на утро ее надо снова напоить, и снова, при

большихъ трудахъ, навьючить, когда работнику нужно высоко надъ собою, на рукахъ, поднимать тяжелые вьюки, чтобъ взвалить ихъ ей на спину; потомъ нужно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюками въ продолженіе цѣлой дороги.

Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ колышку, продѣтому у животнаго сквозь ноздри — и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки и пускаетъ верблюда на волю. Ни стреножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только немногіе, какъ исключеніе изъ общаго правила, или бродятъ ночью по близости лагеря, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ, по слову «чокъ», опять падаетъ на колѣни. Киргизъ, безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ, наложитъ ему ношу и кое-какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся по дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ горбатаго «корабля пустыни». Только зимою съ верблюдомъ немного больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на ледяную землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдовъ мѣста снѣгъ и вскопать промерзлую землю особеннымъ орудіемъ, называемымъ *кентонь*: это родъ круглаго топора и вмѣсто заступа, надѣтаго на длинноватую палку въ нарочно сдѣланное для того отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ непогоды, на примѣръ: логъ, или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Если по близости оттуда растетъ камышь, то сгребаютъ снѣгъ, и землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышемъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ, всѣ вмѣстѣ. На этомъ-то животномъ, прозванномъ *кораблемъ пустыни*, и совершается въ степи караванная торговля.

6. Комната Ильи Ильича Обломова.

Лежанье у Ильи Ильича было его нормальным состоянием. Когда онъ былъ дома — а онъ былъ почти всегда дома — онъ все лежалъ, и все постоянно въ одной комнатѣ, служившей ему спальней, кабинетомъ и приѣмной. У него было еще три комнаты, но онъ рѣдко туда заглядывалъ, утромъ развѣ, и то не всякій день, когда человѣкъ мель кабинетъ его, чего всякій день не дѣлалось. Въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, шторы были спущены.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно убранною. Тамъ стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шелковою матеріею, красивыя ширмы, съ вышитыми и небывалыми въ природѣ птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество красивыхъ мелочей. Но опытный глазъ человѣка съ чистымъ вкусомъ однимъ бѣглымъ взглядомъ на все, что тутъ было, прочелъ бы только желаніе кое-какъ соблюсти *decorum**) неизбѣжныхъ приличій, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ. Обломовъ хлопоталъ, конечно, только объ этомъ, когда убиралъ свой кабинетъ. Утонченный вкусъ не удовольствовался бы этими тяжелыми неграціозными стульями красного дерева, шаткими этажерками. Задокъ у одного дивана осѣлся внизъ; наклеенное дерево мѣстами отстало.

Точно тотъ же характеръ носили на себѣ картины, вазы, мелочи. Самъ хозяинъ однако смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ будто спрашивалъ глазами: «Кто сюда натащилъ и наставилъ все это?» Отъ такого холоднаго возрѣнія Обломовъ на свою собственность, а, можетъ-быть, и еще отъ болѣе холоднаго возрѣнія на тотъ же предметъ слуги его, Захара, видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ господствующею въ немъ запущенностью. По стѣнамъ, около картинъ лѣпилась въ видѣ фестоновъ паутина, налитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ

*) *decorum* — собственно украшеніе, затѣмъ видъ, форма.

отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями для записыванія на нихъ по пыли какихъ-нибудь замѣтокъ на память; ковры были въ пятнахъ; на диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла не убранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки.

Если бъ не эта тарелка да не прислоненная къ постели только что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ — такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали двѣ-три развернутыя книги; валялась газета, на бюро стояла и чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтѣли; видно, что ихъ бросили давно; номеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмокнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха.

7. Классная комната.

Карлъ Ивановичъ съ очками на носу и книгой въ рукѣ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна наша, дѣтская, другая Карла Ивановича, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и неучебныя; однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома *Histoire des voyages* (Исторія путешествій), въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну, а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и маленькія книги, — корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же бывало нажмешь и всунешь, когда прикажутъ передъ рекреаціей привести въ порядокъ бібліотеку, какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту палочку. Коллекція книгъ на *собственной* если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ уваживаніи огородовъ подъ капусту — безъ переплета, одинъ томъ исторіи Семилѣтней войны — въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный

нурь гидростатики. Карлъ Иванычъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но, кромѣ этихъ книгъ и «Сѣверной Пчелы», онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежащихъ на полочкѣ Карла Иваныча, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это — кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ двигался посредствомъ шпенокъ. На кружкѣ была наклеена картина, представляющая карикатуру какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Иванычъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванные, но искусно подклеенныя рукою Карла Иваныча. На третьей стѣнѣ, въ срединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна изрѣзанная, наша, другая — новенькая, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой — черная доска, на которой отмѣчались кружками наши большіе проступки и крестиками маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголь, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ уголь! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь-стоишь въ углу, такъ, что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Иванычъ: ему, должно-быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, — а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку и ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ, и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ срединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько не крашенныхъ, но отъ долгаго

употребленія залакированныхъ табуретокъ. Последняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженная липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа.

8. Сельскій храмъ.

Люблю проселочной дорогой
Въ день лѣтній, въ праздникъ храмовой
Попастъ на службу въ храмъ убогій,
Почтенный сельской простотой.

Сей храмъ, построенный изъ бревень,
Когда-то былъ села красой;
Теперь онъ ветхъ, хотя не древень
И не отмѣченъ былъ молвой.

И колоколь его незвучно
Разноситъ благовѣстный гласъ,
И самоучка своеручно
Писалъ его иконостасъ.

Евангеліе позолотой
Не блещетъ въ простотѣ своей,
И только днями и заботой
Богатъ смиренный іерей.

Но храмъ, и паперть, и ограду
Народъ усердно обступилъ,
И пастырь набожному стаду
Миръ благодати возвѣстилъ.

Но простодушнѣй и покорнѣй
Молитвы не услышатъ вамъ:
Здѣсь ей свободнѣй, здѣсь просторнѣй
Ей подниматься къ небесамъ.

И старь и младь, творя поклони,
Спѣшать свѣчу зажечь,
И блещуть мѣстныя иконы,
Облитыя сіяньемъ свѣтъ.

Открыты окна — въ окна дышитъ
Пахучей свѣжестью деревъ,
И пѣшеходъ съ дороги слышитъ
Крестясь молитвенный напѣвъ.

Въ согласьи съ бѣдностью прихода,
Ничто не развлекаетъ взглядъ:
Кругомъ и бѣдная природа,
И бѣдныхъ избъ стѣсненный рядъ.

Но все святыней и смиреньемъ
Здѣсь успокоиваетъ умъ,
И сердце полно умилениемъ
И свѣтлыхъ чувствъ и чистыхъ думъ.

9. Домъ боярина.

Домъ боярина Дружины Андреевича Морозова, на берегу Москвы-рѣки, отличался особенною красотою. Дубовыя бревна были на подборъ круглы и ровны; всѣ углы рублены въ лапу; домъ возвышался въ три жилья, не считая свѣтлицы. Навѣсная кровля, надъ крутымъ крыльцомъ, поддерживалась пузатыми вычурными столбами и щеголяла мелкою рѣзьбою. Ставни были искусно расписаны цвѣтами и птицами, а окна пропускали свѣтъ Божій не сквозь тусклые бычачьи пузыри, какъ въ большей части домовъ московскихъ, но сквозь чистую, прозрачную слоду. На широкомъ дворѣ стояли службы, кладовыя, сушила, голубятня и лѣтняя опочивальня боярина. Ко двору примыкали, съ одной стороны, домовая каменная церковь, съ другой — просторный садъ, окруженный дубовымъ частоколомъ, изъ-за котораго подымались красивыя качели также съ узорами и живописью. Словомъ, домъ былъ выстроенъ на славу.

10. Московскій Успенскій соборъ.

Этотъ соборъ, какъ первопрестольный въ Россіи, заключаетъ въ себѣ полную идею вселенской церкви; она является на иконостасѣ, выражена въ куполахъ и на стѣнахъ и въ алтарѣ. Взгляните на верхній ярусъ иконостаса. Вы увидите мысль первоначальной церкви до закона Моисеева, но вмѣстѣ и связь ея съ новозавѣтной: — рядъ праотцевъ и патріарховъ, Адамъ, Сиѡвъ, Энохъ, Ной и Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ и прочіе стоятъ по обѣимъ сторонамъ иконы Господа Саваоа, который изъ лона Своего рождаетъ Предвѣчное Слово. Ярусомъ ниже изображена церковь ветхозавѣтная отъ Моисея до Христа, кою была предзнаменованіемъ, и потому на срединѣ икона Знаменія Божіей Матери, проявляющей въ лонѣ Своемъ Предвѣчнаго Младенца, ибо тогда еще не рожденъ былъ на землѣ, а только предсказывали о Немъ пророки, написанные здѣсь по сторонамъ, съ хартіями своихъ пророчествъ въ рукѣ; такимъ образомъ предвѣчное и временное рожденіе Бога Слова изображено глубоко и таинственно. Еще ниже — двѣнадцать главныхъ праздниковъ, почерпнутые изъ жизни Христовой и Богоматери; — это повѣсть евангельская въ лицахъ, исполненіе ожиданій праотцевъ и видѣній пророческихъ. Въ четвертомъ ярусѣ картина собственно церкви христіанской, и оттого Спаситель написанъ по срединѣ сидящимъ на престолѣ, въ образѣ вѣчнаго Архіерея, ходатая о грѣхахъ нашихъ; по сторонамъ же стоятъ Пречистая Его Мать и Предтеча, какъ два образца совершенства человѣческаго и ближайшіе заступники наши: одна «честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ», другой, по словамъ Самого Господа — «большій изъ всѣхъ рожденныхъ женами»; ихъ молитвенное положеніе называется обыкновенно деисусомъ отъ греческаго слова деисисъ (молитва), и подлѣ нихъ расположены всѣ апостолы, начиная отъ двухъ верховныхъ, какъ проповѣдники ученія Христова и строители Его церкви. Такъ все постепенное ея развитіе начертано отъ верху и до низу на внутренней стѣнѣ храма, которая замѣнила таинственную завѣсу храма Соломонова, разодран-

ную въ часъ искупленія. Взгляните надъ нами, въ большомъ куполѣ и во всѣхъ главахъ, изображена та же мысль — тамъ Господь Вседержитель окруженъ сперва небесными силами, потомъ праотцами, патриархами, потомъ пророками и апостолами; наконецъ, лики мучениковъ и исповѣдниковъ покрываютъ столбы храма, въ знаменіе, что кровью мучениковъ утвердилась церковь, и оттого доселѣ кладетъ она мощи ихъ въ основаніе своихъ престоловъ.

Кругомъ всѣ стѣны исписаны дѣянїями святыхъ или притчами евангельскими въ лицахъ. Не многіе знали грамоту, когда началъ строиться храмъ сей, а всѣхъ надобно было учить Закону Божію; потому издавна принята была въ церквахъ стѣнная живопись, вмѣсто мертвыхъ буквъ, чтобы всякій молящійся христіанинъ могъ самъ прочесть сію живую повѣсть. Всѣхъ же лицъ въ цѣломъ соборѣ слишкомъ двѣ тысячи; отцы наши хотѣли, чтобы вся торжествующая на небесахъ церковь призидала на молитву воинствующей на землѣ.

Когда же откроются царскія двери, которыя выражаютъ, иконою Благовѣщенія и евангелистовъ, радостную вѣсть о нашемъ спасеніи, то и на стѣнахъ алтаря представятъ лики святителей; тамъ, гдѣ приносили они безкровную жертву, и сія самая жертва изображена въ таинственныхъ видахъ. Такова священная полнота соборнаго храма.

Теперь обратите вниманіе на нижній рядъ мѣстныхъ иконъ, великолѣпно украшенныхъ, какъ предметы ближайшаго чествованія. Мы подойдемъ къ каждой изъ нихъ, ибо каждая, кромѣ святыни, имѣетъ еще занимательность историческую, а всѣ вмѣстѣ онѣ выражаютъ мысль единой державы, образовавшагося изъ системы удѣловъ: всѣ почти перенесены изъ удѣльныхъ княжествъ, по мѣрѣ ихъ покоренія и слиянія въ одно цѣлое. Глубока была мысль — соединить въ общемъ святилищѣ мѣстную святыню городовъ: народы, разставаясь съ своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владимира, Новгорода, Пскова, Смоленска — собрался священный сей иконостасъ.

11. Соборъ въ Севильѣ.

Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, которое оставляетъ Севилья, справедливость требуетъ сказать, что городъ собственно играетъ тутъ послѣднюю роль. Испанская поговорка: «Кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда» справедлива ровно настолько, насколько относится къ собору. Это зданіе не только чудо Испаніи, но и чудо Европы.

Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти террасы, окруженные каменными балясинами и идущія одна за другою, что это безчисленное множество вершукъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ — принадлежатъ одному строенію.

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго, общехарактернаго стиля. Онъ началъ еще арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла; она выходитъ на дворъ, сохранившій прежнее свое назначеніе сада: цѣль даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе; дворъ обсаженъ громадными апельсиновыми деревьями: они, говорятъ, посажены еще арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтіи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причетъ, владѣвшій тогда немѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было *по обѣщанію*. Основаніемъ плану служила такая мысль: «построить храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился!» Надо сказать, — цѣль была вполне достигнута. Для выполненія ея, конечно, много способствовали громадныя средства, но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ однихъ было мало: къ такому результату могло только привести религіозное фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ

религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и, наконецъ, вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не кончится.

Приподнявъ кожанный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ; его поддерживаютъ ряды колоннъ, которыя у капителей*) кажутся тоненькими, между тѣмъ какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; средній сводъ высоты необъятной: подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня; по всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовенъ; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе и строилось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія. Тутъ можете вы прослѣдить всевозможные стили архитектуры, отъ стараго готическаго до напыщеннаго рококо, который, попавъ подъ руки испанскихъ художниковъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія стѣнъ изъ Ветхаго и Новаго Завета и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ; колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины; мозаики и рѣдкія картины — украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ уставлены, кромѣ того, распятіями, маленькими статуиками, драгоценными подсвѣчниками, складнями, дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первокласснѣйшихъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи.

*) Капитель — верхняя часть колонны.

Но желаніе дать обо всемъ, хотя даже приблизительное, понятіе было бы безуміемъ. Бывая здѣсь каждый день въ продолженіе круглаго года, все-таки невозможно всего высмотрѣть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ, при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростію, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмьюдесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ священнаго Писанія; такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутреннія стѣны, — солнце освѣщаетъ ихъ попеременно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни войдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или съ другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, спускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія.

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда — это иконостасъ и хоры — мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ средину главнаго свода.

Иконостасъ отгороженъ высокой бронзовой рѣшеткой; за нею, во всю ширину свода, отъ колоннъ до колоннъ идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой: тутъ главный престоль. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоценныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоценной по работѣ, сколько по матеріалу. За престоломъ все пространство между колоннами замыкается иконостасомъ, который въ высоту равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже потому, что на иконостасѣ изображенъ Ветхій и Новый Заветъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймой, покрытой херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами*);

*) Химеры — чудовища.

страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе, чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, прониснуто огнемъ истиннаго вдохновенія.

Хоры точно такъ же все деревянные. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзбою.

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ; трубы его толстыя, какъ колонны, украшены также деревянной рѣзбой. Въ хорѣ участвуетъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя подтягиваютъ дискантомъ, занимаясь въ то же время перелистываніемъ пудовыхъ нотныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящихся скульптурныхъ наложкахъ.

Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ; человѣческіе голоса и звуки органа теряются въ отдаленіи; прислушиваешься, — точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышинѣ главнаго свода.

Между хорами и иконостасомъ возвышается бронзовый подсвѣчникъ; его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилою какого-нибудь важнаго прелата; онъ служитъ поддержкою восковой свѣчи, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу; это цѣлая мачта! Въ годъ сжигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе таинства причащенія выходитъ до восемнадцати тысячъ литровъ; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пятисотъ службъ. Поэтому предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ Севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоценныхъ камней; мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра, ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одна изъ нихъ помѣщается на особыхъ парадныхъ

носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Разные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоценною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ. Словомъ, описать соборъ и все, что въ немъ заключается, невозможно; при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ, и мысли путаются.

12. Деревня Онѣгина.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя;
Мелькали села здѣсь и тамъ;
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный запущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ дріадъ.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.

13. Древняя обитель.

Вскорѣ забѣлѣли передъ Максимомъ стѣны монастыря. Обитель была расположена по скату горы, поросшей дубами. Золотыя главы и узорные кресты вырѣзывались на зелени дубовъ и на синевѣ неба.

Навстрѣчу Максиму попался отрядъ монастырскихъ служекъ въ шипакахъ и кольчугахъ. Они ѣхали шагомъ

и пѣли несломъ: «Возлюблю Тя, Господь, крѣпость моя». Услыша свѣщенныя слова, Максимъ остановилъ коня, снялъ шапку и перекрестился.

Небольшая рѣчка протекала подъ горою. Нѣсколько мельницъ вертѣли на ней свои колеса. На берегу паслись коровы пестрыми кучами. Все вокругъ монастыря дышало такою тишиною... «Вотъ гдѣ отдохну я!» подумалъ Максимъ.

Максимъ не ошибся. Престарѣлый игумень, съ длинною сѣдой бородой, съ кроткимъ взглядомъ, въ которомъ видно было совершенное невѣдѣніе дѣлъ мірскихъ, принялъ его ласково. Двое служекъ взяли подъ-узды усталого коня; всѣ радушно хлопотали около Максима. Игумень провель его черезъ обширный дворъ къ низкой одноглавой церкви. Они шли мимо могильныхъ крестовъ и длиннаго ряда келій, обсаженныхъ цвѣтами. Попадавшіеся имъ навстрѣчу братія кланялись молча. Надгробныя плиты звенѣли отъ шаговъ Максима; высокая трава пробивалась между плитами и закрывала наполовину надписи, полныя смиренія; все напоминало о бренности жизни, все вызывало на молитву и созерцаніе. Церковь, къ которой игумень вель Максима, стояла среди древнихъ дубовъ, и столѣтнія вѣтви ихъ почти совсѣмъ закрывали узкія, продольныя окна, пропускавшія свѣтъ сквозь пыльную слюду, вставленную въ мелкія свинцовыя оконницы. Когда они вошли, ихъ обдало прохладой и темнотою. Лишь сквозь одно окно, менѣе другихъ заслоненное, косые столбы свѣта падали на стѣнное изображеніе Страшнаго Суда. Остальныя части церкви казались отъ этого еще мрачнѣе; но кое-гдѣ отсвѣчивали яркимъ блескомъ серебряныя яблоки паникадилъ, вѣнцы на образахъ да шитые серебромъ кресты, тропари и кондаки на черномъ бархатѣ, покрывающемъ гробницы князей Воротынскихъ, основателей монастыря. Позолота на прорѣзныхъ травахъ иконостаса походила мѣстами на уголья, тлѣющіе подъ золою и готовые вспыхнуть. Пахло сыростью и ладаномъ. Мало-помалу глазъ Максима сталъ привыкать къ этому мраку и различать другія подробности храма: надъ царскими дверьми виденъ былъ Спаситель въ силахъ, съ херувимами

и серафимами, а надъ Нимъ шестнадцать владычныхъ праздниковъ. Большой мѣстный образъ Іоанна Предтечи представлялъ его крылатымъ и держащимъ на блюдѣ отсѣченную главу свою. На боковыхъ дверяхъ были написаны грубо и неискусно — притча о блудномъ сынѣ, преніе смерти и живота да исходъ души праведнаго и грѣшнаго. Мрачныя эти картины глубоко подѣйствовали на Максима; всѣ понятія о смиреніи духа, о безусловной покорности родительской власти, всѣ мысли, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, оживились въ немъ снова. Картина Страшнаго Суда потрясла его воображеніе. Когда тѣнь дубовыхъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ снаружи окна, трепетала на стѣнѣ подвижною сѣткой, ему казалось, что грѣшники и діаволы, писанные въ человѣческой ростъ, дышать и движутся...

Благоговѣйный ужасъ проникъ его сердце.

14. Помѣстье Плюшкина.

Покамѣсть Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однакожь далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была — ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и не оберегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конецъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ реберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесь, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вѣдро и сама не каплетъ. Окна въ избахъ были безъ стеколъ, инныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ

крышами съ перилами, неизвестно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже неживописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клады хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго: цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ; на верхушкѣ ихъ росла пенная дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ, то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой: опустѣвшая деревянная и — каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частыми стали выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома оцеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ невзгодъ, дождей, вихрей и осеннихъ переменъ. Изъ оконъ только два были открыты; прочія были заставлены ставнями и даже забиты досками. Эти два окна, со своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

15. Постоялый дворъ.

На большой дорогѣ, въ одинаковомъ почти разстояніи отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, чрезъ которые она проходитъ, еще недавно стоялъ обширный постоялый дворъ, очень хорошо извѣстный троечнымъ извозчикамъ, обознымъ мужикамъ, купеческимъ приказчикамъ, мѣщанамъ, торговцамъ и вообще всѣмъ многочисленнымъ и разно-

роднымъ проѣзжимъ, которые во всякое время года накатываютъ наши дороги.

Кромѣ своего выгоднаго мѣстоположенія, постоялый дворъ бралъ многимъ: отличной водой въ двухъ глубокихъ колодцахъ, со скрипучими колесами и желѣзными бадьями на цѣпяхъ; просторнымъ дворомъ со сплошными тесовыми навѣсами на толстыхъ столбахъ; обильнымъ запасомъ хорошаго овса въ подвалѣ; теплой избой съ огромнѣйшей русской печью и, наконецъ, двумя довольно чистенькими комнатами съ красно-лиловыми, снизу нѣсколько оборванными, бумажками на стѣнахъ, деревяннымъ крашенымъ диваномъ, такими же стульями и двумя горшками гераніума на окнахъ, которыя, впрочемъ, никогда не отпирались.

Другія еще удобства представлялъ этотъ постоялый дворъ: кузница отъ него была близко, наконецъ, и поѣсть въ немъ было можно хорошо... Словомъ, много было причинъ, почему въ томъ дворѣ не переводились всякаго рода постояльцы.

16. Подмосковная барская усадьба.

За роцей темною, въ долинѣ,
 При зеркальной пруда равнинѣ,
 Вельможи знатнаго село
 Красой привѣтною цвѣло.
 Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
 Хоромы барскія стоятъ;
 Онѣ видъ древности хранятъ;
 Въ гербѣ, подъ графскою короной,
 Щитъ красный въ полѣ золотомъ,
 Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ,
 Съ двумя блестящими крестами,
 А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ
 И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
 Но садъ и воды, и мосты,
 И розъ душистые кусты
 Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
 Хозяинъ, честь страны родной,

Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой...
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья,
Священный отзывъ старины.

17. Садъ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходявшій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, казалось, одинъ освѣжалъ обширную деревню и одинъ былъ вполне живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолитными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревь. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная сверкающая колонна; косою, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревь, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый,

дряхлый стволъ ивы, изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся листья и сучья-и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самага края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныхъ свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполне отдѣленные вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ: когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубо-ощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создано въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

18. Садъ въ Капштатѣ.

Пройдя нѣсколько сажень, мы подошли ко входу въ ботанической садъ. Что за наслажденіе этотъ садъ! Онъ невеликъ: едва ли составитъ половину петербургскаго Лѣтняго сада, но зато въ немъ собраны всѣ цвѣты и деревья, растущія на Капѣ и въ колоніи. Все разсажено въ порядкѣ, по-семейно. Мы обошли кругомъ садъ, не пропуская ни одного растенія. Сначала идутъ деревья: померанцевыя, фіговыя и другія, потомъ кусты: миртовые всевозможныхъ породъ, кипарисные, и между ними миллионы мелкихъ цвѣтовъ, яркихъ и блистательныхъ. Я припоминалъ наши роскошныя дачи и цвѣтники, гдѣ все это стоитъ или подъ стекломъ, или въ кадкахъ, а на зиму прячется. Здѣсь круглый годъ все зеленѣетъ и цвѣтетъ. По мѣстамъ посажены были чрезвычайно красивыя и невиданныя у насъ деревья, называемыя по-англійски *метла*. Дерево названо такъ потому, что у него нѣтъ листьевъ,

А есть только тонкіе и чрезвычайно длинныя зеленые прутья, которые висятъ, какъ кудри, почти до земли. Они видомъ немного напоминаютъ плакучія ивы, но гораздо красивѣе ихъ. Какая богатая коллекція георгинъ! Вотъ семейство алоэ; особенно красивы зеленые листья съ двумя широкими желтыми каймами. Семья кактусовъ богаче всѣхъ: она занимаетъ цѣлую лужайку. Что за безобразіе, что за уродливость и что за красота вмѣстѣ! Я мимо многихъ кустовъ проходилъ съ поникшей головой, какъ мимо буквъ неизвѣстнаго мнѣ языка.

По срединѣ главной аллеи растутъ, образуя кругъ, точно дубы, огромныя грушевыя деревья съ большими, почти съ голову величиною, грушами, но жесткими, годными только для компота.

19. Кремль при лунномъ свѣтѣ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ; если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, — ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма; забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ наши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ,

забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, обливаясь свѣтомъ главы соборовъ блестятъ попрежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздой въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя, какъ стройно и величаво поднимаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ торжественна эта тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы, — и какъ все это отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще — движеніе и суета: люди или хлопчутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все также живетъ, — но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны: они говорятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ и бѣдствія и славу нашихъ предковъ. Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то, вѣрно, скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ.

20. Иерусалимъ.

Мнѣ показалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подыматься на торжественныя крутизны Іудеи. Взвѣхавъ на горы, мы скоро поравнялись съ древними развалинами мѣстечка Латрунъ, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо, и, конечно, не одинъ

нать насъ воскликнулъ мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоёмъ!»

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы въѣхали въ узкій дефилей*), самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревьевъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ и колодцевъ. Часы быстро летѣли, и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе; но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосками мховъ, пріятно оттѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Подымаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать предо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не вижу святого города при свѣтѣ дня, — я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ, — и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: «скоро! скоро!» Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ; я сказалъ ему все, что зналъ по-арабски нѣжнаго, за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту — вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ поводъ лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земного шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, — покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ гори-

*) Дефилей — узкій проходъ.

зонту, ворота Іерусалима затворятся, — это меня испугало: я боялся, чтобы святыня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ, и поспѣшилъ на лоно святого города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Виолеемскія, или Яффскія, ворота, и очень скоро сошли у дверей патриаршей обители. Это было марта 31-го числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ среди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стереомыя мусульманами, были еще закрыты. Митрополитъ пригласилъ меня итти вмѣстѣ съ нимъ къ заутренѣ. Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ прикратника, увидѣлъ сидящихъ, поджавши ноги, турокъ, съ трубками во рту, и играющихъ въ шахматы: — мое сердце сжалось грустію. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами, — это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. «Господи!» сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: «страданія Твои еще не прекратились! Крещенные во святое имя Твое и искупленные Тобою владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святыни Твои!» Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ уничтоженіи язычествомъ: Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не понимаю, какъ я дошелъ до Гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давнихъ мнѣ жизнь и за

ближайшихъ сердцу моему. Не могу описывать, — и какъ выразить восторгъ, умиленіе, горестъ христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя и, наконецъ, на Голгоѣ, у отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, у расщелины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь закрытъ народомъ, но все придѣлы, все хоры, все галереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всехъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всехъ частей свѣта, — поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и безпокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочинію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимо и ничѣмъ не развлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ вай въдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваями въ рукахъ отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко Гробу Христову, который находился въ противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ чрезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирющую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Иерусалимѣ.

21. Пятигорскъ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высококомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до самой кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда

усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ «последняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣтъ веселѣе: внизу предо мною пестрѣтъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы — все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всехъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

22. Лондонъ и Парижъ XVIII вѣка.

Если великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ всецѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однѣхъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дома. Но длинныя широкія, гладко вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестяція, какъ зеркало; непрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади, гдѣ представляются вамъ или статуи, или другіе историческіе монументы; подъ домами богатая лавка, гдѣ сквозь стеклянныя двери съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ и какое-то общее благоустройство во всехъ предметахъ — образуютъ картину неописанной прелести, и вы сто разъ повторяете: «Лондонъ прекрасенъ!» Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ

роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ разодранныхъ рубищахъ, здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ здоровье и довольство, съ благороднымъ, спокойнымъ видомъ — лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащется въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо, гладко, вездѣ свѣтлый просторъ, несмотря на многолюдство.

23. Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что, Бова силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь...
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль было —
Въ ночь безмолвную

Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль было —
Въ дни роскошества
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя ль было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ...
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!»
Закружить она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается...
Встрепенувшись,
Разбушуешься —
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гуль.

Буря всплачется
Лѣшимъ-вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...
Одичалъ, замолкъ —
Только въ непогодъ
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!

Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами;
Не осилили
Тебя сильные, —
Такъ подрѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Понахлынули
Силы вражіи...
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

24. Роща.

Жара заставила насъ, наконецъ, войти въ рощу; я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный клень красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ на толстый конецъ срубленной березы. Я глядѣлъ на него. Листья слабо колебались въ вышинѣ, и ихъ жидко-зеленоватая тѣни тихо скользили взадъ и впередъ по его тщедушному тѣлу, кое-какъ закутанному въ темный армякъ, по его маленькому лицу. Онъ не поднималъ головы. Наскучивъ его безмолвіемъ, я легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ, свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растений, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень; гдѣ-нибудь, далеко, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не

производится вѣтромъ. Волшебными, подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака... И вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, обагреныя солнцемъ, — все наструнется, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный, мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы смотрите — и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо и сладко становится на сердцѣ. Вы смотрите — та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу, и, какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія; и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собою въ ту спокойную сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины.

25. Тропическій лѣсъ.

Мы вышли на довольно широкую дорогу и очутились въ непроходимомъ тропическомъ лѣсу, окруженные блестящею декорациею кокосовыхъ пальмъ, которыя то тянулись длиннымъ строемъ, то, сбившись въ кучу, вмѣстѣ съ кустами представляли непроницаемую зеленую чащу.

Мы остановились и озирались кругомъ, нѣмѣя отъ изумленія, отъ восторга; не вѣрили глазамъ, не вѣрили себѣ, что мы не во снѣ и не на сценѣ видимъ эту картину, что мы въ центрѣ чудесъ природы. Что шагъ, то новый роскошный и невиданный для сѣверныхъ глазъ ландшафтъ.

Нельзя богаче и наряднѣе одѣть землю, какъ она одѣта здѣсь. Право, глядя на эти лѣса, не вѣришь, чтобъ случай игралъ здѣсь группировкой деревьевъ. Купы пальмъ такъ необыкновенно гармонируютъ съ кустами; тамъ прижались другъ къ другу, а тамъ, какъ будто съ умысломъ, оставлена лужайка или небольшое болото, поросшее тѣмъ крупнымъ, крѣпкимъ, желтымъ тростникомъ, изъ котораго у насъ дѣлаютъ такія славныя трости.

Посмотришь ли на каждую пальму отдѣльно: какая оригинальная красота! Она граціозно наклонилась; листья—

какъ длинныя, правильными прядями расчесанныя волосы; надъ ними висятъ тяжелыя кисти огромныхъ орѣховъ. Все будто убрано заботливою и терпѣливою рукою чело-вѣка, который долго и съ любовью трудился надъ отдѣлкою каждой вѣтки, листка, всякой мелкой подробности. А между тѣмъ это дикіе лѣса. Человѣкъ почти не касался этихъ чудесъ.

Бѣдный малаецъ только что врубается въ чащу, отнимая пространство у звѣрей. Мы видѣли новыя, заброшенныя въ глушь лѣса, еще строящіяся хижины подъ пальмами и изъ пальмъ, крытыя пальмовыми же листьями. Къ этимъ хижинамъ едва-едва протоптаны свѣжія дорожки.

Мы шли, прислушиваясь къ каждому звуку, къ крику насѣкомыхъ, неизвѣстныхъ намъ птицъ, и пугали другъ друга.

«Тигръ!» скажетъ кто-нибудь. «Змѣя!» говоритъ другой; прочіе невольно быстро оглянутся и потомъ засмѣются сами надъ собой.

26. Степь.

Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гуцѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свою шею. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною

точкою! Вонь перевернулася крылами и блеснула передь солнцем!

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая трава испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія, прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ.

27. ЛѢСЪ.

Я сказалъ о водѣ, что она «краса природы»; почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная краса всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣчки, ручьи и озера почти всегда обрастаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса — хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ иссушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются «краснымъ лѣсомъ», или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что, вмѣсто листьевъ, онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимой не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь, постепенно,

весной и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе и свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно, встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальные породы деревьевъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ*, или *чернолѣсьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины.

Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталь, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна — преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчно-однообразной и мрачной зелени, его песчаной и глинистой почвы, — можетъ-быть, оттого, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолиственнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами, или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строевого лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ.

Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза; но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и клень со своими «лапами-листами»; высокъ, строенъ и

красивъ бываетъ онъ. Коренасть, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долготѣя. Осина, и по наружному виду и по внутреннему достоинству, считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Не замѣчаемая никѣмъ, трепетолетная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

«Зарость» или «порость», т.-е. молодой лѣсъ, пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни: онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы, и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые, темные лѣса; но подъ словомъ «старый» не должно разумѣть «состарѣвшійся», дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ зеленыхъ и цвѣтущихъ, незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и, наконецъ, сломленныхъ бурей дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодя сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы мѣстныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обрастаетъ мохомъ и даже травой. Мнѣ нерѣдко случилось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и

провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленого, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ.

Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителинъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина, и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голоса звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами...

Но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо. Деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токують глухіе и простые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы; воркують, каждая по-своему, всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды; заунывно, мелодически перекликаются иволги; стонутъ рябья кукушки; постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы; трубятъ желны; трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, — и все многочисленное крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая постоянная тѣнь неблагоприятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеле-

ные листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника. Сырой ванахъ грибовъ носится въ воздухѣ; но всѣхъ слышнѣе острый и очень пріятный запахъ груздей, потому что они рождаются семьями, «гнѣздами» и любятъ «моститься» (какъ гонорять въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ сгнивающими прошлогодними листьями.

Въ чернолѣсѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луны, бѣлохвостки, кобчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ тущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавашаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики «ауканьемъ» и «хохотомъ» лѣснаго?

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долготѣіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и, наконецъ, многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду; но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ. Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной роши, но даже паденія одного большого подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо-грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько

мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и, наконецъ, начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!... Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты — и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка!

28. Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ или неидетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто глубокая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣветъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и наклонившись глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ! Чуденъ Днѣпръ и при лѣтней теплой ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, — а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, униженный спящими воронами, и древле разломанныя горы свѣсясь силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ, и средь ночи, какъ середь дня, виденъ застолько вдаль, засколько

видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ: чудень и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещать, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ — страшень тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгають назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроваживая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку, — а она рыдая бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила, и ломаетъ надъ нимъ руки и заливаются горячими слезами.

29. Рейнскій водопадъ.

Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не что иное, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою въ пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлерей, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины: стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа. И это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ: мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, поднимаются облакомъ

дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкають дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются вдребезги — словомъ, картина неописанная.

30. Рейнскій водопадъ.

Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію и, наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшія брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь былъ облитъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревуцій концертъ, оглушающій душу, феномень дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ. Я наслаждался... Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей, но это время показалось мнѣ минутою.

Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, величественное зрѣлище.

Послѣ сильныхъ ощущеній мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти футовъ. Въ срединѣ паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромныхъ камня, изъ которыхъ одинъ, несмотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимымъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злого рока), — а другой камень едва держится на своемъ основаніи,

будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, жилища, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

31. Рѣки.

Игриво поверхность земли разсѣкая,
 Волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая,
 Хрустальные рѣки текутъ въ океанъ,
 Бѣгутъ, ниспадають по склону земному
 Въ бездонную пасть къ великану сѣдому,
 И ихъ поглощаетъ сѣдой великанъ.
 О, какъ разнообразенъ ихъ бѣгъ своенравный:
 Та мчится угрюмо подъ тѣнью дубравной,
 А эта — широкой жемчужной стѣной —
 Отважно слетѣла съ гранитной стремнины,
 И стелется легкой, веселой волной...
 Здѣсь бурный потокъ, весь лишь пѣна и прахъ,
 Дрожить и вздуваетъ хребетъ серебристый,
 Упорствуешь въ схваткѣ съ оградой кремнистой
 И мучится, каждый въ крутыхъ берегахъ.
 Тамъ рѣчка, безъ битвы напрасной и трудной
 Преграды обходить покорной дугой,
 И чистаго поля коверъ изумрудный
 Рѣзвясь огибаетъ алмазной каймой,
 И дальше — спокойно, струею безмолвной —
 Втекла въ многоводный, шумливый потокъ:
 Взыгралъ многоводный, въ строитивыя волны
 Взялъ капли той рѣчки — и въ море повлекъ.
 И что жъ? Океанъ испаряетъ могучій
 Ту влагу, что взялъ онъ отъ вьющихся рѣкъ,
 И, свѣжимъ дождемъ опрокинувъ изъ тучи,
 Проточный опять возвращаетъ ей бѣгъ.

32. Сибирскія тундры.

Здѣсь никто не живетъ, начиная отъ Ледовитаго моря до китайскихъ границъ, кромѣ кочевыхъ тунгусовъ, разбросанныхъ кой-гдѣ на этихъ огромныхъ пространствахъ. Даже птицы, и тѣ мимолетомъ здѣсь. Звѣрей, говорятъ,

много; но мы, кромѣ бурунчуковъ и бѣлокъ, другихъ не видали. И слава Богу: встрѣча съ медвѣдемъ могла бы доставить удовольствіе, а, можетъ-быть, и нѣкоторую выгоду — только ему одному; насъ она повергла бы въ недоумѣніе, а лошадей въ неистовый испугъ.

Тоска сжимаетъ сердце, когда проѣзжаешь эти нѣмыя пустыни. Вопросилъ бы стоящія по сторонамъ горы, когда онѣ и все окружающее ихъ увидѣло свѣтъ, да не умѣю; спросилъ бы что-нибудь кого-нибудь, хотя нашего проводника-якута, сколько верстъ осталось, да онъ не умѣетъ отвѣтить по-русски. Надобно быть отчаяннымъ поэтомъ, чтобъ на тысячахъ верстъ наслаждаться величіемъ пустыннаго и скукой собственнаго молчанія, или дикаремъ, чтобы считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшеніе своего жилища, медвѣдей — за товарищей, а дичь — за провизию.

Вчера мы были одиннадцать часовъ въ сѣдлахъ, а съ остановками двѣнадцать съ половиною. Дорога шла было хорошо, нельзя лучше, даже безъ камней, но вдругъ мы въѣхали въ заросшія лѣсомъ болота. Лѣсъ часть, какъ волосы на головѣ; болота топки: лошади вязли по брюхо и не знали, что дѣлать, а мы, всадники, еще меньше. Переѣзжая болото, только сидишь и ждешь съ безпокойствомъ, которой ногой оступится лошадь. Вездѣ мохъ и болото; напрасно вы смотрите кругомъ во всѣ стороны: нѣтъ выхода изъ безконечныхъ тундръ, не проходимыхъ безъ проводника. Горе тому, кто бы самъ собою попробовалъ сунуться въ сторону: дороги нѣтъ, указать ее некому.

Болота такъ задержали насъ, что мы не могли доѣхать до станціи и остановились въ пустой брошенной юртѣ, гдѣ развели огонь, пили чай и ночевали. Холодно было; легла изморозь, дулъ вѣтеръ, небо мрачное и темное — осень, осень! Якуты повели лошадей на кормище за рѣчку, тамъ развели огонь и заварили свои два блюда: вареную въ водѣ муку съ масломъ, и муку, вареную въ водѣ безъ масла.

Что каменистая дорога, что горныя рѣчки въ сравненіи съ болотами! Подъѣзжаете вы къ грязному пространству: сверху вода; проводникъ останавливается и осматриваетъ, нѣтъ ли объѣзда; если нѣтъ, онъ нехотя пускаетъ свою

лошадь, она еще болѣе нехотя осторожно ступаетъ, за ней другія. Вдругъ та остушилась передними, другая — задними ногами, а та — тѣми и другими. Всадникъ въ безпокойствѣ сидитъ наготовѣ упасть, если упадетъ лошадь, но упасть какъ можно осторожнѣе. Между тѣмъ лошадь чувствуетъ, что вязнетъ глубоко; вотъ она начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія и порывисто подымаетъ кверху то крестецъ, то спину, то голову. Хорошо въ это время сѣдоку! Наконецъ, побившись, она ложится на бокъ; ложитесь поскорѣе и вы: оно безопаснѣе.

Въ лѣсу немного посуше — это правда; но зато ноги уходятъ въ мохъ, вся почва зыблется подъ ногами; вы ѣдете вблизи деревьевъ, третесь о нихъ ногами, вѣтви хлещутъ въ лицо; лошадь ваша то прыгаетъ въ яму и выскакиваетъ стремительно на кочку, или останавливается въ недоумѣннн передъ лежащимъ на дорогѣ бревномъ; наконецъ, перескочитъ и черезъ него и очутится опять въ топкой ямѣ. Иногда якутъ вдругъ остановится, видя, что не туда завелъ; впереди все одно непроходимое и безконечное топкое болото, дорожки не видать, и мы пробираемся назадъ. Пытка!

Якуты ласковы и внимательны: они насъ буквально на рукахъ снимаютъ съ сѣдла и сажаютъ на нихъ; иначе бы не взлѣзть на сѣдло, потомъ на подушку, да еще въ дорожномъ платьѣ... Развлеченій никакихъ; развѣ только наблюдаешь, какая новая лошадь попалась: кусается ли, лягается, или просто лѣнится. Онѣ иногда лукавятъ: если сѣдло ѣздитъ, надо подтянуть подпругу — она надуетъ брюхо, и подтянуть нельзя.

33. Русская равнина.

Мѣстность Европейской Россіи, при сравненіи ея съ мѣстностью западной Европы, на первый взглядъ представляется крайне однообразною. На западѣ горы, разбросивъ свои отрасли во всѣ стороны, раздѣлили и оразнообразили этотъ небольшой полуостровъ стараго свѣта, расчленили его на множество странъ и придали, въ совокупности съ врѣзавшимися въ материкъ морями, отличительный и рѣзкій характеръ каждой странѣ. Не то совершенно ви-

димъ мы въ восточной половинѣ Европы, занимаемой почти исключительно Европейскою Россіею. Здѣсь горныя группы и кряжи разбросаны только кой-гдѣ по окраинамъ; середина же едва-едва взволнована, и море, нигдѣ не врываясь въ средину материка, едва вдается въ окраины. Вслѣдствіе чего вся эта громадная мѣстность представляется намъ сплошною равниною, которая походила бы на пустыню, гдѣ сѣверъ и югъ, востокъ и западъ не знаютъ другъ о другѣ, если бы не была прорѣзана богатѣйшею въ мірѣ рѣчною системою, почти связанною въ центрѣ и расходящеюся въ четыре моря, по четыремъ странамъ свѣта: на югъ — къ Черному морю, на западъ — къ Балтійскому морю, на сѣверъ — къ Бѣлому морю и на юго-востокъ — къ Каспійскому.

Однако это разнообразіе русской равнины исчезаетъ при внимательномъ ея разсматриваніи; и путешественникъ, побывавшій и въ средней Россіи, и въ Малороссіи, и въ новороссійскихъ степяхъ, и вологодскихъ лѣсахъ, сравнивая свои впечатлѣнія, находитъ, что эта почти повсюду одинаково ровная мѣстность не лишена однакожь замѣчательнаго разнообразія.

Все это разнообразіе легко подводится подъ три основныхъ типа: равнину обработанную, земледѣльческую; степь полуобработанную, полупастушескую — и болотистую лѣсную низменность, богатую пушнымъ звѣремъ и укрывающую еще и теперь кой-гдѣ полубродячее звѣроловное населеніе. Каждая изъ этихъ типическихъ мѣстностей вызывала въ своемъ населеніи особый образъ жизни и имѣла своимъ представителемъ особое племя.

Болотистая, лѣсистая равнина предлагала богатый звѣриный промыселъ и отчасти торговлю по тѣмъ безчисленнымъ рѣкамъ, которыя питались въ ея непроглядныхъ дебряхъ. Представителемъ этой мѣстности было загадочное, темное финское племя, населявшее когда-то весь сѣверъ стараго свѣта. Финны — племя звѣроловное, чаще бродячее, чѣмъ осѣдлое, изрѣдка кой-гдѣ создавшее стародавніе торговые центры, племя страдательное, исчезало съ вырубкою лѣсовъ и съ высушкою болотъ и едва

оставило свой слѣдъ въ названіи мѣстностей и въ нѣсколькихъ десяткахъ словъ, оставшихся въ языкѣ племени, которое смѣняло и поглощало финновъ. Это племя ускорило занятіе Россіи славянскимъ племенемъ, какъ потому, что давало вначалѣ матеріальное богатство этому племени, умѣвшему пользоваться слабостью туземцевъ, такъ и потому, что, легко превращаясь въ русскихъ, оно увеличивало собою численность русскаго населенія, которое, предоставленное самому себѣ, не могло бы умножаться и распространяться такъ быстро.

Совсѣмъ другого рода представителя имѣла степь. Она, по самой природѣ своей, не разбрасывала своихъ населеній, но собирала ихъ въ громадныя кочующія массы, разделенныя между собою большими пустынными пространствами. Степь наша есть только небольшой уголокъ средне-азиатскихъ степей, ворвавшихся въ Европу. Открываясь широкими воротами въ Среднюю Азію на берегахъ Урала и Волги, степной уголокъ этотъ все суживается по направленію къ западу и, наконецъ, замираетъ за Дунаемъ, въ татарскомъ Буджакѣ и за Карпатами, въ венгерскихъ пущахъ. Поэтому естественно, что и населеніе этой степи постоянно прилиvalo изъ Средней Азіи, состоя то въ чисто монгольскихъ ордахъ, то въ турецкихъ, преимущественно названныхъ у насъ татарами, то въ безобразномъ смѣшеніи татаро-монгольскихъ племенъ съ финнами, которыхъ средне-азиатское теченіе народовъ захватывало на южныхъ окраинахъ Сибири и на Уралѣ. Не будучи въ состояніи проникать въ лѣсистый сѣверъ, гдѣ мало было приволья многочисленнымъ стадамъ, кочевники эти были наиболее опасны для приднѣпровской земледѣльской равнины, и хотя не могли остановиться въ ней надолго, не находя безграничныхъ степныхъ луговъ для своихъ стадъ, но могли проникать далеко съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ; не могли они также перешагнуть Карпаты, но могли, не измѣняя образа жизни, перейти за Дунай и проникнуть даже, хотя съ трудомъ, въ ту котловину, гдѣ засѣдало одно изъ такихъ же кочующихъ племенъ — венгерское.

Представителемъ земледѣльской равнины былъ единственно славянинъ и, главнымъ образомъ, то славянское

племя, которое сѣло по среднему теченію Днѣпра и не перешло на сѣверъ далѣе Десны, не дошло и на востокъ до истоковъ Оки, — племя, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалось нынѣшнее населеніе Малороссіи.

Несмотря на все свое типическое разнообразіе, равнина, степь и болотистые лѣса имѣютъ то общее между собою, что не представляютъ ничего постояннаго, неодолимаго, въ родѣ горъ и внутреннихъ морей западной Европы. Равнина, степь и лѣсистое болото, какъ ни разнообразны тѣ условія жизни, которыя ими предлагаются своимъ обитателямъ, легко переходятъ одно въ другое. Кочевникъ истреблялъ села, выжигалъ лѣса и расширялъ предѣлы степи; земледѣлецъ вырубалъ лѣса, осушалъ болота и расширялъ предѣлы равнины, подвигая земледѣліе и осѣдлую жизнь съ береговъ Оки до далекаго сѣвера и востока; но теперь и степь покрывается селами и городами, а луга замѣняются нивами. Итакъ, цивилизующее вліяніе имѣла равнина и ея славянское и земледѣльческое населеніе, и изъ маленькой страны, ограничивавшейся, можетъ-быть, побережьемъ Днѣпра, земледѣльская равнина разошлась по лицу всей Европейской Россіи, уперлась въ Кавказъ и Бѣлое море, перешагнула за Уралъ и внесла осѣдлую жизнь, земледѣліе, христіанство и начатки европейской цивилизаціи даже до береговъ Амура.

34. Южныя горы.

Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть: глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенныя тоны колорита. Въ равнинахъ природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше — одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти; отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнины. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльностью: глаза повсюду встрѣчаютъ не однородную, сѣрую даль, а яркіе

переливы зелени или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные и радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ; только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ затишьемъ вечера, раннимъ утромъ розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелья. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца; пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный и голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта, и лучи его падаютъ перпендикулярно; яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтло-голубой эфиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежавшая на нихъ съ самаго утра, совершенно исчезла. Въ эти минуты чувствуешь, что то же очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глаза заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ, но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе лиловые тоны, и все сильнѣе и все

гуще, и чрезъ минуту горы облиты лиловымъ сіяніемъ. Какъ нѣжатся утомленные яркостью прежнихъ цвѣтовъ глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ! съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! Но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы, и мгновенно разливается по нимъ яркій, огненный пурпуръ; съ минуту стоятъ онѣ, словно объятые краснымъ пламенемъ... нѣтъ силъ посмотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... Онѣ слабѣетъ уже... Послѣдніе кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонуть въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы, и каждый день мнѣ все кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія.

35. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами, у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшея вершины
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ;
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ.
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ;

И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣномъ весельи;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной.
Вотще! нѣтъ ни пищи ему ни отрады:
Тѣснять его грозно нѣмыя громады.

36. Югъ и сѣверъ.

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъемлетъ алмазною дугой
Фонтанный дождь надъ сочною травой;
Гдѣ статуи безмолвствуютъ угрюмо,
Объятыя невыразимой думой;
Гдѣ говорятъ такъ много о быломъ
Развалины, покрытыя плуцемъ;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ и цвѣтетъ,
Гдѣ жизнь безпечнѣе идетъ.

Но мнѣ милѣй роскошной жизни юга
Сѣдой зимы полуночная вьюга,
Морозъ и вѣтръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей и небо надъ степями
Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ — все сердцу говорить:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И снѣжныя безлюдныя равнины,
И удали размахистый разгуль,
И русскій духъ, и русской пѣсни гуль,
То глубоко безпечной, то унылой,

Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокругъ — и на душѣ легко,
И зрѣетъ мысль такъ вольно, широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,
И кровь кипитъ, и сердце гордо бьется.
И съ радостью внимаешь звуку словъ:
«Я Руси сынъ! здѣсь край моихъ отцовъ!»

37. Путешествіе чрезъ С. Готардъ.

Въ два дня моего путешествія чрезъ Сень-Готардъ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, между которыми въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейса еще спокойна. У Амстега все становится мрачнѣе: горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе; дорога вьется надъ пропастями, въ которыхъ Рейса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады. Когда я шель, небо было туманно; вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными; но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейсы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость; наконецъ, у Гестинена исчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мхомъ и травой; видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало-по-малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями; камни, безпрепятственно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудями, и эта долина камней становится, наконецъ, столь узкою, что одна только Рейса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно. Поперекъ долины, надъ самымъ каскадомъ, изгибается *Чортовъ мостъ*; къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкруть, упирается въ скалу, которую пробилла насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну. Но что же! Мое счастье и здѣсь меня не покинуло: солнце выглянуло изъ-за тучъ и ударило на прелестный

Андерматъ въ самую минуту, какъ я выходилъ изъ-подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ послѣ густого мрака пещеры видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину — и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто: думаешь, что передъ тобою низкіе дерновые пригорки; но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину, и близкія къ снѣжной вершинѣ Сень-Готарда.

Я ночевалъ въ Андерматѣ, который черезъ минуту послѣ моего прихода исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и, окруженный ею, взошелъ я на вершину Сень-Готардской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени! Здѣсь она ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ; кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончается земля и начинается небо; предъ тобою равнина, вымощенная огромными голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе, растреснутые утесы; съ одной стороны озеро и тихій ручей, съ другой стороны такое озеро и такой же тихій ручей: это Тессинъ и Рейса; здѣсь они навсегда разлучаются: отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая — на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ и, наконецъ, близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже видѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италии проглядывало голубое небо, со стороны Рейсы клубились туманныя облака, и небо сдѣлалось ярко-лазурнымъ, когда я, спустившись въ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной италіанской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже; ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны и, наконецъ, предъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная

селами, церквами, замками, уже имѣющими характеръ италіанскій.

Я недолго отдыхалъ въ Айроло, ибо надо было засвѣтло дойти до ночлега.

Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ моей жизни. Какое разнообразіе въ зрѣлищахъ!

38. Три пальмы.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы не слышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошныя листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!»
И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой;
Звонковъ раздавались нестройные звуки;
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шель, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,

Арабъ горячилъ вороного коня;
 И конь на-дыбы поднимался порой,
 И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
 И бѣлой одежды красивыя складки
 По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
 И съ крикомъ и свистомъ носясь по песку,
 Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.
 Вотъ къ пальмамъ подходит шумя караванъ:
 Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
 Кувшины звуча налилися водою,
 И, гордо кивая махровой главою,
 Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
 И щедро поить ихъ студеный ручей.
 Но только что сумракъ на землю упалъ,
 По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ —
 И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
 Одежды ихъ сорвали малыя дѣти;
 Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
 И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
 Когда же на западъ умчался туманъ,
 Урочный свой путь совершалъ караванъ;
 И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ неплодной
 Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
 И солнце остатки сухіе дожгло,
 А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.
 И нынѣ все дико и пусто кругомъ:
 Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ;
 Напрасно пророка о тѣни онъ просить, —
 Его лишь песокъ раскаленный заносить,
 Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
 Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

39. Лѣсъ и степь.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, *für sich*, какъ говаривали встарину. Но, положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу, вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату... слушайте.

Знаете ли вы, на примѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо: на темно-сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей, молча и медленно, перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ — стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли, лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга. Вы ѣдете, ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину; прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели: вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ по лужамъ, кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отѣхали версты четыре: край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ.

Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы потянулись по небу; въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ; передразвѣтный вѣтеръ подулъ, и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далекъ видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлою церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете. Живѣе, кони, живѣе! крупной рысью впередъ! версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто; погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору... какой видъ! Рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пахучіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухъ, ясно вы-

ступаетъ даль — не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ бодро движутся члены, какъ крѣпнеть весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!

А лѣтнее іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, поблѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ — васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжею горечью полыни, медомъ гречихи и кашки; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь. Вы поздоровались съ нимъ, отошли — звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. «Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться?» спрашиваете вы у косаря. — «А вонъ въ оврагѣ колодець». — Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага; точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые листья; большіе серебристые пузыри колыхаясь поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ бархатнымъ мхомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевелинуться. Вы въ тѣни, вы дышите пахучей сыростью, вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ; ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага — что за свинцовая полоса на небосклонѣ? зной ли густѣетъ? туча ли надвигается? Но вотъ слабо сверкнула молнія: э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце; охотиться еще можно. Но туча растетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло... Скорѣе! вонъ, кажется,

виднѣется сѣнной сарай... скорѣе!... Вы добѣжали, вошли... Каковъ дождикъ! каковы молніи! Кой-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно. Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите: Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни. Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката. Вотъ оно блѣднѣетъ, синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ; воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость. А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно; собаки едва блѣбуютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно ясиѣетъ; что это? пожаръ? Нѣтъ, это выходитъ луна, а вонъ внизу, направо уже мелькаютъ огоньки деревни. Вотъ, наконецъ, и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ.

А то велишь заложить бѣговья дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнливой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтви березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинною, болтливою радостью: онъ идетъ къ запаху ланды-

шей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ гложнетъ... неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурю листву кой-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шапками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ — собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ.

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ позднею осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой гущѣ: ихъ надо искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенія, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе, золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находить странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память; давным-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображеніе рѣветъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами всей своей души владѣетъ человѣкъ. И ничто кругомъ ему не мѣшаетъ — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму.

А осенній, ясный, немножко холодный утромъ, морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ? когда низкое солнце уже не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго; небольшая осиновая роца вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой; изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долины, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья? когда по рѣкѣ радостно мчатся

синія волны, тихо вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней?

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять: птица, выпорхнувъ у васъ изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется, оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухъ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую гряду польни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ — всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется — клочокъ блѣдно-голубого неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу... и вотъ опять все заволокло. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ, наконецъ, восторжествуетъ, и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то взвиваются и исчезаютъ въ голубой, нѣжно сіяющей вышинѣ!

40. Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы, наконецъ, утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ переменъ; звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: «земля!» Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдныя луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи

зеленѣють; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи.

41. Весна.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живешь,
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь,
Какъ колоколь пробудить гуль далекій,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнуть ни на мигъ.
И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ.
И ласточка щебеча пронесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ-давно... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ странѣ ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...
И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шумень лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней деревей;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день,
И ясенъ вечеръ, и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяць темный;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ,
И соловей до утра пропоетъ.

42. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣсть снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ и плещутъ и гласятъ...
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы;
Она насъ выслала впередъ!»
Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толнится весело за ней.

43. Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые!...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ;
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный;
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.

44. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межей,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О Божья благодать! о, какъ прилечь отрадно

Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
 Заботы полные, колосья надо мной
 Бесѣду важную ведутъ между собой.
 Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
 И жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
 Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
 Вонь — на зарѣ стучать проворные цѣпы;
 Въ амбарахъ воздухъ полнь и розана и меда;
 Вездѣ скрипятъ воза; средь шумнаго народа
 На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
 Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
 Нагнувши головы, плечами напирая
 И длинной бечевой по влагѣ ударяя...

45. У т р о .

Звѣзды меркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака.
 Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
 По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
 Отъ зари алый свѣтъ разливается.
 Дремлетъ чуткій камышь. Тишь-безлюдье вокругъ,
 Чуть примѣтна тропинка росистая.
 Кусть задѣнешь плечомъ — на лицо тебѣ вдругъ
 Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
 Потянуль вѣтерокъ, воду морщить-рябить.
 Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
 Далеко, далеко колокольчикъ звенить.
 Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
 Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
 А востокъ все горить-разгорается.
 Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ,
 И стоитъ себѣ лѣсъ улыбается.
 Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ,
 За морями ночлеги свой покинуло;
 На поля, на луга, на макушки раки
 Золотыми потоками хлынуло.
 Ёдетъ пахарь съ сохой, ёдетъ, пѣсню поетъ;
 По плечу молодцу все тяжелое...
 Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
 Здравствуй, солнце да утро веселое!

46. Украинская ночь.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; говорить и дышитъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; чудный воздухъ и прохладнодушень, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленныя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтреникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Кой-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

47. У р о ж а й .

Краснымъ полымемъ	Нагустилъ его
Заря вспыхнула:	Въ тучу черную;
По лицу земли	Туча черная
Туманъ стелется.	Понахмурилась —
Разгорѣлся день	Понахмурилась,
Огнемъ солнечнымъ,	Что задумалась,
Подобралъ туманъ	Словно вспомнила
Выше темя горъ;	Свою родину...

Понесутъ се
Витры буйныя
По всѣмъ стороны
Свѣта блага...

Ополчается
Грономъ-бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилась
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы-небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя:

Дума первая —
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза;

А вторая ихъ
Была думушка —
Изъ села гужемъ
Въ пору выѣхать;

Третью думушку
Какъ задумали,
Богу-Господу
Помолилися,

Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разѣхались —
И пошли гулять
Другъ за дружкой,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю пойду,
Полобуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая,
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко стоять,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена;
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

48. Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле
Послѣ грозы озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горять надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спать неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣ-
женный!

Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темно-синій:
отъ жару

Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ рас-
каленной;

Вотъ онъ опять развернулся, и держится прямо на стеблѣ;
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской;
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горять на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный собирая. А какъ заблѣлася ярко
Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется — снѣгъ это бѣлой лежитъ полосой.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосья;
Бѣдная, долго ждала она капли прозрачной изъ тучи.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ, и распѣваетъ овсянка;
Весело свистнулъ и онъ и водицы напился изъ лужи.

Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣса. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой;
Тайну молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
«Экую радость послалъ намъ Господь — проливной этотъ
дождикъ!

Хлѣбъ-отъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь».

49. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

50. Гроза.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами
солнца, становился душень и тяжелъ. Вотъ и солнце
спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и
травы — все облеклось въ безразличный, какой-то зло-
вѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудо-
вище, черное, безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ
по краямъ, и быстро надвигалось на село и на рощу, про-
стирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало
въ природѣ. Коровы понурили головы, лошади обмахива-
лись хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая
гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ,
но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами.

Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился
отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало
чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя
дѣзво порхали и пѣли на солнышкѣ? Гдѣ насѣкомья,
что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось

и безмолвствовало. И бездушные предметы, казалось, раз-
дѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали пока-
чиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрями-
лись, только изрѣдка наклонялись верхушками между
собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопо-
томъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались
убраться вѣ-время по домамъ. Наступила минута всеоб-
щаго, торжественнаго молчанія. Отъ лѣсу, какъ пере-
довой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ
прохладой въ лицо прохожему, прошумѣлъ по листьямъ,
захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль
на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится
бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли;
вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ
досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю, взвилъ юбку
у несущей воду бабы и погналъ вдоль улицы пѣтуха и
куръ, раздувая ихъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе.
Все суетится и прячется; только глухой баранъ не пред-
чувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ жвачку, стоя
посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая
общей тревоги; да перышко съ соломинкой, кружась по
дорогѣ, селятся поспѣть за вихремъ. Упали двѣ-три круп-
ныя капли дождя, и вдругъ блеснула молнія. Старикъ
всталъ съ заваленки и поспѣшно повелъ маленькихъ вну-
чатъ въ избу; старуха крестясь торопливо закрыла окно.
Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно
прокатился по воздуху. Испуганный конь оторвался отъ
коновязи и мчится съ веревкой въ поле; тщетно пре-
слѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ, такъ
и сбѣчетъ, все чаще и чаще, и дробить въ кровли и окна
все сильнѣе и сильнѣе.

51. Зарница.

Не остывшая отъ зною	Словно тяжкія рѣсницы
Ночь июльская блистала,	Разверзались порою,
И надъ тусклою землею	И сквозь бѣглыя зарницы
Небо, полное грозою,	Чьи-то грозныя зѣницы
Отъ зарницъ все трепетало.	Загорались надъ землею.

52. Есть въ осени первоначальной...

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера.
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ, и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на празднои бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

53. Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ;
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно-сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

54. Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли;
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всеякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ — и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ!»
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ — не ѣсть и не пьеть,
Червь ему сердце больное сосетъ;
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети;
Очи потухли, и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шель полосою.

55. Осень.

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роца отряхаетъ
Последніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ на мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей:
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.
И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь:

Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
 Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
 Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
 Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
 Желанія кипятъ — я снова счастливъ, молодъ,
 Я снова жизни полнъ — таковъ мой организмъ
 (Извольте мнѣ простить невольный прозаизмъ*).
 Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолиі открытомъ,
 Махая гривой, онъ всадника несетъ —
 И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
 Звенить промерзлый долъ, и трескается ледъ.
 Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
 Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ ліетъ,
 То тлѣетъ медленно, а я надъ нимъ читаю,
 Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

56. Осенній вѣтеръ.

Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень.
 Прислушайтесь; слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное? Онъ заглядываетъ въ каждое душло, въ каждую скважину, поднимаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ — нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодую на свою слабость, вѣтеръ, однимъ махомъ подобравъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья.

*) Прозаизмъ — выраженіе свойственное только прозаическимъ сочиненіямъ.

57. Дорога.

Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! и какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шалку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся. Какъ соблазнительно крадется дремота, и смежаются очи! и уже сквозь сонъ слышится и «не бѣлы снѣги», и сапъ лошадей, и шумъ колесъ; и уже храпишь, прижавши въ углу своего сосѣда. Проснулся: пять станцій убѣжало назадъ; луна, невѣдомый городъ, церкви съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечіями, темные бревенчатые и бѣлые каменные дома. Сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши, и нигдѣ ни души — все спитъ. Одинъ-одинешенекъ развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брежжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекаръ ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь! небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ въ недоступной глубинѣ своей такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся! Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный притиснутый къ углу сосѣдъ. Проснулся, и уже опять передъ тобою поля и степи, нигдѣ ничего — вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на поблѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель! какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ, и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. Полегче! легче! слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и

широкий ясный прудъ, сіяющій какъ мѣдное дно передъ солнцемъ; деревенскія избы рассыпались на косогорѣ; какъ завѣда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ. Боже! какъ ты хороша, подчасъ, далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!

58. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы Что-то слышится родное
Пробирается луна, Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
На печальныхъ поляны То разгулье удалое,
Льетъ печально свѣтъ она. То сердечная тоска...
По дорогѣ зимней, скучной Ни огня, ни черной хаты...
Тройка борзая бѣжитъ, Глушь и снѣгъ... Навстрѣчумнѣ
Колокольчикъ однозвучный Только версты полосаты
Утомительно гремитъ. Попадаются однѣ.

59. Морозъ.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи:
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ — хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ сломанной ели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,

А самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
«Мятели, снѣга и туманы
«Покорны морозу всегда;
«Пойду на моря-океаны —
«Построю дворцы изо льда;
«Задумаю — рѣки большія
«Надолго упрячу подъ гнетъ,
«Построю мосты ледяные,
«Какихъ не построить народъ;
«Гдѣ быстрыя, шумныя воды
«Недавно свободно текли, —
«Сегодня прошли пѣшеходы,
«Обозы съ товаромъ прошли.
.....
«На горе недоброму вору,
«На страхъ сѣдоку и коню,
«Люблю я въ вечернюю пору
«Затѣять въ лѣсу трескотню.
.....
«Богатъ я, казны не считаю,
«А все не скудѣетъ добро;
«Я царство мое убираю
«Въ алмазы, жемчугъ и серебро».

60. Очеркъ зимняго дня.

Въ 1813 году съ самаго Николина дня установились трескуіе декабрьскіе морозы, особенно съ зимнихъ поворотовъ, когда, по народному выраженію, солнышко пошло на лѣто, а зима на морозъ. Стужа росла съ каждымъ днемъ, и 29 декабря ртуть застыла и опустилась въ стеклянный шаръ. Птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченѣлою. Вода, взброшенная вверхъ изъ стакана, возвращалась оледенѣлыми брызгами и сосульками, а снѣгу было очень мало, всего на вершокъ, и не прикрытая земля промерзла на три четверти аршина. Врывая столбы для постройки рижнаго сарая, крестьяне говорили, что не запомнятъ, когда бы такъ глубоко промерзла земля, и надѣялись въ будущемъ году богатаго урожая озимыхъ

хлѣбовъ. Воздухъ былъ сухъ, тонокъ, жгучъ, пронзительнъ, и много хворало народу отъ жестокихъ простудъ и воспаленій; солнце вставало и ложилось съ огненными ушами, и мѣсяць ходилъ по небу, сопровождаемый крестообразными лучами; вѣтеръ совсѣмъ упалъ, и цѣлые вороха хлѣба остались не вѣянными, такъ что и дѣваться съ ними было некуда. Съ трудомъ пробивали пешнями и топорами проруби на пруду; ледъ былъ толщиною слишкомъ въ аршинъ, и когда доходили до воды, то она, сжатая тяжелою ледяною корою, была какъ фонтанъ, и тогда только успокоивалась, когда широко затопляла прорубь, такъ что для чищенія ея надобно было подмащивать мостики. Скотъ грѣлся постоянно ѣдою, корма выходило вдвое противъ обыкновеннаго; и какъ отъ лѣтней засухи уродилось мало травъ и соломы, то крестьяне начинали охать и бояться, что корму, пожалуй, не хватить и до Алексѣя Божьяго человѣка. Стали бить лишнюю скотину, и мясо такъ подешевѣло, что говядину продавали по три копейки ассигнаціями, а баранину по двѣ копейки за фунтъ. Достаточные крестьяне уже не обѣдали безъ свѣжинки; но скоро стали замѣчать, что отъ мясной пищи прибавляются больные, и стали опасаться ея.

Великолѣпенъ былъ видъ зимней природы. Морозъ выжалъ влажность изъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ, и кусты и деревья, даже камыши и высокія травы опушились густымъ инеемъ, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая ихъ только холоднымъ блескомъ алмазныхъ огней. Красны, ясны и тихи стояли короткіе зимніе дни, похожіе, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой; а какъ-то невесело, безпокойно становилось на душѣ, да и народъ приунылъ. Болѣзни, безвѣтріе, безснѣжіе, и впереди безкормица для скота — какъ тутъ не приуныть? Всѣ молились о снѣгѣ, какъ лѣтомъ о дождѣ; и вотъ, наконецъ, пошли косички по небу, морозъ началъ сдавать, померкла ясность синяго неба, потянулъ западный вѣтеръ, и пухлая, бѣлая туча, незамѣтно надвигаясь, заволокла со всѣхъ сторонъ горизонтъ. Какъ будто сдѣлавъ свое дѣло, вѣтеръ опять утихъ, и благодатный снѣгъ началъ прямо, медленно, большими ключьями опускаться на

землю. Радостно смотрѣли крестьяне на порхающія въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, которыя, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снѣгъ началъ итти съ деревенскаго ранняго обѣда, шель безпрестанно, часъ отъ часу сильнѣе и гуще. Я всегда любилъ смотрѣть на тихое паденіе или опущеніе снѣга. Чтобы вполне насладиться этою картиною, я вышелъ въ поле, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ: все безграничное пространство вокругъ меня представляло видъ снѣжнаго потопа, будто небеса разверзлись снѣжнымъ пухомъ и наполнили весь воздухъ движеніемъ и поразительною тишиною. Наступили длинныя, зимнія сумерки; падающій снѣгъ начиналъ закрывать всѣ предметы и бѣлымъ мракомъ одѣвать землю.

Хотя мнѣ, какъ страстному ружейному охотнику, мелко-снѣжье было выгодно и стрѣльба тетеревовъ съ поѣзда, несмотря на стужу, была удобна и добычлива; но, видя общее уныніе и сочувствуя общему желанію, я также радовался снѣгу. Я воротился домой, но не въ душную комнату, а въ садъ, и съ наслажденіемъ ходилъ по дорожкамъ, осыпая снѣжными хлопьями. Засвѣтились огоньки въ крестьянскихъ избахъ, и блѣдные лучи легли поперекъ улицы; предметы смѣшались, утонули въ темнѣвшемъ воздухѣ. Я вошелъ въ домъ, но и тамъ долго стоялъ у окошка, стоялъ до тѣхъ поръ, покуда нельзя было различать опускающихся снѣжинокъ... Какая пороша будетъ завтра, подумалъ я, если снѣгъ къ утру перестанетъ итти, гдѣ маликъ — тамъ и русакъ!... И охотничьи заботы и мечты овладѣли моимъ воображеніемъ. Я особенно любилъ слѣдить русаковъ, которыхъ множество водилось по горамъ и оврагамъ, около хлѣбныхъ крестьянскихъ гумень. Я съ вечера приготовилъ всѣ охотничьи припасы и снаряды; нѣсколько разъ выбѣгалъ осмотрѣть, идетъ ли снѣгъ, и, убѣдясь, что онъ идетъ попрежнему, такъ же тихо и сильно, такъ же ровно устилая землю, — съ пріятными надеждами легъ спать. Длинна зимняя ночь, и особенно въ деревнѣ, гдѣ ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь бѣлаго дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любилъ встрѣчать безъ свѣчки зимній разсвѣтъ. Въ этотъ день я проснулся еще ранѣе и сейчасъ пошелъ

узнать, что дѣлается на дворѣ. На дворѣ была совершенная тишина. Воздухъ сталъ мягокъ, и, несмотря на двѣнадцатиградусный морозъ, мнѣ показалось тепло. Высыпались снѣжныя тучи, и только изрѣдка какія-то запоздавшія снѣжинки падали мнѣ на лицо. Въ деревнѣ давно проснулась жизнь: во всѣхъ избахъ свѣтились огоньки и топились печи, а на гумнахъ, при свѣтѣ пылающей соломы, молотили хлѣбъ. Гулъ рѣчей и стукъ цѣповъ съ ближнихъ овиновъ долеталъ до моего слуха. Я засмотрѣлся, заслушался и не скоро воротился въ свою теплую комнату. Я сѣлъ противъ окошка на востокъ и сталъ дожидаться свѣта; долго нельзя было замѣтить никакой переменны. Наконецъ, показалась особенная бѣлизна въ окнахъ, поблѣбла изразцовая печка, и обозначился у стѣны шкафъ съ книгами, котораго до тѣхъ поръ нельзя было различать. Въ другой комнатѣ, дверь въ которую была отворена, уже топилась печка. Гудя и потрескивая и похлопывая за-слонкой, она освѣщала дверь и половину горницы какимъ-то веселымъ, отраднымъ и гостепріимнымъ свѣтомъ. Но бѣлый день вступалъ въ свои права, и освѣщеніе отъ топящейся печки постепенно исчезало. Какъ хорошо, какъ сладко было на душѣ! Спокойно, тихо и свѣтло! Какія-то неясныя, полныя нѣги, теплыя мечты наполняли душу...

«Лошади готовы; пора, сударь, ѣхать!» раздался голосъ Григорья Васильева, моего товарища по охотѣ и такого же страстнаго охотника, какъ я. Этотъ голосъ возвратилъ меня къ дѣйствительности. Разлетѣлись сладкія грезы! Русачьи малики зарябили передъ моими глазами. Я поспѣшно схватилъ со стѣны мое любимое ружье, моего неизмѣннаго испанца...

61. Буранъ.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ или, точнѣе, по снѣгу, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и, наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, не прикажешь ли воротиться?»

— «Это зачѣмъ?»

— «Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу».

— «Что за бѣда?»

— «А вишь, тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— «Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба».

— «А вонь-вонь: это облачко!»

Я увидалъ, въ самомъ дѣлѣ, на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облако предвѣщало буранъ. Я слышалъ о тамошнихъ мятеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился все сильнѣе. Облако обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегалась небо. Пошелъ мелкій снѣгъ — и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. «Ну, баринъ», закричалъ ямщикъ, «бѣда! буранъ!» Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. «Что жъ ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ. — «Да что ѣхать?» отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: «не вѣсть и такъ куда заѣхали; дороги нѣтъ, и мгла кругомъ». Я сталъ было его бранить, — Савельичъ за него заступился. «И охота было не слушаться», говорилъ онъ сердито: «воротился бы на постоянный дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бы утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего

дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ. Я глядѣлъ во все стороны, надѣясь увидѣть хотя признакъ жилья отъ дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!» закричалъ я, «смотри, что тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталъ всматриваться. «А Богъ знаетъ, баринъ», сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: «возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно-быть, или волкъ, или человѣкъ».

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подниматься намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!» закричалъ ему ямщикъ, «скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?»

— «Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ», отвѣчалъ дорожный: «да что толку?»

— «Послушай, мужичокъ», сказалъ я ему: «знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли довести меня до ночлега?»

— «Сторона мнѣ знакома», отвѣчалъ дорожный: «слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться да переждать; авось, буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ».

Его хладнокровіе ободрило меня. Я уже рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ и сказалъ ямщику: «Ну, слава Богу, жили не далеко; сворачивай вправо да поѣзжай». — «А почему ѣхать мнѣ вправо?» спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ: «гдѣ ты видишь дорогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой». — Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ», сказалъ я, «почему думаешь ты, что жили не далеко?» — «А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ», отвѣчалъ дорожный, «и я слышу: дымомъ пахнуло, знать, деревня близко». — Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушиваясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже

было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

62. Б ѣ с ы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ,
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:

Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... Что тамъ въ полѣ? —
«Кто ихъ знаетъ: пенъ иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ,
 Кони чуткіе храпятъ;
 Вотъ ужъ онъ далече скачетъ;
 Лишь глаза во мглѣ горятъ!
 Кони снова понеслися:
 Колокольчикъ динь-динь-динь...
 Вижу: духи собралися
 Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
 Въ мутной мѣсяца игрѣ
 Закружились бѣсы разны,
 Будто листья въ ноябрѣ...
 Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
 Что такъ жалобно поютъ?
 Домового ли хоронятъ?
 Вѣдму ль замужъ выдаютъ?
 Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Мчатся бѣсы рой за роемъ
 Въ безпредѣльной вышинѣ,
 Визгомъ жалобнымъ и воємъ
 Надрывая сердце мнѣ...

63. Буря на морѣ.

Пароходъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Гибралтара, долженъ былъ итти изъ Кадикса въ пять часовъ вечера; но море такъ взволновалось, что часъ, назначенный для отъѣзда, давно прошелъ, а на пароходѣ и огня не думали разводять. Всѣ пассажиры были уже на борту; но капитанъ говорилъ, что ранѣе полуночи онъ не надѣется сняться съ якоря. На палубѣ вѣтеръ страшно свистѣлъ между снастями, собранными парусами и дулъ съ такою силою, что мой плащъ несколько не защищалъ меня отъ его пронзительности. Я сошелъ въ залу: тамъ одинъ пассажиръ сѣлъ было за фортепіано; но качка заставляла его вдругъ нападать на такіе неожиданно-дикіе аккорды, что онъ принужденъ былъ бросить играть. Я взялъ было книгу, но

движеніе корабля такъ качало лампу, что не было никакой возможности читать: глаза ломило отъ напряженія. Ничего другого не оставалось, какъ лечь спать. У иныхъ начиналась уже морская болѣзнь. Волны бросали пароходъ во всѣ стороны; сотрясенія отъ якорной цѣпи были такъ сильны, что и спать не было возможности. Соскучась вертѣться на койкѣ, я снова одѣлся и пошелъ наверхъ. На палубѣ была мертвая тишина; огня въ машинѣ еще не разводили. Небо было совершенно ясно, вѣтеръ стихъ; но волненіе несколько не уменьшалось; волны сверкали сильнымъ фосфорическимъ блескомъ, съ страшнымъ гуломъ ударяясь въ стѣны Кадикса. Облокотясь на бортъ, долго смотрѣлъ я на темную, фосфорически-сверкающую, суровую массу воды, уходившую въ черную даль; вдали кой-гдѣ виднѣлись въ разныя стороны качавшіяся мачты судовъ. На городскихъ часахъ пробило полночь.

Мнѣ становилось скучно и уныло на душѣ; нигдѣ ничтожность человѣческаго существованія передъ этой всеобъемлющей, неодолимой жизнью природы не дѣлается такъ очевидною и ощутительною, какъ на морѣ... Вѣтеръ сталъ подыматься сырой и студеной; я опять сошелъ въ залу и на этотъ разъ заснулъ. Меня разбудили стукъ поднимаемаго якоря и гулъ вырывающагося пара: было уже пять часовъ утра. На палубѣ все было въ движеніи; скоро пароходъ тронулся.

Попутный вѣтеръ, рѣзкій и пронзительный, дулъ на наши паруса; море сильно волновалось, и не прошло полчаса, какъ большая часть пассажировъ страдала морскою болѣзью. Испытавъ уже нѣсколько бурь на морѣ, я привыкъ къ качкѣ корабля, и не страдаю тошнотою. Между тѣмъ звѣзды понемногу скрывались, красноватая полоса на востокѣ становилась шире и пурпуровѣе, бѣлая пѣна волнъ покрывалась нѣжнымъ, розовымъ отливомъ; онъ постепенно становился гуще и гуще и скоро перешелъ въ пурпуръ, по которому вдругъ пронесся блескъ... Солнце показалось. Хорошо былъ въ эту минуту видъ сильно взволнованнаго моря. Пѣнившіеся верхи волнъ словно были изъ кипящаго золота; въ темныхъ углубленіяхъ, между волнами, сверкало голубое, пурпуровое,

желтое пламя; въ эту минуту океанъ походилъ на необъятный котелъ съ кипящимъ, сверкающимъ разными цвѣтами металломъ. Капитанъ велѣлъ поднять большой парусъ, и пароходъ нашъ летѣлъ, врѣзываясь въ клубящуюся пѣну волнъ. Скоро послѣ полудня мы начали сворачивать изъ океана въ проливъ, и вдали завиднѣлись скалы Гибралтара. Небо было ярко и совершенно чисто; только надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ. Вдругъ эта масса начала расти съ необычайною быстротою и постепенно чернѣть. Вѣтеръ упалъ; волны, стремившіяся по его направленію въ одну сторону, стали перемѣшиваться, ешибаться одна съ другой, били въ одно время во всѣ стороны парохода: явно было, что вѣтеръ измѣнялся; не прошло десяти минутъ, какъ подулъ поминутно усиливающійся со стороны Африки; съ нимъ съ ужасающею быстротою неслась на насъ та бѣлая масса облаковъ, которая стала теперь грозною тучею. Я взглянулъ вверхъ: она была уже надъ нами и такъ черна, что дымъ парохода незамѣтенъ былъ на ней; вдругъ яркая молнія разрѣзала ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и громъ съ оглушительнымъ трескомъ разразился надъ нашими головами. Нѣсколько матросовъ бросились по веревочнымъ лѣстницамъ собирать паруса, другіе принялись ставить на мачтахъ громовые отводы; первый лейтенантъ самъ взялся за руль, къ нему на помощь бросились двое самыхъ сильныхъ матросовъ. Въ эту минуту послышалось глухое, быстро усиливающееся шипѣніе; я взглянулъ направо: съ этой стороны моря быстро росъ надъ нами громадный валъ; гребень его становился все острѣе и прозрачнѣе; потомъ валъ вогнулся внутрь дугою и упалъ на пароходъ съ страшною, оглушительною силою; за этимъ валомъ росъ другой еще выше и также опрокинулся; пароходъ тяжело опустился въ глубь, образовавшуюся между этими громадами, и тотчасъ же былъ снова поднятъ новымъ восходившимъ валомъ такъ высоко, что колеса едва касались воды, и съ нимъ снова полетѣлъ стремглавъ въглубь... Волны перебрасывались черезъ бортъ; пѣна, срываема вѣтромъ съ вершинъ валомъ, разлеталась и падала бѣлымъ, шишучимъ дождемъ.

Я уже былъ давно промоченъ насквозь, и сошелъ внизъ; стулья и столы тамъ были опрокинуты, лампы разбиты; въ этой зловонной духотѣ невозможно было дышать; кромѣ того, удары волнъ о борты парохода отдавались внизу, какъ удары тарановъ; пароходъ весь трещалъ и скрипѣлъ. Послѣ великолѣпнаго вида бурнаго моря не было возможности оставаться въ этой душной тюрьмѣ; здѣсь торжественность бури отдавалась только ударами волнъ, потрясавшими все существо парохода, и тяжкимъ, зловѣщимъ скрипомъ массивнаго его корпуса; въ иную минуту точно онъ надламывался. Въ койкѣ невозможно было лежать иначе, какъ держась обѣими руками за края ея, чтобъ не быть выброшену взмахами качки. Буря отзывалась здѣсь уныло и грозно, лишенная величія своихъ стихій. На душѣ стало становиться тоскливо; я опять кое-какъ вскарабкался по лѣстницѣ на палубу, охватилъ обѣими руками одну изъ толстыхъ веревочныхъ снастей и предоставилъ волнамъ обливаться мною, сколько имъ угодно. Туча все еще висѣла надъ нами, черная и крутящаяся; по-прежнему яркая молнія безпрестанно вилась по ней; валы шли одинъ за другимъ горами; вся сторона къ Африкѣ была однимъ выющимся мракомъ, а на противоположной сторонѣ небо было чисто, ясно, спокойно, и испанскій берегъ ярко освѣщенъ былъ солнцемъ. Пароходъ нашъ, какъ мячикъ, прыгалъ между волнами, то сбрасываемый въ разверзающуюся глубину, то взлетая на вершину валовъ; машина кряхтѣла и пыхтѣла, словно готовилась лопнуть; вся основа парохода дрожала и трещала. Узкость пролива удесятерила силу и напоръ валовъ; вѣтеръ съ визгомъ свистѣлъ между снастями; валы одинъ за другимъ съ оглушающимъ гуломъ опрокидывались на палубу, громъ раздавался безъ умолку. Во всемъ этомъ было дикое, уничтожающее величье.

Между тѣмъ ближе и ближе выказывались передъ нами скалы Гибралтара. Капитанъ давно бросилъ свою сигару, самъ сталъ у рулевого колеса и отдавалъ приказанія за приказаніями. По всѣмъ движеніямъ экипажа замѣтно было, что пароходъ находился въ критическомъ положеніи; но тутъ буря стала утихать, черный цвѣтъ тучи из-

мѣнился на блѣдно-сѣрый, и берегъ Африки обозначился. Англичане давно замѣтили опасное положеніе нашего парохода и безпрестанно дѣлали намъ сигналы со скалы Гибралтара, давая знать, какъ мы должны плыть. Въ эту минуту прибой волнъ къ скаламъ былъ удивительный: бѣлая пѣна взлетала къ самой вершинѣ маяка. Мы благополучно вошли въ безопасную гавань Гибралтара.

64. Буря на морѣ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустились глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь.
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта, и рощетъ она,
И скоро могучая станетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже поднимая,
Полки она строить изъ водныхъ громадъ,
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ, свои смуглыя лица нахмуря
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ... Начинается буря!

65. Бѣжинъ лугъ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго.

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи, наполненный ягдташъ*) немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и

*) Охотничья сумка.

разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную «площадь» кустовъ; взобрался на холмъ и, вмѣсто ожидаемой знакомой равнины съ дубовымъ лѣсомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, неизвѣстныя мнѣ мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ крупной стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи — оглянулся... «Эге!» подумалъ я, «да это я совсѣмъ не туда попалъ, я слишкомъ забралъ вправо», и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость — точно я вошелъ въ погребъ; густая высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣе выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши носились уже подъ его заснувшими верхушками, таинственно дрожа и кружась на смутно-ясномъ небѣ; рѣзко и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребенокъ, слѣпша въ свое гнѣздо. «Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголь», думалъ я про себя — «тутъ сейчасъ и будетъ дорога; а съ версту крюку я далъ!»

Я добрался до угла лѣса — но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошенныя низкіе кусты широко разстилались передо мной, а за ними далеко-далеко виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. — «Что за притча? да гдѣ же я?» Я сталъ припоминать, какъ и куда я ходилъ въ теченіе дня... «Э! да это Парохинскіе кусты», воскликнулъ я, наконецъ: «точно! вотъ это, должно-быть, Синдѣевская роща. Да какъ же это я сюда зашелъ — такъ далеко? Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозная туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду подымалась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало; одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ

крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы; поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновениемъ подвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть, но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились въ немъ.

Что я было принялъ за рошу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. — «Да гдѣ же это я?» повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку Діанку, рѣшительно умнѣйшую изъ всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ плоскими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней — казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія — и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ ней небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрокъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ обратиться назадъ, на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ — наудалую! Около получаса шель я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука; одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями; кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шель и уже собрался было

прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и сквозь едва прозрачный сумракъ ночи увидалъ далеко передъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцаая, обозначали ея течение. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадные очертанія отдѣлялись чернѣя отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручею холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ возлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни; иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы.

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга. Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости; я рѣшился подойти къ огонькамъ и въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ я принялъ за гуртовщиковъ, дожидаться зари. Я благополучно спустился внизъ; но не успѣлъ я выпустить изъ рукъ послѣднюю ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія бѣлыя лохматая собаки съ злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огня, два-три мальчика быстро поднялись съ земли... Я откликнулся на ихъ вопросительные крики... Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огня, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не давали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ — большой праздникъ

для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ клячонкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ; болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ; легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, наостривши уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подошелъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили... Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная. Около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черты того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ; острия, длинныя тѣни, врываясь на мгновеніе, въ свою очередь добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе, и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе, къ небосклону, длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ торжественнымъ великолѣпіемъ; сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной. Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ нихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонно щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственного достоинства, сперва рычали, потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Оедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговора я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изъ всѣхъ, Оедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ, съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, полувеселой, полу-разсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтою каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низенькими голенищами были точно его сапоги, не отцовскіе. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное и рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится — съ пивной котель, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый, что и говорить! а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую болѣзненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились — онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то и дѣло надви-

галъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему и Павлушѣ на видъ было не болѣе лѣтъ двѣнадцати. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ; все лицо его было не велико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе черные, жидкимъ блескомъ блестящіе глаза; они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, на его языкѣ по крайней мѣрѣ, не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. — Последняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикорнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою кудрявую головку. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Итакъ, я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкала щепкой въ закипавшую воду. Одея лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все также напряженно шурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ...

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ, наконецъ... Я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде. Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, предразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло — въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Не долги лѣтнія ночи! —

Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки также дремали; лошади — сколько я могъ различать при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ — тоже лежали, понутивъ головы... Слабое забытье напало на меня... оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже заблѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья; кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею; тѣло мое отвѣтило ему легкою, веселою дрожью... Я проворно всталъ и подошелъ къ мальчикамъ. Они все спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленѣвшимся холмамъ отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной дорогѣ, по сверкающимъ, обограннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана, полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, зашумѣло, зашумѣло, заговорило; всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже омытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ.

66. Крестьянскія дѣти.

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту.
Пишу мои вирши*) — живетъ легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.

*) Вирши — стихи.

Проснулся: въ широкія щели сарая
 Глядятся веселаго солнца лучи.
 Воркуеть голубка, надъ крышей летая,
 Кричатъ молодые грачи,
 Летитъ и другая какая-то птица —
 По тѣни узналъ я ворону какъ разъ!
 Чу! шопоть какой-то... а вотъ вереница
 Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
 Все сѣрые, каріе, синіе глазки —
 Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
 Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
 Въ нихъ столько святой доброты!
 Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
 Его я узнаю всегда.
 Я замеръ: коснулось души умиленье...
 Чу! шопоть опять!

Первый голосъ. Борода!

Второй. А баринъ, сказали!

Третій. Потихе вы...

Второй. У баръ борода не бываетъ — усы.

Первый. А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.

Четвертый. А вона на шапкѣ глядитко — часы!

Пятый. Ай, важная штука!

Шестой. И цѣпь золотая...

Седьмой. Чай, дорого стоитъ?

Осьмой. Какъ солнце горить!

Девятый. А вона собака — большая, большая!
 Вода съ языка-то бѣжить.

Пятый. Ружье! поглядитко: стволина двойная,
 Замочки рѣзные...

Третій (съ испугомъ). Глядитъ!

Четвертый. Молчи, ничего! постоимъ еще, Гриша!

Третій. Прибьетъ...

Испугались шпионы мои,
 И кинулись прочь: человѣка слышна,
 Такъ стаей съ мякины летятъ воробьи.
 Затихъ я, прищурился — снова явились,
 Глазенки мелькаютъ въ щели.

Кто часто ихъ видѣлъ,
 Тотъ, вѣрю я, любить крестьянскихъ дѣтей.
 Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги,
 Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
 Старался примѣтить грибное мѣстечко,
 А утромъ не могъ ни за что отыскать.
 «Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
 Мы оба нагнулись, да разомъ и хватъ
 Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
 Савося хохочетъ: «попался спроста!»
 Зато мы потомъ ихъ губили довольно
 И клали рядкомъ на перила моста;
 Должно-быть, за подвиги славы мы ждали.
 У насъ же дорога большая была:
 Рабочаго званія люди сновали
 По ней безъ числа:
 Копатель канавъ вологжанинъ,
 Лудильщикъ, портной, шерстобить,
 А то въ монастырь горожанинъ
 Подъ праздникъ молиться катить.
 Подъ нами густые, старинные вязы:
 На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
 Ребята обступятъ: начнутся рассказы
 Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей;
 Иной подгуляетъ, такъ только держися —
 Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
 Чухну передразнить, мордву, черемиса,
 И сказкой потѣшитъ и притчу ввернетъ.
 Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
 Что новый прохожій, то новый рассказъ...
 Ухъ, жарко! До полдня грибы собирали;
 Вотъ изъ лѣсу вышли — навстрѣчу какъ разъ
 Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
 Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
 И русскихъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,
 Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
 Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
 Тутъ драка не драка, игра не игра...
 А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.

Домой, ребяташки! обѣдать пора.
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько рассказовъ! Попался косою;
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!

Кто ловить пѣявокъ
На лавѣ, гдѣ matka колотить бѣлье;
Кто нянчить сестренку, двухлѣтнюю Глашку;
Кто тащить на пашню ведерко кваску;
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой,
Сплела себѣ славный вѣнокъ:
Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый,
Да изрѣдка, красный цвѣтокъ;
Тѣ спать на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловить лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подѣ солнечнымъ зноемъ рожденной,
Бояться смиренной лошадки своей!...

Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди, ужъ чернехоньки губы у всѣхъ;
Набили оскому: черника поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочить — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухаръ съ обляплымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащить съ торжествомъ...

— Довольно, Ванюша, гулялъ ты не мало,
Пора за работу, родной!
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ;
Какъ колосъ растеть, наливаютъ зерно;
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,

Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ-колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ,
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣнца: «полѣзай, пострѣленокъ!»
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ...

Теперь намъ пора возвратиться къ началу.
Замѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй, —
— «Эй, воры идутъ!» — закричалъ я Фингалу*);
— «Украдутъ, украдутъ! Ну, прячь поскорѣй!»
Фингалушка скорчилъ серьезную мину,
Подѣ сѣно пожитки мои закопалъ.
Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
У ногъ моихъ легъ — и сердито рычалъ.
Обширная область собачьей науки
Ему въ совершенствѣ знакома была;
Онъ началъ такія выдѣлывать штуки,
Что публика съ мѣста сойти не могла.
Дивятся, хохочутъ. Ужъ тутъ не до страха!
Командуютъ сами: «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха!
— Смотри — умираетъ — смотри!

Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
Когда разразится грозѣ суждено.
И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
Въ сарай полилась дождевая рѣка,
Актеръ залился оглушительнымъ лаемъ,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ: темная туча висѣла
Надъ нашимъ театромъ какъ разъ.

*) Кличка собаки, съ которой ходилъ на охоту авторъ.

Подъ крупнымъ дождемъ ребяташки бѣжали
Босые къ деревнѣ своей...
Мы съ вѣрнымъ Фингаломъ грозу переждали
И вышли искать дупелей.

67. Горцы. Пушкинъ

... Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту
И легкость ногъ и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесь проворный
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ воинѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ;
На немъ броня, пицаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой

Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится:
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшить ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотасть мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ,
И зрить ее передъ собой...
Но мощный конь его — стрѣлой
На берегъ пѣнистый выносить.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесь на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копьѣ, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,

Плыветъ оружіе злодѣя...
 О чемъ ты думаешь, казакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молитвы
 И родину?... Коварный сонъ!
 Простите, вольныя станицы,
 И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
 Стрѣла выходитъ изъ колчана —
 Взвилась — и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана.
 Когда же съ мирною семьей
 Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненастною порой,
 И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
 И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
 И робко сядетъ у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонный
 Съ привѣтомъ, ласково встаетъ,
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь отрадный подаетъ;
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной
 Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
 И утромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровь гостепріимный.
 Бывало въ свѣтлый баиранъ
 Сберутся юноши толпою;
 Игра смѣняется игрою:
 То, полный разобравъ колчанъ,
 Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ,
 Нетерпѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ вдругъ падутъ
 Какъ лани, землю поражаютъ,

Равнину пылью покрываютъ,
 И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
 Но скученъ миръ однообразный
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часто игры воли праздною
 Игрой жестокой смущены:
 Нерѣдко пашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пировъ,
 И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ.

68. Черкесы. *Ауликина.*

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ, аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. Зато никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и пашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчьемъ: заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, какъ вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими пашками. Недавно поймали мирнаго черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно однакожь надѣяться, что приобрѣтеніе восточ-

наго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудить ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣдываніе Евангелія.

Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ корана, между коими отличился Мансуръ, человекъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ, схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно, въ замѣну слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

69. Цыганы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовить ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышенъ въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно все; луна сіяетъ

Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

70. Два хозяина.

Хозяинъ постоялаго двора*) былъ мѣщанинъ; звали его Наумомъ Ивановичемъ. Роста онъ былъ средняго, толстъ, сутуловатъ и плечистъ; голову имѣлъ большую, круглую, волосы волнистые и уже сѣдые, хотя ему на видъ не было болѣе сорока лѣтъ; лицо полное и свѣжее, низкій, но бѣлый и ровный лобъ и маленькіе, свѣтлые голубые глаза, которыми онъ очень странно глядѣлъ: исподлобья и въ то же время нагло, что довольно рѣдко случается. Голову онъ всегда держалъ понуро и съ трудомъ ее поворачивалъ, можетъ-быть, оттого, что шея у него была очень коротка; ходилъ бѣгло и не взмахивалъ, а разводилъ на ходу сжатými руками. Когда онъ улыбался, — а улыбался онъ часто, но безъ смѣха, словно про себя, — его крупныя губы неприятно раздвигались и выказывали рядъ сплошныхъ и блестящихъ зубовъ. Говорилъ онъ отрывисто и съ какимъ-то угрюмымъ звукомъ въ голосѣ. Бороду онъ брилъ, но не ходилъ по-нѣмецки. Одежда его состояла изъ длиннаго, весьма поношеннаго кафтана, широкихъ шароваръ и башмаковъ на босу ногу. Онъ часто отлучался изъ дому по своимъ дѣламъ, — а у него ихъ было много: онъ барышничалъ лошадьми, нанималъ землю, держалъ огороды, скупалъ сады и вообще занимался разными торговыми оборотами, — но отлучки его никогда долго не продолжались; какъ коршунъ, съ которымъ онъ, особенно по выраженію глазъ своихъ, имѣлъ много сходнаго, возвращался онъ въ свое гнѣздо. Онъ умѣлъ держать это гнѣздо въ порядкѣ: всюду поспѣвалъ, все выслушивалъ и приказывалъ, выдавалъ, отпускалъ и рассчитывалъ.

*) См. ст. Постоялый дворъ.

вался самъ, и никому не спускалъ копейки, однако и лишняго не бралъ.

Постояльцы съ нимъ не заговаривали, да и самъ онъ не любилъ тратить по-пустому словъ. «Мнѣ ваши деньги нужны, а вамъ — мой харчъ», толковалъ онъ, словно отрывая каждое слово: «не дѣтей намъ съ вами крестить; проѣзжій поѣлъ, покормилъ, не засиживайся. А усталъ, такъ спи, не болтай». Работниковъ держалъ онъ рослыхъ и здоровыхъ, но смирныхъ и покладливыхъ; они его очень боялись. Онъ въ ротъ не бралъ хмельного, а имъ выдавалъ въ великіе праздники по гривеннику на водку; а въ другіе дни они не смѣли пить.

Лѣтъ за двадцать до того времени, къ которому мы отнесли начало нашего разсказа, уже существовалъ на томъ же мѣстѣ большой дороги постоялый дворъ. Правда на немъ не было темно-красной тесовой крыши, которая придавала дому Наума Иванова видъ дворянской усадьбы, и строеніемъ онъ былъ побѣднѣй, и на дворѣ навѣсы имѣлъ соломенные, а вмѣсто бревенчатыхъ стѣнъ — плетеныя; но все же онъ былъ постоялый дворъ хоть куда: помѣстительный, прочный, теплый — и проѣзжіе охотно его посѣщали. Хозяинъ его въ то время былъ не Наумъ Ивановъ, а нѣкій Акимъ Семеновъ. Этотъ Акимъ былъ смысленный и тороватый мужикъ, который въ молодыхъ еще лѣтахъ, отправившись въ извозъ съ двумя плохими лошадами, воротился черезъ годъ съ тремя порядочными, да съ тѣхъ поръ почти всю жизнь пространствовалъ по большимъ дорогамъ; ходилъ въ Казань и Одессу, въ Оренбургъ и въ Варшаву, и за границу въ «Липецкъ»*), и ходилъ ужъ подъ конецъ съ двумя тройками крупныхъ сильныхъ жеребцовъ, запряженныхъ въ двѣ громадныя телѣги. Надоѣло ему, что ли, его бездомное скитальческое житье, захотѣлось ли ему завестись семействомъ (въ одну изъ его отлучекъ умерла у него жена; дѣти, которыя были, тоже померли), только онъ рѣшилъ, наконецъ, бросить свое прежнее ремесло и завести постоялый дворъ. Основался онъ на большой дорогѣ, купилъ полдесятины земли,

*) Лейпцигъ.

и застроилъ на ней постоялый дворъ. Дѣло шло на ладъ. Денегъ у него на обзаведеніе было слишкомъ довольно; опытность, приобрѣтенная имъ въ теченіе долговременныхъ странствованій по всѣмъ концамъ Россіи, послужила ему въ великую пользу: онъ зналъ, чѣмъ угодить проѣзжимъ, особенно прежней своей братьѣ — троечнымъ извозчикамъ, изъ которыхъ со многими онъ былъ знакомъ лично, и которыми особенно дорожать содержатели постоялыхъ дворовъ: такъ много ѣдятъ и потребляютъ эти люди на себя и на своихъ лучшихъ лошадей. Акимовъ дворъ сталъ извѣстенъ на сотни верстъ вокругъ... Къ нему даже охотнѣе заѣзжали, чѣмъ къ смѣнившему его впоследствии Науму, хотя Акимъ далеко не могъ сравниться съ Наумомъ въ умѣньи хозяйничать. У Акима все было больше на старую ногу, тепло, но не совсѣмъ чисто; и овесъ у него попадался легкій или подмоченный, и кушанье-то варилось съ грѣхомъ пополамъ; у него иногда и такую снѣдь подавали на столъ, что лучше бы ей совсѣмъ въ печи оставаться; не то, чтобы онъ на харчи скупился, а такъ — баба не досмотритъ. Зато онъ и съ цѣны былъ готовъ сбавить, и въ долгъ, пожалуй, не отказывался повѣрить, словомъ — хороший былъ человѣкъ, ласковый хозяинъ. На разговоры, на угощеніе онъ тоже былъ податливъ: за самоваромъ иной часъ такъ разболтается, что уши развѣсишь, особенно, какъ станетъ разсказывать про Питеръ, про степи черкасскія, или вотъ еще про заморскую сторону; ну, и выпить, разумѣется, съ хорошимъ человѣкомъ любилъ, только не до безобразія, больше для общества — такъ объ немъ отзывались проѣзжіе. Весьма благоволили къ нему купцы и вообще всѣ тѣ люди, которыхъ называютъ старозавѣтными, тѣ люди, которые не подноясавшись въ дорогу не поѣдутъ, и въ комнату не войдутъ не перекрестившись и не заговорятъ съ человекомъ, не поздоровавшись съ нимъ напередъ. Уже одна наружность Акима располагала въ его пользу: онъ былъ роста высокаго, нѣсколько худъ, но очень строенъ, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; лицо имѣлъ длинное, благообразное и правильное, высокій и открытый лобъ, носъ прямой и тонкій, и небольшія губы. Взглядъ его карихъ на выкатѣ

глазъ такъ и сіялъ привѣтливою кротостію, жидкіе и мягкіе волосы завивались въ кольцо около шеи, на макушкѣ оставалось ихъ очень немного. Звукъ Акимова голоса былъ очень пріятенъ, хотя слабъ; въ молодости онъ отлично пѣвалъ, но продолжительныя путешествія на открытомъ воздухѣ зимой разстроили его грудь. Зато говорилъ онъ очень плавно и складно. Когда онъ смѣялся, у него около глазъ располагались лучеобразныя морщинки, чрезвычайно милыя на видъ, — только у добрыхъ людей можно замѣтить такія морщинки. Движенія Акима были большею частью медленны и не лишены нѣкоторой увѣренности и важной учтивости, какъ у чело-вѣка бывалаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку.

71. Князь Серебряный.

Лѣта отъ сотворенія міра семь тысячъ семьдесятъ третьяго, или, по нынѣшнему счисленію, 1565 года, въ жаркій лѣтній день, 23 іюня, молодой бояринъ князь Никита Романовичъ Серебряный подъѣхалъ къ деревнѣ Медвѣдевкѣ, версть за тридцать отъ Москвы.

За нимъ ѣхала толпа ратниковъ и холопей.

Князь провелъ цѣлыхъ пять лѣтъ въ Литвѣ. Его посылали царь Иванъ Васильевичъ къ королю Жигмонту подписать миръ на многія лѣта послѣ бывшей тогда войны. Но на этотъ разъ царскій выборъ вышелъ неудаченъ. Правда, Никита Романовичъ упорно отстаивалъ выгоды своей земли, и, казалось бы, нельзя и желать лучшаго посредника; но Серебряный не былъ рожденъ для переговоровъ. Отвергая тонкости посольской науки, онъ хотѣлъ дѣло вести на чистоту и, къ крайней досадѣ сопровождавшихъ его дьяковъ, не позволялъ имъ никакихъ изворотовъ. Королевскіе совѣтники, уже готовые на уступки, скоро воспользовались простодушіемъ князя, вывѣдали отъ него наши слабыя стороны и увеличили свои требованія. Тогда онъ не вытерпѣлъ: среди полнаго сейма ударилъ кулакомъ по столу и разорвалъ докончателъную грамоту, приготовленную къ подписанію. «Вы, де, съ королемъ вашимъ, вьюны да оглядчики! Я съ вами

говорю по совѣсти, а вы все поровите, какъ бы меня лукавствомъ обойти. Такъ, де, чинить неповадно!» Этотъ горячій поступокъ разрушилъ въ одинъ мигъ успѣхъ прежнихъ переговоровъ, и не миновать бы Серебряному опалы, если бы, къ счастью его, не пришло въ тотъ же день изъ Москвы повелѣніе не заключать мира, а возобновить войну. Съ радостью выѣхалъ Серебряный изъ Вильны, смѣнилъ бархатную одежду на блестящіе бахтерцы, и давай бить литовцевъ, гдѣ только Богъ посылалъ. Показалъ онъ свою службу въ ратномъ дѣлѣ лучше, чѣмъ въ думномъ, и прошла про него великая хвала отъ русскихъ и литовскихъ людей.

Наружность князя соотвѣтствовала его нраву. Отличительными чертами болѣе пріятнаго, чѣмъ красиваго лица его были простосердечіе и откровенность. Въ его темно-сѣрыхъ глазахъ, осѣненныхъ черными рѣсницами, наблюдатель прочелъ бы необыкновенную, бессознательную, какъ бы невольную рѣшительность, не позволявшую ему ни на мигъ задумываться въ минуту дѣйствія. Неровныя, взъерошенныя брови и косая между ними складка указывали на нѣкоторую беспорядочность и непослѣдовательность въ мысляхъ. Но мягко и опредѣлительно изогнутый ротъ выражалъ честную, ничѣмъ непоколебимую твердость, а улыбка — безпритязательное, почти дѣтское добродушіе, такъ что иной, пожалуй, почелъ бы его ограниченнымъ, если бы благородство, дышавшее въ каждой чертѣ его, не ручалось, что онъ всегда постигнетъ сердцемъ, чего, можетъ-быть, и не сумѣетъ объяснить себѣ умомъ. Общее впечатлѣніе было въ его пользу и рождало убѣжденіе, что можно смѣло ему довѣриться во всѣхъ случаяхъ, требующихъ рѣшимости и самоотверженія, но что обдумывать свои поступки не его дѣло, и что соображенія ему не даются.

Серебряному было лѣтъ двадцать пять. Роста онъ былъ средняго, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ поясѣ. Густые русые волосы его были свѣтлѣе загорѣлаго лица и составляли противоположность съ темными бровями и черными рѣсницами. Короткая борода, немного темнѣе волосъ, слегка отгѣняла губы и подбородокъ.

Весело было теперь князю и легко на сердцѣ возвращаться на родину. День былъ свѣтлый, солнечный, одинъ изъ тѣхъ дней, когда вся природа дышитъ чѣмъ-то прозрачнымъ, цвѣты кажутся ярче, небо голубѣе, вдали прозрачными струями зыблется воздухъ, и человѣку дѣлается такъ легко, какъ будто душа его сама перешла въ природу, и трепещетъ на каждомъ листѣ, и качается на каждой былинкѣ.

Свѣтелъ былъ июньскій день, но князю, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Литвѣ, онъ казался еще свѣтлѣе. Отъ полей и лѣсовъ такъ и вѣяло Русью.

Безъ лести и кривды радѣлъ Никита Романовичъ къ юному Иоанну. Твердо держалъ онъ свое крестное цѣлованіе, и ничто не пошатнуло бы его крѣпкаго стоятельства за государя. Хотя сердце и мысль его давно просились на родину, но если бы теперь же пришло ему повелѣніе вернуться въ Литву, не увидя ни Москвы, ни родныхъ, онъ безъ ропота поворотилъ бы коня и съ прежнимъ жаромъ кинулся бы въ новыя битвы. Впрочемъ, не онъ одинъ такъ мыслить. Всѣ русскіе люди любили Иоанна всею землею. Казалось, съ его праведнымъ царствованіемъ настала на Руси новый золотой вѣкъ, и монахи, перечитывая лѣтописи, не находили въ нихъ государя, равнаго Иоанну.

72. Хорь и Калинычъ.

Въ первый день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ: — пѣшкомъ итти далеко; зайдете сперва къ Хорю.

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ... Онъ отсюда близехонько.

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А, Оеда! дома Хорь? спросилъ его г. Полутыкинъ.

— Нѣтъ, Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ. — Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу, передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкою на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы сѣли въ телѣгу, и черезъ полчаса уже вѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за ужиномъ: отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ изба у него сгорѣла; вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу, на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошей. — Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ? — Да ужъ такъ; только вы, батюшка Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня уже не извольте, а оброкъ положите, какой сами знаете. — Пятьдесятъ рублей въ годъ! — Извольте. — Да безъ недоимокъ у меня, смотри. — Извѣстно, безъ недоимокъ... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали.

— Ну, и разбогатѣлъ? спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ obroka платить, да еще я, пожалуй, накину. Я ему уже не разъ говорилъ: откупись, Хорь, ей, откупись!... А онъ, бестія,

меня увѣряетъ, что нечѣмъ; денегъ, дескать, нѣту... Да, какъ бы не такъ!...

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г. Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: «Калинычъ!» — «Сейчасъ, батюшка, сейчасъ», раздался голосъ со двора: «лапотъ подвязываю». — Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человекъ лѣтъ сорока, высокаго роста. Это былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кой-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устраивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г. Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человекъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно напѣввалъ вполголоса, беззаботно поглядывалъ во все стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь, прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченіе дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшенную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный теплый медъ ключевою водою и заснули подъ однообразное жужжаніе пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча; онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго

сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ, мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ о Хорѣ да о Калинычѣ. «Калинычъ добрый мужикъ», сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ, «усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности однако содержать не можетъ; я его все отягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ... Какое ужь тутъ хозяйство — посудите сами». Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г. Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ. На охоту поѣхалъ я одинъ и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный — самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Федя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мной въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ... Онъ со мной все какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно-быть, изъ осторожности...

Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, — говорилъ я ему: — отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться! Теперь я барина своего знаю и оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ? замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня съ боку.

— Вѣстимо, — проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупаться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попалъ Хорь въ вольные люди, — продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто про себя: — кто безъ бороды живеть, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрей.

— Что борода! борода трава: скосить можно.

— Ну, такъ что жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его.

— Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ... Что же, телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

«Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ», подумалъ я. — Нѣтъ, сказалъ я вслухъ: — телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ постлатъ тебѣ простыню и положить подушку. — Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста: сюда, бабы!... А ты, Оедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя Оедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Оедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четыремя позднѣе обыкновеннаго и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятели нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практической, административная голова, рационалистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть обстроился,

накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь; на примѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ, Хорь же — къ людямъ, къ обществу. Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился.

Но Хорь не все рассказывалъ: онъ самъ меня разспрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я былъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку: — «Что, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка, — какъ же?...» — «А! ахъ, Господи, твоя воля!» восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что, «дескать, это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо — это порядокъ». Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденіе, котораго, конечно, никакъ не ожидаютъ читатели, — убѣжденіе, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій,

именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того и подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунить надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенія, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотить, какъ выражаются мужики: «жерновомъ не вымелешь». Онъ дѣйствительно понималъ свое положеніе. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанія были довольно, по своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ — умѣлъ. «Этому шалопаю грамота далась», замѣтилъ Хорь: «у него и пчелы отродясь не мерли». — «А дѣтей своихъ ты выучилъ грамотѣ?» Хорь помолчалъ. «Оедя знаетъ». — «А другіе?» — «Другіе не знаютъ». — «А что?» — Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ умень онъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предрассудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, на примѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: «Какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! не бѣшь ты жены, не бѣшь молодой...» Я разъ было вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, что «охота-де вамъ такими пустяками заниматься, — пускай бабы ссорятся... Ихъ что разнимать, то хуже, да и рукъ марать не стоитъ». Иногда злая старуха слѣзала съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: «сюды, сюды, собачка!» и била ее по худой спинѣ кочергой, или становилась подъ навѣсъ и «лаялась», какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа

своего она однакоже боялась и, по его приказанію, убиралась къ себѣ на печь. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина. — «Ужъ ты, Хорь, у меня его не трогай», говорилъ Калинычъ. — «А что жъ онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?» возражалъ тотъ. — «Эка сапоги!... на что мнѣ сапоги? Я мужикъ...» — «Да вотъ и я мужикъ, а вишь...» При этомъ словѣ Хорь поднималъ ногу свою и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи. — «Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!» отвѣчалъ Калинычъ. — «Ну, хоть бы на лапти далъ: вѣдь ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти». — «Онъ мнѣ даетъ на лапти». — «Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ». — Калинычъ съ досадою отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на бала-лайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсеню: «Доля ты моя, доля!» Оедя не упустилъ случая подтрунить надъ отцомъ. «Чего, старикъ, разжалобился?» Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... Зато, въ другое время, не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копаются — телѣгу чинить, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ однако не придерживался и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что «надо-де избѣ жильемъ пахнуть».

— Посмотри-ка, — возразилъ я ему: — какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы бы жить не стали, батюшка, — сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что, — спросилъ онъ меня въ другой разъ: — у тебя своя вотчина есть? — Есть. — Далеко отсюда? — Версть сто. — А больше, чай, ружьемъ пробавляешься? — Признаться, да. — И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще.

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. — Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ, сказала я... Прощай, Оеда. — Прощай, батюшка, прощай, не забывай насъ. — Мы поѣхали; зоря только что разгорѣлась. — Славная погода завтра будетъ, замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо. — Нѣтъ, дождь пойдетъ, — возразилъ мнѣ Калинычъ: — утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ. Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ вполголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зарю...

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г. Полутыкина.

73. Сельскій священникъ.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ,
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ, на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнился тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтель праведной душою;
Покойный графъ его любилъ,
И прахъ владѣльца незабвенный
Былъ святъ его душѣ смиренной:
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со шведомъ воевалъ,

И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.
Но, полонъ важности старинной,
Святого старца кротокъ видъ:
На немъ подрясникъ обьяринный*),
И катуаръ широкій шить
Узорно яркими шелками,
И на груди его висить
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ;
Одинъ монахъ съ Аеонскихъ горъ
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахромой
Виситъ на вербѣ восковой.

74. Старосвѣтскіе помѣщики.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишнее штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу

*) Обьяринный — волнистый.

этой необыкновенной уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколь, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблоками и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненные вербами, бузиной и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ беспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревьевъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый клень, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкой отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколь, обвѣшенный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимся коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ-быть, оттого, что я уже не вижу ихъ, что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка подѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзаль съ козелъ и набиваль трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились сами владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ: старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь, иногда въ шумѣ и толпѣ, среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня

находить полусонъ, и мерещится бывшее. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чисто-сердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную, буколическую*) жизнь. Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ; но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себѣ, что пріѣду современемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружающихъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду**), я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и почти всегда улыбался, хотя бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностью, что художникъ, вѣрно, укралъ бы ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатая фамилія, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтя-

*) Буколическая жизнь — сельская, простая жизнь.

**) Образы изъ античной мифологіи, олицетворявшіе взаимную любовь старыхъ супруговъ.

рей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, деруть послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаются, наконецъ, капиталъ, и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на о, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: «вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна». «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я». Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержащійся съ такою опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучками. Множество узловъ и мѣшковъ съ сѣменами цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе прежде, были уложены по угламъ въ сундукахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь, ведущая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонушій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ не нравится сей звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услы-

шать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами, соловьемъ, обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатахъ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донинѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ, — вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старички.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ подшутить надъ Пульхеріей Ивановной и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ. «А что, Пульхерія Ивановна», говорилъ онъ, «если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?» — «Вотъ это Боже сохрани!» говорила Пульхерія Ивановна крестясь. — «Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?» — «Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ». — «Ну, а если бы сгорѣлъ?» — «Ну, тогда бы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница». — «А если бы и кухня сгорѣла?» — «Вотъ пусть Богъ сохранить отъ такого поущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покаместъ выстроился бы новый домъ». — «А если бы и кладовая сгорѣла?» — «Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи». Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшу-

въ одномъ положеніи, рѣдко даже обратитъ къ вамъ голову; на вопросы отвѣчаетъ коротко, говоря только необходимое; даетъ отвѣты не вдругъ, и въ словахъ его часто проглядываетъ затаенный юморъ. Великороссъ въ такое же короткое время успѣетъ наговорить и надвигаться вдесятеро больше малоросса: онъ и затылокъ почешетъ, и подбоченится, и сапогъ поправитъ, и руками разведетъ, и улыбнется. Въ отвѣтахъ пространенъ, дополняетъ ихъ своими замѣчаніями, острымъ словцомъ, прибауткой; юморъ его выразится въ нѣсколькихъ фразяхъ, тогда какъ юморъ малоросса въ двухъ, трехъ словахъ; зато тѣмъ онъ выходитъ эффектиѣе, и болѣе чувствуется его глубина. Въ работѣ малороссъ также своеобразенъ: онъ работаетъ размеренно, съ обдуманностью, переходя отъ одного приѣма къ другому, работаетъ молча, весь погруженный въ работу; для него два дѣла разомъ невозможны. Русскій, напротивъ того, не можетъ обойтись безъ двухъ дѣлъ въ одно время; работаетъ живо, отъ приѣма къ приѣму переходитъ быстро, безъ перемежки. Какъ бы усердно и скоро онъ ни работалъ, непременно или тянетъ пѣсню, или рассказываетъ что-нибудь своему земляку, или хотъ перебранивается съ нимъ, несмотря на то, что одно, и другое, и третье безпрестанно прерывается стукомъ инструмента и отрывистыми замѣчаніями насчетъ работы. Пѣсня, рассказъ или перебранка, послѣ всякой перемежки, все-таки продолжается. Малороссіянинъ по преимуществу флегматикъ; русскій — типъ сангвиника. Малороссъ крѣпко привязанъ къ своей родинѣ и не легко разстается съ нею; онъ пристрастенъ къ своимъ обычаямъ, къ своему языку, и, несмотря на свойственную ему характеру большую рѣшительность, онъ не легко принимается за новыя занятія, потому что въ своемъ занятіи онъ специалистъ. Въ характерѣ великоросса, напротивъ того, чрезвычайно много уклончивости и гибкости, способности примѣняться къ какимъ угодно обстоятельствамъ. Онъ легко перемѣняетъ занятія, въ случаѣ надобности выучивается новому дѣлу, легко усвоивая его себѣ, и часто бываетъ готовъ на всѣ руки. Переѣхавъ черту населенія малороссійскаго, вы вдругъ перестаете встрѣчать малороссіянь;

между тѣмъ какъ нѣтъ такого уголка въ Россіи, гдѣ бы не встрѣтился вамъ великороссіянинъ, со всѣми отличительными особенностями своего типа и въ характерѣ, и въ привычкахъ, и въ одеждѣ. Вы найдете его на границѣ Персіи, и въ Крыму, и на границѣ Пруссіи. Склонность къ подвижности у русскихъ очень велика; между тѣмъ какъ малороссы, даже въ самомъ подвижномъ своемъ занятіи — чумачествѣ, остаются своеобразными, специальными. Хотя чумаки большую часть года проводятъ въ переѣздахъ на большія разстоянія, однакожь совершаютъ ихъ всегда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: постоянно между немногими опредѣленными пунктами, въ предѣлахъ родныхъ своихъ степей, съ весьма рѣдкими исключеніями, непременно въ лѣтнее время и притомъ никогда не расстаются съ своими волами, повозками, кулишемъ и галушками. Великороссъ вездѣ можетъ ужиться; малороссу нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ въ своей родной землѣ.

Малороссъ скрытенъ, недовѣрчивъ, честенъ; великороссъ откровененъ и довѣрчивъ. Малороссъ называетъ русскаго москалемъ. *Гарній чоловікъ, да москаль. Съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи,* говоритъ малороссъ и этими поговорками всего лучше высказываетъ свое мнѣніе о великороссіянинѣ. Русскіе, впрочемъ, мало обращаютъ вниманія на худое о нихъ мнѣніе, и подсмѣиваются надъ хохлами, рассказывая про нихъ множество забавныхъ анекдотовъ, въ которыхъ малороссы выступаютъ или людьми въ высшей степени наивными, или простодушными, или добряками; но наивность, простодушіе, доброта скорѣе хорошія качества, нежели недостатки. Честность малоросса также извѣстна всѣмъ. Только съ недавняго времени малороссы, уходя въ поле, стали запираеть свои дворы. Случаи воровства очень рѣдки въ Малороссіи, и если теперь не закапываютъ въ землю живымъ каждаго вора, вмѣстѣ съ украденною вещью, то все же смотрятъ на этотъ порокъ, какъ на одинъ изъ самыхъ недостойныхъ человѣка. На малороссійскомъ языкѣ даже не существуетъ слова *воръ*, а замѣняется оно словомъ *злодій*. Значитъ, для малоросса между воровствомъ и злодѣйствомъ нѣтъ разницы.

76. Плюшкинъ.

Чичикову случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не залпелъ; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ-мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болтались четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ; ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательное, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій — предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба: зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными грибами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употре-

блявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣлки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, была нужна Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабыла ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутикъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярныя станки, прядильни;

ездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всеѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славила хлѣбосолецтвомъ; навстрѣчу выходили двѣ милостивыя дочки, обѣ бѣлокурова и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всеѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гостю. Въ домѣ открыты были все окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компаніотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ все вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всеѣмъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвинчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто все военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель - французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернский городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію

отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своему опредѣленію, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случилось же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главные части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и, наконецъ, бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остатками какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ, та-

кимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все это становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

И до такой ничтожности, мелочности и гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ стать съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою все человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

77. Сонъ Обломова.

Илья Ильичъ проснулся утромъ на своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаешь. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалить, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ увидѣлъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями; потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ,

ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька! торопливо говорила она, не отводя отъ иконъ глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ — къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, непрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, трясая отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за стуломъ. Тамъ и три пожилая дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, въ лугъ, со строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурной репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеной потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами,

цѣлое утро, не сводя глазъ, смотреть въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спроситъ онъ идущаго по двору челоуѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, — отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановить бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, — говорила она останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: — молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: — да смотри, не пролей молоко-то. — А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ: — вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливаются яблоки, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло, тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ, и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами; кто лапшу или желудокъ; кто рубцы; кто

красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положить поваръ, что отпущено.

Забота о пицѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько занятій и заботъ въ ухаживаніи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суенилось и заботилось, все жило такую полную, муравьиною, такую замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню, съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стонотъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ, неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаниемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ,

какъ послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженьяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ и мать, и старая тетка и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ, а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣноваль, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пещи, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ-повалку по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ песокъ. И собаки далеко залѣзли въ конуру, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несетъ разнообразное храпѣніе на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны, и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоценныя

минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ, чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, — промочить горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость; потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галлерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травѣ, повидимому, съ тѣмъ, чтобъ вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзеть, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею», думала она почти сквозь сонъ: «или еще... какъ бы въ оврагъ...» Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, выпускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто проснется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины: поймастъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ; или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летитъ съ этимъ

прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясьдохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣсть всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжалъ и за ворота; ему бы хотѣлось въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженьяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ уже подбѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ; его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно посматриваетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать, въ природѣ стало все живѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ челоуѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплавлены слезами; тотъ налегая себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій горитъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопить, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье;

прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособию, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки; онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чаю всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель преслѣдуетъ и ту и другую взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налево. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положить къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданный ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинается смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздаются дробный стукъ ножей; готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ; тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце уже опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно осла-

бывало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та, наконецъ, свистнула слабо, незвучно въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листьями вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ закрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ крѣпко и спокойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говорить Илюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять, отвѣчала она: — сыро — ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходить, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? Гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушаетъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшею черезъ плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ; — прожили благополучно; дай Богъ

и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! — слава Тебѣ, Господи!

Далѣе, Илья Ильичъ вдругъ увидалъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ уже началъ учиться въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ шести отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ сынъ Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, среди злодѣевъ, что вотъ его и приласкать-то некому и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ, отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ-быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, если бѣ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлево: вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиною и неподвижностью. Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ-быть, когда дитя еще едва выговариваетъ слова, а, можетъ-быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ нѣжнымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, оно ужъ видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружаю-

щей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ. Можетъ-быть, Илюша давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ. Можетъ-быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. Да и какъ иначе прикажете рѣшить ему?

А бѣдный Илюша ѣздилъ да ѣздилъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти.

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ отчего и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю. Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастиль разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ, и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

«Тамъ не разѣшься», говорили обломовцы, «обѣдать-то дадутъ супу, да жаркого, да картофелю, къ чаю масла; а ужинать-то *моргенъ-фри* — носъ утри».

Впрочемъ, Ильѣ Ильичу снятся больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, а когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкою и пріятною новостью:

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ; стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявить ему, что сегодня родительская недѣля: «не до ученья: блины будемъ печь».

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчикъ здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома, — скажетъ она: — а тамъ — что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ — неодолимая преграда къ ученю во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга или дѣвка, которымъ достается за барченка, проворчатъ:

«У, баловень, скоро ли провалишься къ своему нѣмцу!»

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

«Пріѣхала, дескать, Марья Саввишна или Наталья Оаддеевна гостить, или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!»

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а потомъ, смотришь, до Страстной недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ооминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ — не стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить. Посмотришь, Илья Ильичъ и отгулялся въ полгода, и какъ вырастетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

— Долго ли до грѣха? говорили отецъ и мать: — ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья, какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадетъ, жиденкій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да, — замѣтилъ отецъ: — ученье-то не свой братъ, хоть кого въ бараній рогъ согнетъ!

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ не пьянъ, а какъ-то дико

смотреть; бѣды бы не было, завязнетъ или оборвется гдѣ-нибудь.

Ильѣ Ильичу ясно видится и домашній бытъ его и житье у Штольца. Онъ только что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка, впоследствии знаменитый камердинеръ его, Захаръ Трофимычъ.

Захаръ, какъ бывало нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему лежачую, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получить еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ беспокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру, умыться и т. д.

Захочетъ ли чего-нибудь Ильѣ Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ — ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ? куда? а Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! чего вы смотрите, разини? вотъ я васъ!...

И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашель, что оно и спокойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: «Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!»

Подчасъ нѣжная заботливость родителей надоѣдала ему. Побѣжить ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается на десять отчаянныхъ голосовъ: «Ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... стой, стой!» Задумаетъ ли онъ зимой выскочить

въ сѣни или отворить форточку — опять крики: «Ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній, подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его то взлѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или поддразнить деревенскихъ собакъ, или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, по буеракамъ, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его; онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ, не вытерпитъ и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватить въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, грудь охватило радостью — онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ схватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣга: онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька — всѣ бѣгутъ растерянные по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ, мчатся по деревнѣ. Наконецъ, набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ

въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ; но при видѣ его живого и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки...

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

78. Смерть Олега.

Однажды Олегъ вспомнилъ про коня, на котораго онъ уже давно не садился. А не садился онъ на него вотъ почему. Какъ-то разъ спрашивалъ онъ волхвовъ и кудесниковъ: «Отъ чего мнѣ назначено умереть?» А одинъ изъ кудесниковъ и сказалъ ему: «Князь! есть у тебя конь, на которомъ ты любишь ѣздить — такъ отъ него тебѣ смерть принять». Олегъ взялъ это себѣ въ голову и сказалъ: «Такъ не сяду же я на него никогда и глядѣть на него больше не стану». И велѣлъ этого коня кормить, а къ себѣ не подводить. Такъ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, не видя его до тѣхъ поръ, пока пошелъ на грековъ. А воротившись отъ грековъ въ Кіевъ, прожилъ еще 4 года, и только на пятый вспомнилъ про коня своего, отъ котораго волхвы пророчили ему умереть. Призвалъ онъ самаго стараго конюха и сказалъ: «Гдѣ мой конь, котораго я поставилъ кормить и беречь, а къ себѣ не подводить?» Тотъ говорить: «Умеръ». А Олегъ посмѣялся надъ кудесникомъ, говоря: «То-то не правду говорятъ волхвы, а все ложь». И велѣлъ осѣдлать себѣ коня. «Поѣду», говорить, «посмотрю на его кости». Приѣхалъ на мѣсто, гдѣ были кости того коня и черепъ голый, слѣзъ съ коня и сказалъ съ усмѣшкой: «Ужъ не отъ этого ли черепа смерть придетъ мнѣ?» И наступилъ на черепъ ногою. И выползла змѣя изъ черепа и ужалила его въ ногу. Съ того онъ разболѣлся и умеръ. — И понесли его съ плачемъ великимъ и похоронили его на горѣ Щековицѣ: и есть могила та и до сего дня — слыветъ Олегавой.

79. Смерть Олега.

Сей герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго, могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы — такъ говоритъ лѣтописецъ — предсказали князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятого вспомнилъ Олегъ о предсказаніи и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: «Его ли мнѣ бояться!» Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила князя; герой скончался...» Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его; но мнимое пророчество волхвовъ, или кудесниковъ, есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.

80. Крещеніе Руси.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и провожали до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось *перуновымъ*). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ

слезы, бывшія для него послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе: вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься, — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, рассуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провожаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кievскихъ христіанами: тогда Владиміръ въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую; будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно имя Твое!...» Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

81. Куликовская битва.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князя разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ, или итти далѣе. Мысли были не согласны. Ольгердовичи, князя литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорой сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ:

«Часъ суда Божія наступаетъ!» 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокому холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленные знамена, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, блескъ орудій и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ; слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже, даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ черезъ нѣсколько часовъ какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, — Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣни и, простирая руки къ главному образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя», говорили они, «смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назадъ, могу ли я сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ; стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ». Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: «Богъ

намъ прибѣжище и сила», первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ, отъѣхалъ въ середину полковъ, когда битва сдѣлалась общою.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянь; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали; такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непритель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими; вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый только опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня; сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая движеніе обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «Теперь наше время!» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодрого, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки російскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, совершивъ побѣду, сталъ «на косяхъ», или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «Гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его живого или мерт-

ваго; долго не находили; наконецъ, два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князя, чиновники, претити побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца объявилъ благодарность небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были исцѣлены, но обагрены кровію единственно невѣрныхъ: Богъ чудесно спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей, и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухсотъ тысячъ. Князья бѣлозерскіе, Феодоръ и сынъ его Іоаннъ, тарусскіе Феодоръ и Мстиславъ, дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре и многіе другіе положили головы за отечество, — а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испутивъ духъ; кости сего и другого Сергіева священо-витязя, Осляби, покоятся донинѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить cadaго по достоинству, и велѣлъ хоронитъ тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

82. Покореніе Казани *).

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она вмѣстѣ съ Мамаевой битвой, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россіянамъ и въ чертогахъ и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ и въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣной.

Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры. Но народъ, въ пылу героизма, не чувствовалъ своей слабости; и какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то онъ исчислялъ безуспѣшныя приступы наши къ его столицѣ и говорилъ: не въ первый разъ увидимъ москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ во-свояси, и будемъ смѣяться надъ ними! Таково было расположеніе царя и народа въ Казани.

10-го августа государь съ 150.000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги. Строго запрещено было чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23-го августа, въ часъ разсвѣта войско двинулось. Всѣ наблюдали устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна; онъ далъ знакъ, и полки стали, ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывший на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебень подъ сѣнію знамени, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ, самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ.

*) 1552 г.

Россіяне обступили Казань. 7000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана. Вдругъ раздался шумъ и крикъ; заскрипѣли, отворились ворота, и 15.000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью: побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженные запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіязскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

Весь городъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; не было пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изъ ста пятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: князь Япанча, опасный наѣздникъ, держалъ россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

Александръ имѣлъ 30.000 конныхъ и 15.000 пѣшихъ воиновъ. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ; ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они

убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли нѣсколько сотъ плѣнниковъ: однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію, хвалилъ ихъ умъ, доблесть, съ живѣйшимъ восторгомъ изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ.

Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умоляли казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники гоударевы подѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: «Іоаннъ обѣщаль имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ на своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ и кричали: «Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Сіе остервенѣніе удивило россіянъ и государя. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, Іоаннъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу, то-есть инженеру, дѣлать подкопъ. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его.

Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать государю. 5-го сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ и трескомъ разорвало землю; тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

6-го сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатову-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцать верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ, соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были бояре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и вслѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленія и 200 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои дома сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скоть; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса, но въ домахъ и лавкахъ осталось еще не мало драгоценностей, особенно всякихъ мѣховъ — куницъ, бѣлокъ... Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ черезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову и 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ. Полкъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ російскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія

мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали, а люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привезти изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана, и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россияне построили тайно верстахъ въ двухъ за станомъ башню, вышиною въ шесть сажень; ночью подвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дюжину искусныхъ стрѣлковъ: ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската*). Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами**); подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, пицалей затинныхъ, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ царемъ незаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Ни россияне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Князь Воротынский прислалъ сказать Іоанну, что инженеры кончили дѣло: что 38 бочекъ зеля уже въ построенномъ вновь подкопѣ. Казанцы стояли уже на стѣнахъ, россияне предъ ними. Звучали только бубны и трубы — непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ

*) *Раскатъ* — плоская насыпь, или помость надъ валомъ крѣпости.

***) *Тараса* — подкатные срубы для нападенія на городъ.

Евангеліе, и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь», грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслия вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ; священное служеніе прервалось въ церкви.

Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «съ нами Богъ!» полки російскіе смѣло двинулись къ крѣпости; а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: «Алла, Алла!» призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... но россияне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россиянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ. И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь святыхъ таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣкли саблями, схватывались за руки съ христіанами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили татаръ. Россияне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами: оставляя сѣчу, начали разбивать дома, лавки: и самые чиновники, коимъ приказывалъ государь итти съ обнаженными

мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ, какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ пришли слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ.

Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: «сѣкутъ! сѣкутъ!» Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе. «Съ нимъ были», пишетъ Курбскій, «великіе синклиты, мужи вѣка отцовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ». Государь взялъ святую хоругвь и сталъ передъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря, грянуло на татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные и первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили россиянъ не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ; въ остервенѣнны злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до одинаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ царскомъ и сражался около часа. Россияне отбили ворота... Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а на другой сторонѣ отцы, братья и мужья еще бились усиленно; наконецъ, вышли, числомъ 10.000, въ заднія ворота къ нижней части города. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, князь Димитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. «Слушайте», сказали казанцы: «доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и царя, живого,

не уязвленнаго: ведите его къ Иоанну; а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу».

Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго престарѣлаго вельможу, или карача, именемъ Заніета, и двухъ мамичей, или совоспитанниковъ царскихъ, и начали снова стрѣлять. Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ; они стояли, ибо не страшились смерти; сбѣжали къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервенѣніемъ еще опасный для россіянъ! Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ татаръ отъ лѣса; воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилась; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе на лугахъ и въ лѣсу, еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей.

83. Князь Святославъ.

Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностью отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное и съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнью онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониной, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата, не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба; войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло — изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы были и воины. Древняя лѣтопись сохранила для потомства

еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранее объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: «иду на васъ». Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

84. Великій князь Владиміръ.

Сей князь, названный церковію Равноапостольнымъ, заслужилъ и въ исторіи имя Великаго. Истинное ли увѣреніе въ святинѣ христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый арабскій историкъ XII вѣка, одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ государями византійскими рѣшило его креститься? — извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человекомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воиномъ кровожаднымъ и, что всего ужаснѣе, братоубійцею, — Владиміръ, наставленный въ человеколюбивыхъ правилахъ христіанства, боялся уже проливать кровь самихъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ, конечно, въ томъ, что онъ наставилъ россіянъ на путь истинной вѣры; но имя Великаго принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей князь, похитивъ единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выслалъ мятежныхъ враговъ изъ Россіи, употребивъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу; смирилъ бунты своихъ данниковъ; отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдей; побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростью народъ ятвяжскій; расширилъ предѣлы государства на западъ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ восточныхъ императоровъ; старался просвѣтить Россію; населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только іереевъ, но и художниковъ; наконецъ, былъ нѣжнымъ отцомъ народа бѣднаго.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія скандинавскія, нѣмецкія, византійскія, арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданія церкви и нашего перваго лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ, память сего Великаго князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпнѣ пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынѣ Новгородскомъ, Александрѣ съ золотою гривною, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдаѣ (который будто бы одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ печенѣговъ, и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ лѣтописяхъ.

85. Иоаннъ III.

Иоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, лакаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную, для насъ систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обзрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя: принималъ союзы, но съ условіемъ явной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего

народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ, или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть передъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасомъ гнѣва, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титуломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Иоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; установилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для россиянъ, которые въ его время начали удивлять всѣ иные народы своею беспредѣльною покорностью волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Иоанну Васильевичу Четвертому, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость въ нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархіи славятся нѣжною чувствительностію, и твердостью, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничить съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Иоаннова; что просители боялись итти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумъ-

ною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.

Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донского, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе; она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? Славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовью и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державнымъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ Польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятели Казимира. Нѣмецкіе, шведскіе историки XVI вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ. Оба, безъ сомнѣнія, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа.

Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества... Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ императора; Іоаннъ гордился древнимъ именемъ великаго князя и не хотѣлъ новаго; однакожъ въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя царя, какъ почетное титуло великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи.

86. Митрополитъ Филиппъ.

Среди холодныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынь дикой, но знаменитой святостію своихъ первыхъ тружениковъ — Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игумень Филиппъ, сынъ боярина Колычева, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь*) слышалъ о Филиппѣ, дарилъ его монастырю сосуды драгоценныя, жемчугъ, богатая ткани, земли, деревни, помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиницъ, плотинъ: ибо сей игумень былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами, завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, солянныя варницы, украсилъ, сколько могъ, пустыню, смягчилъ суровость климата, сдѣлалъ воздухъ благообразнѣе.

Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова права; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы.

Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ о немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ — мимо святите-

*) Іоаннъ IV.

лей, мимо всѣхъ архимандритовъ — возвести Филиппа на митрополию, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его.

Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится.

За три версты отъ Новгорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуютъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ.

Царь принялъ Филиппа съ отчужденною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно и, наконецъ, объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: «Повинуюсь твоей волѣ, но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановивъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ, отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть.

Однажды въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія. Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ, бояре сказали: «Святый

владыко! се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семь видѣ, въ семь одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О государь! Мы здѣсь приносимъ жертву Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи ихъ нѣтъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь! вѣщаю яко пастырь душъ: боюсь Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою.

На другой день были новыя казни...

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостію. Въмѣсто оправданія бесполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождельнаго, а царю: «Государь Великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не зная въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій, се бѣлый клобукъ и мантия, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово!

Готовьтесь дать отчетъ и страшитесь небеснаго Царя еще болѣе, нежели земного». Онъ хотѣлъ удалиться, царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы; Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитесь!»

На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ великодушно, умирительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодь и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ родъ Колычевыхъ, прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника Ивана Борисовича и велѣлъ сказать: «Се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту, слыша, что съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келью заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ его

святости, — царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, Троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла.

Освободивъ себя отъ архипастыря строгаго, непреклоннаго и давъ сей важный санъ иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; дотолѣ губилъ людей: оттолѣ цѣлые города.

87. Петръ Великій.

Обратимся прямо къ этому человѣку, пусть онъ самъ скажетъ намъ о себѣ. Вотъ первое его письмо къ матери изъ Переяславля, когда ему было 17 лѣтъ. Форма письма — обычная въ то время, съ употребленіемъ уменьшительныхъ, уничижительныхъ словъ, какъ, по-тогдашнему, слѣдовало писать дѣтямъ къ родителямъ: «Сынишка твой, въ работѣ пребывающій Петрушка, благословенія прошу и о твоёмъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суда всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ». Итакъ, вотъ первое слово намъ отъ Петра, котораго мы зовемъ Великимъ, первое, имъ самимъ себѣ сдѣланное опредѣленіе: «въ работѣ пребывающій». Это первое опредѣленіе останется навсегда за нимъ и дружно умѣстится подлѣ опредѣленія Великій. Прошло много времени, — и знаменитый поэтъ, который прозвучалъ намъ столько родного, который далъ намъ столько народныхъ откровеній, не нашелъ лучшаго опредѣленія для Петра: «на тронѣ вѣчный былъ работникъ»^{*)}. Петръ работникъ, Петръ съ мозольными руками — вотъ олицетвореніе всего русскаго народа въ такъ называемую эпоху преобразованій.

Надъ чѣмъ же прежде всего и больше всего работалъ царь-работникъ, представитель своего времени, выразитель его потребности? Онъ работалъ надъ кораблемъ — это его любимая работа; вода — его любимая стихія; онъ ищетъ все большаго простора на ней: изъ подмосковнаго

^{*)} Пушкинъ.

пруда — на озеро, съ одного меньшаго озера на большее, отъ послѣдняго къ морю. Богатырю древней Россіи было тѣсно въ городѣ, онъ рвался въ широкую степь, но зачѣмъ? для безплоднаго гулянья, для того, чтобъ гулять на счетъ тѣхъ, которые трудились? Человѣкъ, одаренный страшными силами, богатырь новой Россіи, Петръ рвется также на широкій просторъ, но это просторъ моря; въ степи богатырь могъ встрѣтить дикаго кочевника и упражнять надъ нимъ свою физическую силу; нравственныя и умственныя его силы не развились отъ этой борьбы; новый богатырь можетъ быть безопасенъ, можетъ успѣшно бороться съ грозой, стихіею, моремъ не иначе, какъ посредствомъ знаній, искусства; на морѣ, на его берегахъ онъ встрѣтилъ людей, противоположныхъ кочевымъ варварамъ, людей богатыхъ знаніемъ, искусствомъ, отъ которыхъ есть чѣмъ позаимствоваться, и когда придется вступить съ ними въ борьбу, то для нея понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайное напряженіе умственныхъ силъ...

Когда понадобилось новое, его русскіе люди не знали, не умѣли дѣлать; всего легче было бы призвать знающихъ, умѣющихъ иностранцевъ и поручить имъ введеніе всего новаго; но тогда именно народъ нашелся бы въ страдательномъ положеніи, полной зависимости, духовномъ приращеніи. Безъ иностранцевъ обойтись было нельзя; но чтобы сохранить къ нимъ свободное, независимое, мало того, властелинское, хозяйское отношеніе, надо было пріобрѣсти способность надзора, повѣрки, а такую способность Петръ и, по его примѣру и побужденію, его сотрудники могли пріобрѣсти только этою неутомимую работою, этимъ немедленнымъ практическимъ приложеніемъ всего узаннаго. Чтобы сохранить свободное и хозяйское отношеніе къ иностранцамъ, нельзя было допустить ихъ къ себѣ и дать имъ дѣлать, что хотятъ и какъ хотятъ; нужно было побывать у нихъ самихъ, въ ихъ земляхъ, посмотрѣть, какъ тамъ дѣлается, до какой степени совершенства можетъ достигнуть то и другое дѣло, и съ этимъ соразмѣрять свои требованія. Но главная забота состояла въ томъ, чтобы дать пройти русскому народу хорошую

школу, то-есть дѣятельную, практическую, приложимую съ самаго начала, чтобы не дать ему привыкнуть къ страдательному положенію относительно иностранныхъ учителей, не дать потерять сознанія народнаго достоинства. Школа, какъ уже сказано, была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; все отправленія государственной и народной жизни входили въ нее, всюду русскій человѣкъ долженъ былъ учиться и одновременно прилагать изученное, узанное къ дѣлу. Легко ли это? Самъ вождь возвышался надъ уровнемъ человѣческихъ способностей, былъ человѣкъ геніальный; но, какъ человѣкъ, и онъ долженъ былъ ошибаться, особенно въ такомъ трудномъ дѣлѣ...

Такимъ образомъ, уясняется для насъ историческое значеніе этого образа, въ какомъ Петръ является въ первый разъ предъ нами и въ какомъ видимъ его въ продолженіе всей жизни: «въ работѣ пребывающій», царь-работникъ, царь съ мозольными руками. Какая же роль великаго человѣка, народнаго героя и прирожденнаго вождя, царя? Онъ первый двигается, первый принимаетъ это чрезвычайное положеніе; первый принимаетъ на себя чрезвычайный трудъ, первый проходитъ дѣятельную школу, которая могла одна развить самостоятельныя силы народа, поставить его на ноги, привести въ положеніе, которое бы возбуждало въ немъ уваженіе къ самому себѣ и внушало уваженіе къ нему другихъ народовъ. Движеніе началось, благодаря сильной рукѣ; но, чтобъ оно шло съ возможной быстротою, успѣхомъ, нуженъ былъ глазъ, надзоръ хозяина, начавшаго громадное производство... Вотъ почему въ этой неутомимой работѣ, въ стремленіи все узнать и сдѣлать самому, мы видимъ необходимое приготвленіе къ той царственной дѣятельности, которая выпала Петру во время движенія его народа на новую дорогу.

88. Илья Муромецъ.

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Карачаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская —
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ

Ко стольному городу ко Киеву,
 Онъ тою дорогой прямоѣзжею,
 Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
 Черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
 Черезъ черны грязи Смоленскія;
 И залегъ ее, дорогу, Соловей-разбойникъ.
 И кладетъ Илья заповѣдь велику:
 Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
 Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
 Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
 Изъ колчана не вымать калену стрѣлу,
 Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
 А и только его, Илью, видѣли —
 Прощался съ отцомъ, съ матерью
 И садился Илья на своего добра коня,
 А и выѣхалъ Илья со двора своего
 Во тѣ ворота широкія;
 Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ —
 А и конь подъ Ильею разсержается,
 Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
 А другого ускока не могли найти.
 Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
 Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
 Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
 Во темныхъ лѣсахъ во Брынскіихъ,
 Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
 И наѣхалъ онъ, Илья, на Соловья-разбойника.
 И слышалъ Соловей-разбойникъ
 Того ли топу конинаго,
 И тоя ли онъ поѣздки богатырскія, —
 Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
 А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному,
 А втретьи зрявкаетъ по-звѣриному:
 Подъ Ильею конь окорачился,
 И падалъ вѣдъ накукорачь.
 Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
 «А ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
 Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,

Не слышалъ ты свисту соловьиного,
 Не слышалъ ты шипу змѣинаго,
 А того ли ты крику звѣринаго,
 А звѣринаго крику туринаго».

Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
 Вынимаетъ калену стрѣлу
 И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника:
 И попалъ Соловью да въ правый глазъ.
 Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
 Комомъ ко сырой землѣ.
 Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
 Привязалъ Соловья къ той ко лукъ ко сѣдельныя,
 Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
 Подѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
 И завидѣла-де его молода жена;
 Она хитрая была и мудрая,
 И взбѣгала она на чердаки на вышніе —
 Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
 Какъ было около двора желѣзный тынь,
 А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
 И по той по головѣ богатырскія —
 Наводила трубками нѣмецкими
 Его Соловьева молодая жена
 И увидѣла добра молодца Илью Муромца.
 И бросилась съ чердака во свои высокіе терема,
 И будила она девять сыновей своихъ:
 «А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
 А девять сыновъ, ясны соколы!
 Вы подите въ подвалы глубокіе,
 Берите мои золотые ключи,
 Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
 А берите вы мою золоту казну,
 Выносите ее на широкій дворъ,
 И встрѣчайте удала добра молодца,
 А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
 Отца-то вашего въ торокахъ везетъ».

А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
 И не берутъ у нея золотые ключи,
 Не походятъ въ подвалы глубокіе,

Не берутъ ея золотой казны,
 А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ:
 Хотуть обернуться черными воронами,
 Со тѣми носы желѣзными,
 Они хотуть расклевать добра молодца,
 Того ли Илью Муромца Ивановича.
 Подѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
 И бросилась молода жена Соловьева,
 А и молится, убивается:
 «Гой еси ты, удалой добрый молодецъ!
 Бери ты у насъ золотой казны, сколько надобно,
 Отпусти Соловья-разбойника,
 Не вози Соловья во Кіевъ градъ».
 А его-то дѣти, Соловьевы,
 Неучливо они поговариваютъ.
 Они только Илью и видѣли,
 Что стоялъ у двора дворянскаго.
 И стегаетъ Илья онъ добра коня,
 А добра коня по тучнымъ бедрамъ;
 Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
 Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летить;
 Приѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
 Среди двора княженецкаго
 И соскочилъ онъ Илья со добра коня,
 Привязалъ коня ко дубову столбу,
 Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
 И молился онъ Спасу со Пречистою,
 Поклонился князю со княгинею,
 На всѣ четыре стороны.
 У великаго князя Владиміра,
 У него князя почестный пиръ;
 А и много на пиру было князей и бояръ,
 Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
 И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора
 ведра:
 Принимаетъ Илья единой рукой,
 Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
 Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
 «Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,

А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
 По изотчеству пожаловати».
 И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
 — А ты, ласковый, стольный Владиміръ князь!
 А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
 И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
 Изъ стольнаго города изъ Мурома,
 Изъ того села Карачаева. —
 Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
 «А ласково солнце, Владиміръ князь!
 Въ очахъ дѣтина завирается:
 А гдѣ ему проѣхать дорогой прямоѣзжею?
 Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
 Отъ того Соловья-разбойника».
 Говоритъ Илья Муромецъ:
 — Гой еси ты, государь Владиміръ князь,
 Посмотри мою удачу богатырскую,
 Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ тебѣ. —
 И втапору Илья Муромецъ
 Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ
 Смотрѣть его удачи богатырскія.
 Выходили туто князи-бояра,
 Всѣ русскіе могучіе богатыри:
 Самсонъ богатырь Кольвановичъ,
 Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
 Святогоръ богатырь, и Полканъ другой,
 И семь-то братьевъ Збродовичи,
 Еще мужики были Залѣшана,
 А еще два брата Хапиловы, —
 Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
 Выходилъ Илья на широкій дворъ,
 Къ тому Соловью-разбойнику,
 Онъ сталъ Соловья уговаривать:
 — Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!
 Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
 Пошипи, змѣй, по-змѣиному,
 Зрявкой, звѣрь, по-туриному,
 И потѣшь князя Владиміра. —
 Засвисталъ Соловей по-соловьиному:

Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю:
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего!»

Олегъ усмѣхнулся, — однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ-узды отведите, —
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по-змѣиному,
Онъ втретьи зрякаетъ по-туриному:
А князи и бояре испужались,
Накорачкахъ по двору напоззались,
И все сильны богатыри могучіе;
И накурилъ онъ бѣды несносныя,
Гостины кони со двора разбѣжались,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ
Со душой княгиней Апраксѣвной.
Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
«Ай ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья-разбойника:
А и эта шутка намъ ненадобна».

89. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, —
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

— «Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?

И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?

Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня».

— «Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
 При звонѣ веселомъ стакана;
 И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
 Надъ славной главою кургана...
 Они поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ?» промолвилъ Олегъ:
 «Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
 Здоровъ ли? все такъ же ль легкокъ его бѣгъ?
 Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
 И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ: что же гаданье?
 Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
 Презрѣть бы твое предсказанье,
 Мой конь и донинѣ носилъ бы меня! —
 И хочеть увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
 Съ нимъ Игорь и старые гости,
 И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,
 Лежатъ благородныя кости.
 Ихъ моютъ дожди, засыпаютъ ихъ пыль,
 И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
 И молвилъ: «Спи, другъ одинокій!
 Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
 На тризнѣ, уже недалекой,
 Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
 И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
 Мнѣ смертію кость угрожала!»
 Изъ мертвой главы гробовая змѣя
 Шипя между тѣмъ выползала;
 Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась —
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые зашѣнясь шипятъ
 На тризнѣ плачевной Олега:

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
 Дружина пируетъ у берега;
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

90. Козьма Мининъ.

Темно-голубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенные главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня, — дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ русской первый общій кликъ: «Умремъ за вѣру православную и святую Русь!»

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности, и все ожило въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ! — вскричалъ Алексѣй, вскочивъ съ своей постели. Онъ подбѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ уже его господинъ. — Что бѣ это значило? — продолжалъ онъ: — къ заутренѣ что ль?... Нѣтъ, это не благовѣсть!... Точно... Бьютъ въ набатъ... Ну, вотъ и народъ зашевелился! Гляди-ка, бояринъ!... всѣ бѣгутъ сюда... Экъ ихъ высыпало!... Да этакъ скоро и на улицу не продерешься!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ, — сказалъ Истома Туренинъ, войдя въ ихъ покой: — пойдёмъ смотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣваетъ!

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже всеѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйти за ворота дома: вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кишѣла народомъ.

— Тише, дѣтунки, тише! — говорилъ запыхавшись одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки: — дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка! — сказалъ одинъ изъ внучатъ; — да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ Лобному мѣсту.

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Миничъ, — подхватилъ другой внукъ. — Ну, что, отдохнулъ ли, родимый?

— Ухъ, батюшки... Погодите... вовсе уморился.

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитяtko! Побойся Бога, остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы животъ свой положить за матушку святую Русь!... Да если бы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ бы приползъ на городскую площадь.

— Пстой-ка!... Да вотъ и батюшка! — сказалъ первый внукъ. — Втроемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустились почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что жъ ты отстаешь, жена? — сказалъ приостановясь небольшого роста, но плотный посадскій, оборотясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала велѣдъ за нимъ.

— Задохнулась, Терентій Никитичъ!... Видитъ Богъ, задохнулась.

— Вотъ то-то же! И зачѣмъ тебя нелегкая понесла? сидѣла бы дома на печи...

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда итти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— Какъ же! развѣ я не такой же православный, какъ и всѣ?...

— А ребяташки-то наши! На кого ихъ покинешь?... вѣдь малъ-мала меньше!

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, такъ онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка?... Ты хочешь?...

— А что жъ? не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ. Авось, хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправить, и то бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и жену его.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные — всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «Вотъ онъ!... вотъ Козьма Миничъ! глядите: вотъ онъ!» и человекъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взшелъ на Лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и черезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе! — началъ такъ безсмертный Мининъ: — кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ниоткуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоятъ землю русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ, — загремѣли тысячи голосовъ. — Идемъ къ Москвѣ! не выдадимъ святую Русь!...

— Итакъ, во имя Божіе — къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости, у князя Димитрія Михайловича

Пожарскаго: едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіей грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! хотите ли его имѣть главою? Любовь ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любовь намъ! воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братія! продолжалъ Мининъ: — неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше злато и серебро, а если мало и сего, продадимъ все имущество, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю, — продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою; — и пусть выступитъ желающій купить домъ мой: съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду, и я самъ, мы все, вся кровь наша — земскому дѣлу и всей землѣ русской!

— Отдаемъ все наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. — Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ.

Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и пещерскій архимандритъ Θεодосій, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взшелъ на Лобное мѣсто, раздався громкій благовѣстъ, іереи заплѣли соборомъ: «Царю небесный, утѣшителю, душе истины!» и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ все граждане преклонили колѣни. Когда же, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Θεодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ! Боже силь, сильный въ крѣпости и крѣпкій во бра-нѣхъ!...» народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и все мольбы сли-

лись въ одну общую, единственную молитву: «Да спасеть Господь царство русское!» По окончаніи молебствія, Θεодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святою водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огонь палящій, предыдетъ сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всехъ пастырей духовныхъ! За васъ святые молитвы страдальца Гермогена: кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?»

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ чело-вѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго, чистаго восторга, который наполнилъ въ сію торжественную минуту сердца всехъ русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству — не земное чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Все спѣшили по домамъ, чтобы сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты — подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми монетами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всехъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли русской; и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно сіи дары въ приготовленные для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, нисколько не уменьшалось.

Старинный нашъ знакомецъ, Алексѣй, находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніями

вокругъ Лобнаго мѣста. Обшаривъ свои карманы и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, онъ снималъ уже съ себя серебряный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ: «Нѣтъ, братъ! не расставайся съ отцовскимъ благословеніемъ; я положу и за себя и за тебя».

— А, это ты, Кирша! сказалъ Алексѣй. — Какъ! и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! вотъ въ этомъ мѣшечкѣ все, что я накопилъ; да Богъ съ нимъ! жаль только, что мало! Эге, любезный, ты все еще ревешь! Полно, братъ; что ты расхныкался, словно малый ребенокъ?

— А ты самъ развѣ не плачешь? отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я! вотъ вздоръ какой! вскричалъ запорожець, утирая кулакомъ свои глаза. — А что ты думаешь? продолжалъ онъ: — никакъ въ самомъ дѣлѣ? кой прахъ! что это, братъ Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчи гулять и веселиться: пьешь бывало безпросьну цѣлую недѣлю, и хотя нельзя сказать, что было очень весело, а плянешь и поешь съ утра до вечера. Теперь же, ну, вѣришь ли Богу? такъ сердце отъ радости выскочить и хотеть, а вовсе не до пѣсенъ: все бы плакалъ... да и всѣ такъ же, на кого ни помотришь... что за диво такое?

Въ самомъ дѣлѣ, все многолюдное собраніе народа составляло въ сію минуту одно благочестивое семейство; не слышно было громкихъ восклицаній; проливая слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ, всѣ съ братскою любовію обнимали другъ друга... Но кто этотъ отверженный? Кто стоитъ поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяніемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ?... Ахъ, это Юрій Милославскій! Это тотъ, кто отдалъ бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: «Умремъ за вѣру православную и святую Русь!» Несмотря на приглашеніе боярина Истома, который, заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: «идемъ къ матушкѣ Москвѣ!» Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ

съ нимъ къ Лобному мѣсту; онъ не видѣлъ Минина, не слышалъ словъ его, но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя слезы, усердныя мольбы всѣхъ русскихъ и, какъ отступникъ отъ вѣры отцовъ своихъ, не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними. Ему казалось, что каждый гражданинъ нижегородскій, проходя мимо него, готовъ былъ сказать: «Презрѣнный рабъ Владислава! чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?... Бѣги! не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! Ты не русскій, ты не сынъ Милославскаго!» Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя: благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: «Юрій, держись вѣры православною; не сведи дружбы съ врагами нашего отечества и не забывай, что Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!» — Такъ! вскричалъ несчастный юноша: — присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни; я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь, но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества; вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился, наконецъ, въ одномъ отдаленномъ предмѣстьи и, не видя никого вокругъ себя, смѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ подошли къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Юрій. Старикъ смѣлъ возлѣ него. — Какъ это, господинъ честной, ты здѣсь, а не на площади?

— Я сейчасъ оттуда; — отвѣчалъ Юрій.

— И я на старости лѣтъ ходилъ; слава Богу, кой-какъ дотавился! теперь готовъ умереть хоть завтра! да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка? спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Да, молодець. Безъ малаго годовъ сотню прожилъ, а на всемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу небесному, очнулись, наконецъ,

православные!... Эхъ, жаль! Кабы Господь продлилъ дни бывшего воеводы нашего, Дмитрія Юрьевича Милославскаго, то-то былъ бы для него праздникъ! Дай Богъ ему царство небесное! Столбовой былъ русскій бояринъ! ну, да если не здѣсь, такъ тамъ... онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка, — сказала одна изъ женщинъ, — что у него есть сынъ.

— Какъ же! помнится, Юрій Дмитриевичъ; если онъ пошелъ по батюшкѣ, то, вѣрно, будетъ нашимъ гостемъ и въ Москвѣ съ поляками не останется. Нѣтъ, дѣтушки! *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!*

— Ахти! вскричала одна изъ женщинъ: — что это съ молодцомъ сдѣлалось? никакъ онъ полоумный!... Смотри-ка, дѣдушка, какъ онъ пустился отъ насъ бѣжать! прямо-хонько къ Волгѣ!... ахъ, Господи Боже мой! долго ли до грѣха! какъ сдуру-то нырнетъ въ воду, такъ и поминай, какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего передъ собою, не зная самъ, что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ; въ ухахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяютъ: «вотъ онъ! вотъ Милославскій!» Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что вслѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: «Да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» Волосы его стали дыбомъ, смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями...

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги и только что хотѣлъ итти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: «Здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! добро пожаловать къ намъ, въ Нижній-Новгородъ!»

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ почевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну, вотъ, не отгадалъ ли я? продолжалъ незнакомецъ: — Богъ привелъ опять намъ увидѣться.

— Такъ это ты? вскричалъ Алексѣй. — Я было и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться. Ну, Козьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья! Красно ты говоришь!

— Какъ, — сказалъ Юрій, — ты тотъ знаменитый гражданинъ...

— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества? На мнѣ хоть это платье осталось, а другой послѣднюю одежонку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвалиться, бояринъ?

— Но развѣ не ты первый...

— Ну да... я первый заговорилъ — такъ что жъ?... велико дѣло!... нельзя жъ всѣмъ разомъ говорить; не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой, такъ третій... а скажи-ка, бояринъ, ужъ не хочешь ли и ты пристать къ намъ? Ты цѣловалъ крестъ Владиславу, а душа-то въ тебѣ все-таки русская.

— Къ несчастію, ты говоришь правду! сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему жъ — къ несчастію? Скажи мнѣ, легко ль тебѣ было присягать польскому королевичу?

— Ахъ... видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего жъ ты это сдѣлалъ?

— А для того, что былъ увѣренъ, и теперь еще... да, и теперь еще надѣюсь, что сей жертвой мы спасемъ отъ гибели наше отечество!

— Вотъ видишь ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичокъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него были три сына: меньшей, думая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ или, лучше сказать, пасынокъ: онъ не просилъ помощи,

да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца, а разсчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая придется ему часть изъ отцовскаго наслѣдія. Какъ ты думаешь, бояринъ? хоть меньшому сыну и не за что сказать спасибо, а по мнѣ, все-таки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ.

Юрій молча пожалъ руку Минина, который продолжалъ:

— Чему дивиться, что связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала то же самое? Да вотъ хоть, напримѣръ, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій изволилъ мнѣ сказывать, что сегодня у него въ дому соберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ пана Гонсевскаго. И какъ ты думаешь? кто этотъ доверенный человекъ злѣйшаго врага нашего?... Сынъ бывшаго воеводы нижегородскаго, боярина Милославскаго.

— Да это господинъ мой! вскричалъ Алексѣй.

— Какъ? такъ это ты, Юрій Дмитричъ! сказалъ Мининъ, снявъ почтительно свою шапку и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія. — Ну, жаль мнѣ тебя! кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело, бояринъ!

— Я исполню долгъ свой, Козьма Миничъ, — отвѣчалъ Юрій: — я не могу поднять оружія на того, кому клялся въ вѣрности; но никогда руки мои не обагрятся кровію единовѣрцевъ, и если междоусобная война неизбѣжна, то... тутъ Милославскій остановился, глаза его заблестали... — Да! продолжалъ онъ, — я далъ обѣтъ служить вѣрой и правдой Владиславу; но есть еще клятва, предъ которой ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя! Такъ, самъ Господь ниспослалъ мнѣ эту мысль! она оживила мою душу!...

91. Изъ повѣсти: Капитанская дочка.

I. Постоялый дворъ*).

— Выходи, сударь, пріѣхали.

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

— На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣе да обогрѣйся.

* См. ст. „Буранъ“.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій*) казакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобы готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нужень. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? спросилъ я у Савельича.

— Здѣсь, ваше благородіе, — отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

— Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить — заложилъ вечеръ у цѣловальника: морозъ показался не великъ.

Въ эту минуту вошелъ хозяинъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волосы были обстрижены въ кружокъ. На немъ былъ оборванный армякъ и татарскія шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай — не наше казацкое питье». Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставна штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо: «Эхе», сказалъ онъ, «опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?» Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли

*) Яикъ — прежнее названіе рѣки Урала.

клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: — стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велить: попь въ гостяхъ, черти на погостѣ.

— Молчи, дядя, — возразилъ мой бродяга: — будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ. А теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!

При этихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровского разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска*), въ то время только что усмиренного послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большого неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго; постоянный дворъ, или по-тамошнему, уметь, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойничью пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ, какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться, по своему обыкновению, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. «Полтину на водку!» ска-

*) Яицкое войско — уральскіе казаки.

заль онъ: «за что это? за то, что ты же изволилъ подвести его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать». Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожь, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, — сказалъ я хладнокровно: — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья: онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему заячій тулупъ.

— Помилуй, батюшка, Петръ Андреичъ! сказалъ Савельичъ: — зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.

— Это, старинушка, ужъ не твоя печаль, — сказалъ мой бродяга: — пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуется мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холоное дѣло не спорить, а слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойникъ! отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. — Ты видишь, что дитя еще не смыслить, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.

— Прошу не умничать, — сказалъ я своему дядкѣ: — сейчасъ неси сюда тулупъ!

— Господи Владыко! простоналъ мой Савельичъ. — Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей». Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отпра-

вился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней выюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

II. П р и с т у п ъ.

Изъ-за высоты, находившейся въ полуверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ стѣнь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками*). Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человекъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженною саблей въ рукѣ; это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно, по его повелѣнью, четыре человека отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ.

Мятежники, видимо, приготовлялись къ дѣйствию. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколь. «Василиса Егоровна!» сказалъ комендантъ, «здѣсь не бабѣ дѣло, уведи Машу: видишь, дѣвка ни жива, ни мертва».

Василиса Егоровна, примирѣвшая подъ пулями, взглянула на стѣнь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ обратилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу! Маша, подойди къ отцу!»

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну, Маша, будь счастлива! Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человекъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ мы жили съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша! Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся же и мы, сказала заплакавъ комендантша. — Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ! Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила.

*) Сайдакъ — лукъ со стрѣлами.

— Прощай, прощай, матушка! сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вслѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой.

Тутъ Иванъ Кузьмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣхались около своего предводителя, и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко», сказалъ комендантъ: «будетъ приступъ...» Въ эту минуту раздались страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе, и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблей и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята», сказалъ комендантъ, «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ! Ребята! впередъ на вылазку, за мной!»

Комендантъ, Иванъ Игнатьевичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жъ вы, дѣтушки, стоите?» закричалъ Иванъ Кузьмичъ. «Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненный въ голову, стоялъ въ кучѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужъ вамъ будетъ, государевымъ послушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьевича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ, «государю Петру Θεодоровичу!» — «Ты намъ не государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана: «ты, дядюшка, воръ и самозванецъ». Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неопisanному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ

моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось», повторяли мнѣ губители, можетъ-быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька: «что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради вели повѣсить хоть меня, старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однакожь, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили предъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка Петръ Андреичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мной и толкая меня: «не упрямясь! что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланаясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они отряхиваясь подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ, Пугачевъ всталъ съ кресель и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатою сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло; онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на

крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка: «отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи, «что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!» — «Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

III. МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА.

Я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя больше средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердекой слободы, пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снѣгомъ; но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупною рысью. Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали и кричалъ мнѣ поминутно: «Потише, сударь, ради Бога, потише! Проклятая клячонка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы на пиръ, а то подъ обухъ, того и гляди... Петръ Андреичъ... батюшка, Петръ Андреичъ... Господи-Владыко, пропадетъ барское дитя!»

Вскорѣ засверкали бердскіе огни. Мы подѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собою человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это

былъ передовой карауль Пугачевского пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля*), я хотѣлъ проѣхать молча мимо нихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ мою лошадь за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этою минутой, припорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мной не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ назадъ. Савельичъ находился между ними. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому, главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ насъ поведетъ къ государю. «А нашъ батюшка», прибавилъ онъ, «воленъ приказать: сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божію». Я не противился; Савельичъ послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крикъ раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу, но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. «Вотъ и дворецъ», сказалъ одинъ изъ мужиковъ: «сейчасъ объ васъ доложимъ». Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился,

*) Пароль — условное слово въ войскѣ для отличія своихъ отъ непріятелей.

читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ, мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера».

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками, — все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ товарищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. «А ваше благородіе!» сказалъ онъ мнѣ съ живостью: «какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?» Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. «А по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. «Говори смѣло при нихъ», сказалъ мнѣ Пугачевъ: «отъ нихъ я ничего не таю». Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою бородкой, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но ввѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста, дородень и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватая пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капраль Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ,

три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: «Говори, по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?»

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привести въ дѣйствіе мое рѣшеніе. Я рѣшился имъ воспользоваться и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

— Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту? закричалъ онъ. — Будь онъ семи пядей во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори, кто виноватый?

— Швабринъ — виноватый, — отвѣчалъ я: — онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ больную у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

— Я проучу Швабрина! сказалъ грозно Пугачевъ. — Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.

— Прикажи слово молвить, — сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ: — ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужъ и такъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.

— Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать! сказалъ старичокъ въ голубой лентѣ. — Швабрина казнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ: зачѣмъ изволилъ пожаловать? Если онъ тебя государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. «Ась, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ, подмигивая. «Фельдмаршалъ мой, кажется, говорить дѣло. Какъ ты думаешь?»

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступить со мной, какъ ему будетъ угодно.

— Добро, — сказалъ Пугачевъ. — Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ?

— Слава Богу, — отвѣчалъ я; — все благополучно.

— Благополучно? повторилъ Пугачевъ. — А народъ мретъ съ голоду!

Самозванецъ говорилъ правду; но я, по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это пустые слухи, и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ припасовъ.

— Ты видишь, — подхватилъ старичокъ, — что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той же висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобы никому не было завидно.

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастью, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу. «Полно, Наумычъ», сказалъ онъ: «тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?»

— Да ты что за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвѣчалъ Хлопуша, — и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костлявый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови; но я губилъ сопротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ темномъ лѣсу, а не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.

Старикъ отвернулся и проворчалъ слова: «рванья ноздри!...»

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. — Я тебѣ дамъ — рванья ноздри; погоди, придетъ и твое время; Богъ дастъ, и ты щипцовъ понюхаешь... А покамѣстъ смотри, чтобы я тебѣ бородинки не вырвалъ!

— Господа енаралы! провозгласилъ важно Пугачевъ: — полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бъ и всѣ оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели между собою перегрызутся. Ну, помиритесь!

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость переимѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

— Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

— Долгъ платежемъ красенъ, — сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому, а?

— Она — невѣста моя, — отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную переменъ погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невѣста! закричалъ Пугачевъ. — Что жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ! — Потомъ, обращаясь къ Бѣлобородову: Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ — старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ.

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести, но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлою скатертью: принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, коей былъ я невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ, хмель началъ одолавать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича, и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ, захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкой татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева, онъ былъ одѣтъ по дорожному: въ шубу и въ киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружили его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чего я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы уѣлисъ. «Въ Бѣлогорскую крѣпость!» сказала Пугачевъ широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла...

«Стой! Стой!» раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ навстрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

— Батюшка, Петръ Андреевичъ! кричалъ дядька. — Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен...

— А, старый хрычъ! сказалъ ему Пугачевъ. — Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучокъ.

— Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной! говорилъ Савельичъ, усаживаясь. — Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужъ не стану.

Этотъ заячій тулупъ могъ, наконецъ, не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастью, самозванецъ или не раз-

слышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головой на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ тою, которую почиталъ уже для себя потерянною. Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, тайнственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызывался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; Пугачевъ могъ провѣдать истину. Тогда что станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, и волоса становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ, ваше благородіе, изволили задуматься?

— Какъ не задуматься! отвѣчалъ я ему. — Я офицеръ и дворянинъ, вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастье всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

— Что жъ? спросилъ Пугачевъ. — Страшно тебѣ?

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты правъ, ей-Богу, правъ! сказалъ самозванецъ. — Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты — шпионъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и татаринъ не могли услышать: — помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говорить обо мнѣ ваша братія.

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ оспаривать и не отвѣчалъ ни слова.

— Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ? спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбіе.

— Да! сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. — Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енераловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: прусскій король могъ ли бы со мною потягаться?

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, — сказалъ я ему, — управился ли бы съ Фридерикомъ?

— Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енералами вѣдь я же управляюсь, а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.

— А ты полагаешь итти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ вполголоса:

— Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо остро; при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою.

— То-то! сказалъ я Пугачеву. — Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою.

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли и зарядили его пепломъ пушки и выпалили!

— Слушай, сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. — Расскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ рассказывала старая калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: «Скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего на-все только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка», отвѣчалъ ему воронъ, «что ты пьешь живую кровь, а я

питаюсь мертвечиной». Орелъ подумалъ: давай попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: «Нѣтъ, братъ, воронъ: чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью, а тамъ, что Богъ дастъ». — Какова калмыцкая сказка?

— Затѣйлива, — отвѣчалъ я ему. — Но жить убійствомъ и разбоемъ значить по мнѣ клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погружаясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремя, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика съ частоколомъ и колокольней, и черезъ четверть часа вѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

IV. С у д ѣ.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя**. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными; что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ!» повторялъ онъ, выходя изъ себя, «сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна! Пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ

святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волинскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглецами холопами!... Стыдъ и срамъ нашему роду!...» Испуганная его отчаяніемъ матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратитъ ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія, и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго календаря»; но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?» сказала она. «Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія; что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, матушка!» сказалъ онъ ей со вздохомъ. «Мы твоему счастью помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не опельмованнаго измѣнника». Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ

замышляемаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и чрезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрною Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который насильственно разлученный со мною, утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслью, что служить нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и, узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговаривалась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она рассказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцененъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьева рассказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное; солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцова. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь! она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ

Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застануть. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери предъ ней отворялись настезь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ ей дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложить, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ утрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала ей съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ мое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе».

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна

ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣчивости, и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

92. Изъ повѣсти: „Тарасъ Бульба“.

I. Осталь и Андрій отправляются на Сѣчь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслью о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я вамъ молодцовъ привезъ!» Онъ думалъ о томъ, какъ ихъ повезетъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украины, представить своимъ товарищамъ и поглядить, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. При видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ давать приказанія своему есаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблею, какъ будто бѣ мѣсилъ тѣсто, — какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая нѣкоторымъ приказанія ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ называлъ обыкновенно чортомъ.

«Ну, дѣти, надо спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ! Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ», сказалъ Бульба своей женѣ. Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ до-

вольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ углахъ его, захрапѣло и запѣло. Прежде всего загнулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для прѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственной грудью, она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою? «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣлку мнѣ поглядѣть на васъ», говорила она, и слезы остановились на морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страднаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ-быть, при первой битвѣ татаринъ срубить имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенные тѣла ихъ, которая расклюетъ хищная подорожная птица, и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она бы отдала все!... Рыдая глядѣла она имъ въ очи, которая всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: «Авось-либо, Бульба, проснувшись, отерочить денька на два отъѣздъ! Можетъ-быть, онъ думалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарилъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, почуя разсвѣтъ, всѣ легли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали леле-

тать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

«Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (Такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!»

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для своихъ дѣтей лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковками; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячею складокъ и со сборками, перетянулись золотымъ очкуромъ*); къ очкуру прицѣплены длинные ремни съ кистями и прочими побрякушками для трубки; казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казались, похорошѣли и поблѣзли; молодые черные усы теперь какъ-то ярче отгнѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. — Бѣдная мать! она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились на глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово? нечего мѣшкать!» произнесъ, наконецъ, Бульба. «Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть».

Всѣ сѣли, не исключая даже хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей. «Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!» сказалъ Бульба. «Моли Бога, чтобы они воевали храбро,

*) Очкуръ — шнурокъ, которымъ стягиваютъ шаровары.

защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери! Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ».

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ рыдая на шею. «Пусть хранитъ васъ... Божія Матерь... не забываютъ, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...» Далѣе она не могла продолжать.

«Ну, пойдѣмъ, дѣти!» сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати пудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяніемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и отнесли въ хату. Но когда они выѣхали за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который однакоже съ своей стороны тоже былъ смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; однѣ только вершины деревъ — деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки, — одинъ только лугъ еще остался передъ ними... Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощай и дѣтство, и игры, и все, и все!

II. Казнь Остапа.

Толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: «Ведутъ! ведутъ! казаки!»

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья изъ дорогого сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шель Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось вынуть эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: «Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!» Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» сказалъ тихо Бульба и установилъ въ землю сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки и... Я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ вель еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія.

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали ему перебивать на рукахъ и на ногахъ кости, такъ что ужасный хряскъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои — ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнуло.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми однакоже глазами, и одобрительно только говорилъ: «дѣбре, сынку, дѣбре!»

Наконецъ, сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя орудія казни, которыми готовились вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. «Батько!» произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе переселить муки: «батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?»

«Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллионъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель*) поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отделились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

III. Смерть Тараса Бульбы.

Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости, и уже казаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ, остановившись и нагнувшись въ землю, сказалъ: «Стой, братцы! уронилъ люльку!» Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двинулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, почти что не заплакавъ.

Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну; правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ расщелину стѣны, такъ что онъ стоялъ всѣхъ выше и былъ виденъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдннй трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь

*) Проводникъ Тараса.

сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы!» кричалъ онъ, «занимайте, вражки дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, что за лѣсомъ: туда не подступать они». Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!» говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы. Онъ собралъ все усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близъ него: «Хлопцы, къ берегу! къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоятъ челны, а за вами въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте челны, чтобы не было погони!»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и все слова были услышаны казаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переверотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Казаки повертели коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосыгаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Казаки только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь остушился, но зацѣпился копытомъ и, привыкши къ крымскимъ стремлинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ.

Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности, безъ

дальняго размышленія рѣшился повторить и себѣ то же, и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшаго среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими казаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градъ пуль сыпался сверху на казаковъ, но они не обращали никакого вниманія и отчаливали отъ береговъ. «Прощайте, паны-братцы, товарищи!» говорилъ онъ сверху: «вспоминайте иной разъ обо мнѣ; объ участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимутъ по кусочкамъ и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ; да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, паны-братцы, товарищи! да смотрите — прибывайте на слѣдующее лѣто опять! да погуляйте хорошенько!...» Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли что на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Не малая рѣка Днѣстръ; а какъ погонить вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самаго мѣсяца. Казаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно миновали зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ; дружно и мѣрно ударяли веслами и говорили про своего атамана.

93. Велисарій*).

Малютка, шлемъ нося, просилъ
Для Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:

*) *Велисарій* (ум. 565 г. по Р. Х.) знаменитый полководецъ Юстиніана, императора Восточной Римской Имперіи. О немъ существуетъ недостоверное сказаніе, что, обвиненный въ заговорѣ, онъ былъ ослѣпленъ и питался въ Константинополѣ милостынею.

Онъ Велисарія питаетъ!
Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готтовъ, вандаловъ грозою,
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей, —
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велисарія закрылся!
Несчастный, — за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренный, —
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ;
И нынѣ мнѣ твердить одно:
Не называй меня великимъ!
Не видя свѣта и людей,
Царить онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ —
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велисарью благодѣтель!...»

94. Умирающій гладіаторъ.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена, —
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ;
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молить жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалою побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освищенный актеръ!
И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ, — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай,

И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
 Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
 Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
 Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
 Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
 Всѣ ждуть его съ добычею и славой...
 Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
 Безчувственной толпы минутною забавой...
 «Прости, развратный Римъ, — прости, о край родной!»

95. Изъ поэмы: „Полтава“.

I. Россія и Малороссія передъ Полтавскою битвою.

Была та смутная пора, Когда Россія молодая, Въ бореньяхъ силы на- прягая, Мужала съ геніемъ Петра. Суровый былъ въ наукѣ славы Ей данъ учитель: не одинъ Урокъ нежданый и кро- вавый Задалъ ей шведскій пала- динъ*).	Взметая русскія дружины, Какъ вихоръ гонить прахъ долины И клонить пыльную траву. Онъ шель путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ Въ дни наши новый сильный врагъ, Когда паденіемъ ославилъ Мужъ рока**) свой попят- ный шагъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары, Перетерпѣвъ судебъ удары, Окрѣпла Русь. Такъ тяж- кій млатъ, Дробя стекло, куетъ булатъ. Вѣнчанный славой безо- лезной, Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной. Онъ шель на древнюю Мо- скву,	Украина глухо волнова- лась. Давно въ ней искра разгора- лась. Друзья кровавой старины Народной чаяли войны; Роптали, требуя кичливо, Чтобъ гетманъ узы ихъ рас- торгъ, И Карла ждалъ нетерпѣливо Ихъ легкомысленный вос- торгъ. Вокругъ Мазепы раздавался

*) Паладинами назывались средневѣковые рыцари, странствовавшие для приключеній.

**) Императоръ Наполеонъ I.

Мятежный крикъ: пора, пора! Но старый гетманъ оста- вался Послушнымъ подданнымъ Петра.	Храня суровость обычайну, Спокойно вѣдалъ онъ Украину, Молвѣ, казалось, не вни- малъ И равнодушно пировалъ.
---	--

II. Доносъ Кочубея.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ Такъ поздно ѣдетъ на конѣ? Чей это конь неутомимый Бѣжить въ степи необозри- мой?	Червонцы нужны для гонца, Булатъ — потѣха молодца, Ретивый конь — потѣха тоже. Но шапка для него дороже: За шапку онъ оставить радъ Коня, червонцы и булатъ; Но выдастъ шапку только съ бою, И то лишь съ буйной голо- вою. Зачѣмъ онъ шапкой доро- жить? Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить, Доносъ на гетмана злодѣя Царю Петру отъ Кочубея.
Казакъ на сѣверъ дер- жить путь, Казакъ не хочетъ отдохнуть Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, Ни при опасной переправѣ. Какъ стекло, булатъ его блестить; Мѣшокъ за пазухой звенить; Не спотыкаясь конь рети- вый Бѣжить, размахивая гри- вой.	

III. Кочубей въ темницѣ.

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ. Своей дремоты превозмочь Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ Сребристыхъ тополей листы. Луна спокойно съ высоты Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ,	И пышны гетмановъ сады И старый замокъ озаряетъ, И тихо, тихо все кругомъ... Но въ замкѣ шопоть и смя- тенъе. Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ, Въ глубокомъ тяжкомъ раз- мышленьи, Окованъ, Кочубей сидитъ
--	--

И мрачно на небо гля- Минувшихъ дней богатство,
 дить. славу,
 Заутра казнь. Но безъ И пѣсни дочери своей,
 боязни И старый домъ, гдѣ онъ ро-
 Онъ мыслить объ ужасной дился,
 казни; Гдѣ зналъ и трудъ и мирный
 О жизни не жалѣетъ онъ. сонъ,
 Что смерть ему? — Желан- И все, чѣмъ въ жизни насла-
 ный сонъ. дился,
 Готовъ онъ лечь во гробъ Что добровольно бросилъ
 кровавый. онъ,
 Драма долить. Но, Боже И для чего! —
 правый! Но ключъ въ заржавомъ
 Къ ногамъ злодѣя молча Замкѣ гремитъ — и, пробуж-
 пасть, денъ,
 Какъ безсловесное со- Несчастный думаетъ: вотъ
 зданье — онъ!
 Царемъ быть отдану во Вотъ на пути моемъ крова-
 власть вомъ
 Врагу царя на пору- Мой вождь подъ знаменемъ
 ганье, креста,
 Утратить жизнь — и съ нею Грѣховъ могучій разрѣши-
 честь, — тель,
 Друзей съ собой на плаху Духовной скорби врачъ,
 вестъ, служитель
 Надъ гробомъ слышать ихъ За насъ распятаго Христа,
 проклятья, — Его святую кровь и тѣло
 Ложась безвиннымъ подъ Принесшій мнѣ, да укрѣ-
 топоръ, плюсь,
 Врага веселый встрѣтить Да приступлю ко смерти
 взоръ, смѣло
 И смерти броситься въ объ- И жизни вѣчной приобщусь!
 ятья, И съ сокрушеніемъ сер-
 Не завѣщая никому дечнымъ
 Вражды къ злодѣю своему!.. Готовъ несчастный Кочубей
 И вспомнилъ онъ свою Передъ Всесильнымъ, Без-
 Полтаву, конечнымъ
 Обычный кругъ семьи, дру- Излить тоску мольбы своей.
 зей, Но не отшельника святого,

Онъ гостя узнаетъ иного — Тобой въ Диканькѣ укры-
 Свирѣпый Орликъ передъ ваемъ*).
 нимъ. Свершиться казнь твоя
 И, отвращеніемъ томимъ, должна;
 Страдалецъ горько вопро- Твое имѣніе сполна
 шаетъ: Въ казну поступить войско-
 Ты здѣсь, жестокой чело- вую —
 вѣкъ? Таковъ законъ. Я указую
 Зачѣмъ послѣдній мой ноч- Тебѣ послѣдній долгъ: от-
 легъ крой,
 Еще Мазепа возмущаетъ? Гдѣ клады, скрытые тобой?

О Р Л И К Ъ.

Допросъ не конченъ; отвѣ- чай!

К О Ч У Б Е Й.

Я отвѣчалъ уже; ступай, Оставь меня!

О Р Л И К Ъ.

Еще признанія Панъ гетманъ требуетъ.

К О Ч У Б Е Й.

Но въ чемъ? Давно сознался я во всемъ, Что вы хотѣли: показанья Мои всѣ ложны; я лукавъ, Я строю козни, гетманъ правъ.

Чего вамъ болѣе?

О Р Л И К Ъ.

Мы знаемъ, Что ты несчетно былъ бо- гать; Мы знаемъ: не единый кладъ

*) Деревня Кочубей.

К О Ч У Б Е Й.

Такъ, не ошиблись вы: три клада

Въ сей жизни были мнѣ отрада,

И первый кладъ мой честь была,

Кладъ этотъ пытка отняла; Другой былъ кладъ невоз- вратимый —

Честь дочери моей любимой; Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:

Мазепа этотъ кладъ укралъ; Но сохранилъ я кладъ по- слѣдній,

Мой третій кладъ: святую месть.

Ее готовлюсь Богу снести.

О Р Л И К Ъ.

Старикъ, оставь пустяя бредни;

Сегодня покидая свѣтъ, Питайся мыслию суровой.

Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой;
Гдѣ спрятали деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпный?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.

IV. Измѣна Мазепы.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно вдалъ
Вождю Украины не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,

Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все разкажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но, ради Господа, молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спрятали деньги? укажи!
Не хочешь? — Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое,
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ!*)

Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молить исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный міръ оставить;
Святой обрядъ**) онъ хочетъ править,

*) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ по приказанію гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

**) Обрядъ елеосвященія.

Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.
Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя шведамъ тризну тайну.
Внезапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украину.

И день насталь. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжело жизнью старой
Такъ оный хитрый кардиналь

Вѣнчавшись римскою тиарой*),
И прямъ, и здоровъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла,
Украина смутно зашумѣла:
«Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный». Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ
Негодование, гнѣвъ царя?
Гремитъ анагема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ**);
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другого гетмана творять.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ лаская осыпаетъ
И новой честью и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,

*) Здѣсь поэтъ намекаетъ на папу Сикста, который, будучи кардиналомъ, притворялся слабымъ и хворымъ.

**) Малороссійское слово; по-русски палачъ.

Старикъ Палѣй изъ мрака
 ссылки
 Въ Украину ѣдетъ въ цар-
 скій станъ.
 Трепещетъ бунтъ осиро-
 тѣлый;
 На плахѣ гибнетъ Чечель*)
 смѣлый
 И запорожскій атаманъ.
 И ты, любовникъ бранной
 славы,
 Для шлема кинувшій вѣ-
 нецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ
 Полтавы
 Вдали завидѣлъ, наконецъ.
 И царь туда жъ помчалъ
 дружины,
 Онѣ какъ буря притекли —
 И оба стана средь равнины

Другъ друга хитро об-
 легли:
 Не разъ избитый въ схваткѣ
 смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянѣлый,
 Съ бойцомъ желаннымъ, на-
 конецъ,
 Такъ грозный сходитя
 боецъ.
 И злобясь видитъ Карлъ мо-
 гучій
 Ужъ не разстроенныя тучи
 Несчастливыхъ нарвскихъ бѣг-
 лцовъ,
 А нить полковъ блестящихъ,
 стройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и
 спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый шты-
 ковъ.

V. Полтавская битва.

Горить востокъ зарею
 новой.
 Ужъ на равнинѣ, по хол-
 мамъ
 Грохочутъ пушки. Дымъ
 багровый
 Клубами всходитъ къ небе-
 самъ
 Навстрѣчу утреннимъ лу-
 чамъ.
 Полки ряды свои сомкнули.
 Въ кустахъ разсыпались
 стрѣлки.
 Катятся ядра, свищутъ
 пули;
 Нависли хладные штыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь окоповъ рвутся
 шведы;
 Волнуясь конница летитъ;
 Пѣхота движется за нею,
 И тяжкой твердостью своею
 Ея стремленія крѣпитъ.
 И битвы поле роковое
 Гремитъ, пылаетъ здѣсь и
 тамъ;
 Но явно счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ
 намъ.
 Пальбой отбитыя дружины,

*) Чечель отчаянно защищала Батурина противъ войскъ кн. Меншикова.

Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
 Уходитъ Розень сквозь тѣс-
 нины;
 Сдается пылкій Шлипен-
 бахъ*).
 Тѣснимъ мы шведовъ рать
 за ратью;
 Темнѣетъ слава ихъ зна-
 менъ,
 И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запеч-
 чатлѣнъ.
 Тогда-то свыше вдохно-
 венный,
 Раздался звучный гласъ
 Петра:
 «За дѣло, съ Богомъ!» Изъ
 шатра,
 Толпой любимцевъ окружен-
 ный,
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ пре-
 красенъ.
 Онъ весь, какъ Божія гроза,
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный
 конь;
 Почуя роковой огонь,
 Дрожить, глазами косо во-
 дить,
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
 Ужъ близокъ полдень.
 Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, битва отды-
 хаеть.
 Кой-гдѣ гарпуютъ казаки.
 Равняясь строятся полки.
 Молчить музыка боевая.
 На холмахъ пушки, при-
 смирѣвъ,
 Прервали свой голодный
 ревъ,
 И се — равнину оглашая,
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли Петра.
 И онъ промчался предъ
 полками
 Могучъ и радостенъ, какъ
 бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ во слѣдъ неслись
 толпой
 Сии птенцы гнѣзда Пет-
 рова —
 Въ премѣнахъ жребія зем-
 ного,
 Въ трудахъ державства и
 войны
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣп-
 нинъ,
 И счастья баловень безрод-
 ный,
 Полудержавный властелинъ.
 И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дру-
 жинъ,
 Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣденъ, не-
 движимъ,
 Страдая раной, Карлъ
 явился;
 Вожди героя шли за нимъ.

*) Шведскіе полководцы.

Онъ въ думу тихо погру-
зился;
Смущенный взоръ изобра-
зилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приво-
дилъ
Желанный бой въ недо-
умѣнье...
Вдругъ слабымъ маниемъ
руки
На русскихъ двинулъ онъ
полки.
И съ ними царскія дру-
жины
Сошлись въ дыму среди рав-
нины —
И грянулъ бой, Полтавскій
бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ рас-
каленнымъ,
Стѣной живою отражен-
нымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣ-
жій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой
тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями стуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на
груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, ра-
зятъ,
Прахъ роютъ и въ крови
шипятъ.
Шведъ, русскій — колеть,
рубить, рѣжетъ;

Бой барабанный, клики,
скрежетъ;
Громъ пушекъ, топотъ,
ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сто-
ронъ!
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохно-
венья.
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и по-
бѣду
И въ тишинѣ ведутъ бе-
сѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣди-
нами?
Двумя поддержанъ каза-
ками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненья боя.
Ужъ на коня не вскочить
онъ:
Одряхъ, въ изгнаньи сирот-
тѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сто-
ронъ!
Но что жъ его сверкнули
очи,
И гнѣвомъ, будто мглою
ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный
дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ

Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погружен-
ный,
Взиралъ на битву, окружен-
ный
Толпой мятежныхъ каза-
ковъ,
Родныхъ, старшинъ и сер-
дюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ
обратился.
У Войнаровскаго въ ру-
кахъ
Мушкетный стволъ еще ды-
мился;
Сраженный въ нѣсколькихъ
шагахъ,
Младой казакъ въ крови ва-
лялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной
дали.
Казакъ на гетмана стре-
мился
Сквозь битву съ саблею въ
рукахъ,
Съ безумной яростью въ
очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обра-
тился
Къ нему съ вопросомъ. Но
казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій
зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый
ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ
побѣды...
Ура! мы ломимъ, гнутся
шведы.
О славный часъ! о славный
видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣ-
жить;
И слѣдомъ конница пусти-
лась,
Убийствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь по-
крылась,
Какъ роємъ черной са-
ранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ,
и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его пре-
красенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ уго-
щаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ла-
скается,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ подни-
маетъ.
Но гдѣ же первый, званный
гость?
Гдѣ первый грозный нашъ
учитель,
Чью долговременную злость
Смирить Полтавскій побѣ-
дитель?

И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ зло-
дѣй?
Куда бѣжалъ Иуда въ
страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ
гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на
плахѣ?
Верхомъ, въ глуши степей
нагихъ,
Король и гетманъ мчатся
оба.

Бѣгутъ. Судьба связала
ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силы королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ голо-
вою,
Онъ скачетъ, русскими го-
нимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за
нимъ.

96. С п о р ъ.

Какъ-то разъ, передъ тол-
пою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шать-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказала Каз-
беку
Сѣдовласый Шать:
«Покорился человѣку
Ты недаромъ, братъ!
Онъ настроить дымныхъ ке-
лій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелий
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдъ и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и тру-
день

Первый былъ скачокъ —
Берегись же! многолюденъ
И могучъ Востокъ».
— «Не боюсь я Востока!»
Отвѣчалъ Казбекъ:
«Родъ людской тамъ спитъ
глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорныя шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму калъ-
яна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый
тѣни,
Моетъ желтый Ниль
Раскаленные ступени

Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно
оку,
Спитъ, покой цѣня —
Нѣтъ, не дряхлому Востоку
Покорить меня!»
— «Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шать:
«Вотъ на сѣверѣ, въ туманѣ,
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огром-
ный
Вѣстью той смущенъ
И, смутясь, на сѣверъ тем-
ный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣнья
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенъе,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки:
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;

Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ;
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батарей мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И курясь, какъ передъ
боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генераль сѣдой.
Идутъ все полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленно, какъ
тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталь считать Казбекъ
угрюмый —
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ оки-
нулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

97. Бѣда-проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бѣда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ:
Однѣ только сосны росли вѣковыя;
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,

Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣща онъ хотѣлъ обмануть, —
«Старикъ», онъ сказалъ, «я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать:
Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вотъ — жены съ дѣтьми; говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи».
И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ усть его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось, слѣщю въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!
Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущельѣ повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ —
Зоветь его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ — отъ края до края
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

98. Отставной солдатъ.

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила;
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

ПАСТУХИ.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

СОЛДАТЪ.

Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

А идешь откуда?

СОЛДАТЪ.

А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и сѣмъ лѣчили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь бреду на костыляхъ кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

На руку; обопришь! да не сюда,
А на тулуцъ раскинутый ложися!

СОЛДАТЪ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбка
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я,
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта,
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши;
И дорого и чудно, да не мило,

Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ, словомъ
И спать не хочется! играть бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.

И мы бѣ, землякъ, играть не отказались,
Да лихъ нельзя! Село далеко, стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! но вотъ и кашаца поспѣла,
Перекрестяся примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонить,
То расскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое житье-бытье:
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ —
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

СОЛДАТЪ.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянуть! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ жъ человекъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой,
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья

Трептать и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочные хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья —
У Божьей церкви ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженного ихъ буйствомъ! Мы бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бѣ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы — живые на бивакѣ
Комедию ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялися крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

ПАСТУХИ.

Ухъ! страшно, страшно!

СОЛДАТЪ.

А между тѣмъ курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й ПАСТУХЪ.

Э, братцы,
Смотрите, вонъ и къ намъ телѣжка скачетъ,

И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей;
Не спросить ли о чемъ насъ?

СОЛДАТЪ.

Помоги

Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

ОФИЦЕРЪ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

СОЛДАТЪ.

Въ минуту, ваше благородье!

ОФИЦЕРЪ.

Ба!

Товарищъ, ты какъ здѣсь!

СОЛДАТЪ.

Къ женѣ и сестрамъ

Домой тащуся, ваше благородье.

За рану въ чистую уволенъ.

ОФИЦЕРЪ.

Съ Богомъ!

Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье:

Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;

Въ Парижѣ русскіе отмстили честно

Пожаръ московскій. Ну, прости, товарищъ!

СОЛДАТЪ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

(Офицеръ утѣшаетъ.)

Благословеніе Господне съ нами

Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ

Господь утѣшилъ матушку-Росцію!

Молитесь, братцы! Божьи чудеса

Не совершаются ль предъ нами явно?

99. Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь...

Тишина въ избѣ,

Только вѣтеръ воетъ

Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,

Издавая трескъ,

И вокругъ дрожащій

Разливая блескъ.

Въ старомъ зицунишкѣ,

Прислонясь къ стѣнѣ,

Дремлетъ подлѣ печки

Мальчикъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ

Блѣдный огонекъ

Дѣтскую головку

И румянецъ щекъ.

Съ дремлющей малюткой

Рядомъ мать сидитъ

И, лаская сына,

Кротко говоритъ:

«Ты бы легъ, касатикъ,

Вѣдь ужъ ночь давно;

На-ка вотъ шубенку,

Вишь, какъ холодно».

— «А зачѣмъ же, мама,

Ты сама сидишь,

И вечеръ все пряла,

И теперь не спишь?»—

«Охъ, мой ненаглядный,

Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:

Что-то мнѣ такъ грустно,

Божій свѣтъ не милъ!

Пятая недѣля

Вотъ къ концу идетъ,

А досель отецъ твой

Вѣсточки не шлетъ.

Ну, Господь помилуй!

Если съ мужикомъ

Грѣхъ какой случился

На пути глухомъ...

Дѣло мое бабѣ,

Какъ тогда мнѣ быть?

Кто насъ горькихъ станетъ

Одѣвать, кормить?...»

— «Полно плакать, мама!»—

Грустно сынъ сказалъ

И, поднявъ головку,

Тихо съ мѣста всталъ;

И къ щекѣ родимой

Онъ прильнулъ щекой

И, заплакавъ горько,

Мать обнялъ рукой.

«Я не стану плакать;

Лягъ, усни, дружокъ!

Я тебѣ соломки

Принесу снопокъ;

Постелю постельку,

А Господь пошлетъ —

Твой отецъ гостинецъ

Скоро привезетъ;

Новыя салазки

Сдѣлаетъ опять;

Будетъ въ нихъ сыночка

По двору катать».

И дитя забылось...

Снова мать прядетъ,

Ей отъ думъ, заботы,

Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина

Чуть въ свѣтцѣ горитъ;

Только вьюга какъ-то

Жалобнѣй гудитъ.

Мнится, будто стонетъ

Кто-то у крыльца;

Словно провожаютъ
 Съ плачемъ мертвеца...
 И съ тоской тяжелой
 Вспомнила она,
 Какъ ея дѣвичья
 Жизнь проведена;
 Какъ ей, умирая,
 Говорила мать:
 «Тошно сиротою
 Мнѣ тебя кидать!
 Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
 Замужемъ-то жить,
 Трудъ, порой рабочей,
 Въ полѣ выносить?
 И въ кого родилась
 Ты съ такимъ лицомъ?
 Старшія-то сестры
 Кровь вѣдь съ молокомъ;
 И разгульны, правда,
 Нечего сказать,
 Да зато какъ стануть
 Въ полѣ работать, —
 Хоть жара, хоть вѣтеръ —
 Все равно для нихъ:
 Оттого и замужъ
 Скоро взяли ихъ.
 А тебя за разумъ
 Хвалить вся семья,
 Да любить-то... любить
 Только мать твоя!
 Все ты шить умѣешь
 И въ избѣ прибрать,
 Ребятишекъ-братевъ
 Любишь обмывать.
 Да въ быту крестьянскомъ,
 Знаешь ты сама,
 Сила-то дороже
 Разума-ума».
 Вспомнила, какъ замужъ

Взялъ ее ямщикъ,
 Какъ его покойный
 Тестъ любилъ старикъ.
 Вотъ въ сѣняхъ избушки
 Кто-то постучалъ.
 — «Ахъ, отецъ!» проснувшись,
 Мальчикъ закричалъ.
 — «Вишь, морозъ какъ крѣпко
 Дверь-то прихватилъ!»
 Грубо гость знакомый
 Вдругъ заговорилъ.
 И мужикъ рукою
 Сильно дверь рванулъ,
 Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
 Съ платья снѣгъ стряхнулъ;
 Осѣнилъ три раза
 Грудь свою крестомъ,
 Почесалъ затылокъ
 И сказалъ потомъ:
 — «Здравствуешь, сосѣдка!
 Какъ живешь, мой свѣтъ?...
 Экая погодка!
 Слѣду въ полѣ нѣтъ!
 Ну, не съ доброй вѣстью
 Я къ тебѣ пришелъ:
 Я лошадокъ вашихъ
 Изъ Москвы привелъ».
 — «А мой мужъ?» спросила
 Ямщика жена,
 И бѣлѣе снѣга
 Сдѣлалась она.
 «Да, въ Москву приѣхавъ,
 Вдругъ онъ захворалъ,
 И Господь бѣднягѣ
 По душу послалъ.
 На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
 Мнѣ пришлось стоять,
 И меня лошадокъ

Упросилъ онъ взять».
 Горько зарыдала
 Бѣдная вдова,
 Выслушавъ сосѣда
 Первыя слова.
 Опустивъ ручонки,
 Сынъ ея стоялъ
 Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
 Въ ужасѣ дрожалъ.
 «Вишь какая притча!»
 Думалъ такъ мужикъ:
 «Вѣрно, я не въ пору
 Развязалъ языкъ.
 А вѣдь жалко бабу,
 Что и говорить!
 Скоро ей придется
 По міру ходить.
 — Полно горевать-то»,
 Велухъ онъ ей сказалъ:
 «Стало неча дѣлать:
 Богъ знать наказалъ!

Лошади-то ваши
 Тутъ вотъ у двора:
 Такъ поди, возьми ихъ; —
 Мнѣ домой пора.
 Да!... вѣдь эка память,
 Все сталъ забывать;
 Вотъ отецъ сынишкѣ
 Крестъ велѣлъ отдать.
 Самъ онъ черезъ силу
 Съ шеи его снялъ,
 Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
 Въ руки и сказалъ:
 — «Вотъ благословенье
 «Сыну моему;
 «Пусть не забываетъ
 «Мать, скажи ему». —
 А тебя-то, видно,
 Крѣпко онъ любилъ:
 По смерть твое имя,
 Бѣдный, онъ твердилъ».

100. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
 Второпяхъ зовутъ отца:
 «Тятя! тятя! наши сѣти
 Притащили мертвеца».
 — «Врите, врите, бѣсенята»,
 Загорчалъ на нихъ отецъ:
 «Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
 Будетъ вамъ ужъ мертвецъ!
 Судъ найдетъ, отвѣчай-ка!
 Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь...
 Дѣлать нечего! Хозяйка,
 Дай кафтанъ! ужъ поплетусь...
 Гдѣ жъ мертвецъ?» — «Вонъ, тятя, эвотъ!»
 Въ самомъ дѣлѣ — при рѣкѣ,
 Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
 Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ...
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ, —
Мужику какое дѣло?
Озираясь онъ спѣшить...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащить.
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то — поколочу».

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спать; хозяйка дремлетъ;
На полатахъ мужъ лежитъ...
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ —
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
— «Кто тамъ?» — «Эй,пусти, хозяинъ!»
— «Ну,какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою

Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ странно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались;
Трясея ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

101. Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Бздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ.
«Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?»
— «Родимый, Лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ!
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой».
— «О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой».
— «Дитя, оглянися, младенецъ, ко мнѣ!
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
«Изъ золота слиты чертоги мои».

— «Родимый, Лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
— «О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы».
— «Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубравѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять».
— «Родимый, Лѣсной царь созвалъ дочерей;
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
— «О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ
То ветлы сѣдя стоятъ въ сторонѣ».
— «Дитя, я плѣнился твоей красотой;
«Неволей иль волей, а будешь ты мой!»
— «Родимый, Лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно... мнѣ тяжело дышать».
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ доскакалъ —
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ».

102. К у б о к ъ.

«Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой;
Кто сыщеть во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной».
Такъ царь возгласилъ, и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездною морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщеть мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»
Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:

«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?»
И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ, юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?
И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя въ вышину;
А волны спирались, и пѣна кипѣла,
Какъ будто гроза наступающая рева.
И воетъ и свищетъ, и бьетъ и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бушуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ!
И вдругъ, успокоясь, волнение легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались въ глубь истощеннаго чрева,
И глубь застонала отъ грома и рева.
И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призывалъ,
И дрогнули зрители всѣ возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила!
Надъ бездною утихло... въ ней глухо шумить...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.
Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: «Кто вѣнецъ возвратитъ,

Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлить со мной», —

Меня твой престолъ не прельститъ,
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не расскажетъ живая.
Не мало судовъ, закруженныхъ волной,

Глотала ея глубина:

Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...

Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.
И воетъ и свищетъ, и бьетъ и шипитъ,

Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ

Дымящимся пѣна столбомъ...

И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ...

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...

Мелькнула рука и плечо изъ волны...

И борется, споритъ съ волной...

И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича
Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжело дышалъ,

И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...

И каждый съ весельемъ: «Онъ живъ!» повторялъ,
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!

Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважный».

Онъ на берегъ вышелъ, и встрѣченъ толпой;

Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ

И кубокъ у ногъ положилъ золотой;

И дочери царь приказалъ

Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;

И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,

Тотъ жизнью земной веселись;

Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...

И смертный предъ Богомъ смиришь:

И мыслью своею не желай дерзновенно

Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.
Стрѣлою, стремглавъ полетѣлъ я туда...

И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;

Изъ трещины камня лилася вода;

И вихорь ужасный повлекъ

Меня въ глубину съ непонятною силой...

И страшно меня тамъ кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принесъ,

И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:

Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ

И крѣпко его обхватилъ;

Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:

Въ бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной,

Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;

Все спало для слуха въ той безднѣ глухой,

Но видѣлось страшно очамъ,

Какъ двигались въ ней безобразныя груды,

Морской глубины несказанныя чуды*).

Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,

Въ громадный свиваяся клубъ,

И млатъ водяной, и уродливый скать,

И ужасъ морей, однозубъ;

И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,

Мокой — ненасытный, гiena морская.

И былъ я одинъ съ неизбежною судьбой,

Отъ взора людей далеко,

Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,

Во чревѣ земли, глубоко

Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова

Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого

И я содрогнулся... вдругъ слышу: ползеть

Стоногое грозно изъ мглы,

И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...

Я въ ужасѣ прочь отъ скалы, —

То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ

И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

*) Чуды — в. м. чуд-е-са;

Чудесенъ разсказъ показался царю:

«Мой кубокъ возьми золотой;

Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,

Въ которомъ алмазъ дорогой,

Когда ты на подвигъ отважишься снова

И тайны всѣ дна перескажешь морского»...

То слыша, царица съ волненьемъ въ груди,

Краснѣя, царю говорить:

«Довольно, родитель, его пощади!

Подобное кто совершитъ?

И если ужъ должно быть опыту снова,

То рыцаря вышли, не пажа младого».

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой

Въ пучину швырнулъ съ высоты:

«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,

Когда съ нимъ воротишься ты;

И дочь моя, нынѣ твоя предо мною

Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;

Отважность сверкнула въ очахъ;

Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;

Онъ видитъ въ ней жалость и страхъ...

Тогда, неописанной радостью полный,

На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны

Утихнула бездна... и снова шумить...

И пѣною снова полна...

И съ трепетомъ въ бездну царица глядитъ.

И бьетъ за волною волна...

Приходить, уходитъ волна быстротечно:

А юноши нѣтъ, и не будетъ ужъ вѣчно.

103. Графъ Габсбургскій.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ

Въ старинныхъ чертогахъ на пирѣ

Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ

Въ сіяньи вѣнца и порфирѣ.

Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ;

Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;

И семь избирателей, чиномъ

Устроенный древле свершая обрядъ,
Блестали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,

Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,

Ликующимъ полный народомъ;

И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,

Подъ древнимъ сливались сводомъ.

Быль конченъ раздоръ; перестала война;

Безцарственны, грозны прошли времена,

Судья надъ землею былъ снова;

И воля губить у меча отнята;

Не брошены слабый, вдова, сирота

Могущимъ во власть безъ покровъ.

И кесарь, наполнивъ бокаль золотой,

Съ привѣтливимъ взоромъ вѣщаетъ:

«Прекрасенъ мой пиръ: все пируетъ со мной;

Все царскій мой духъ восхищаетъ...

Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердець?

Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ

Игрой и благимъ поученьемъ?

Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;

Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой

Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей

Выходить, одѣтый таларомъ,

Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,

Младымъ преисполненный жаромъ.

«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ:

Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,

О всемъ, что святого есть въ мирѣ,

Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...

О чемъ же властитель воспѣтъ повелитъ

Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?» —

— «Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой

(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);

Онъ высшую силу призналъ надъ собой;

Минута ему повелитель.

По воздуху вихорь свободно шумитъ:

Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?»

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
 Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
 И темное чувство, изъ дивнаго сна
 При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ».
 И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
 И голосъ пріятный раздался:
 «На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
 За серною рыцарь гонялся;
 Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
 Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
 И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
 Вдругъ слышать они: колокольчикъ гремитъ;
 Идетъ изъ кустовъ понамарь и звонить,
 И слѣдомъ священникъ съ Дарами.
 И набожный графъ, умиленный душой,
 Колѣни свои преклоняетъ,
 Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
 Предъ Тѣмъ, Кто живить и спасаетъ.
 Но лугомъ стремился кипучій ручей;
 Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
 Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
 И спутнику пастырь Дары отдаетъ,
 И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
 Съ священною ношею — въ воду.
 «Куда?» изумившійся графъ спросилъ.
 — «Въ село; умирающій нищій
 Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
 И алчетъ небесныя пищи.
 Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
 Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
 Его разбросало водою;
 Чтобъ душу святой благодатью спасти,
 Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
 Спѣшу обнаженной стопою».
 И пастырю витязь коня уступилъ,
 И подалъ ногѣ его стремя,
 Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
 Страдальцу грѣховное бремя.
 И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,

И весело въ чашу на ловъ полетѣлъ.
 Священникъ же, требу святую
 Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
 Является къ графу, смиренно коня
 Ведя за узду золотую.
 «Дерзну ли помыслить я», графъ возгласилъ,
 Почтительно взоры склонивши,
 «Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
 Спасителю-Богу служивши?
 Когда ты, отецъ, не приемишь коня,
 Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
 Отнынѣ Тому, чье даянье
 Всѣ блага земныя и сила и честь,
 Кому не помедлю на жертву принести
 И силу, и честь, и дыханье».
 — «Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
 Своей благодатью святою;
 Тебя да почититъ Онъ въ сей жизни и въ той,
 Какъ днесъ Онъ почтенъ былъ тобою.
 Гельвеція славой сіяетъ твоей;
 И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
 Богатыхъ дарами природы:
 Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
 Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
 Да славятся въ роды и роды!»
 Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
 Минувшее въ немъ оживилось...
 Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —
 И таинство словъ объяснилось:
 Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой,
 И слезы свои отъ толпы золотой
 Порфирой закрылъ въ умиленъ...
 Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
 И всякъ догадался, кто набожный графъ,
 И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

104. Поликратовъ перстень.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко
 И на Самосѣ богатый око

Съ весельемъ гордымъ преклоняль:
 «Сколь щедро взысканъ я богами!
 Сколь счастливъ я между царями!»
 Царю Египта онъ сказалъ.
 «Тебѣ благопріятны боги;
 Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
 И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
 Но живъ одинъ опасный мститель:
 Пока онъ дышитъ, побѣдитель,
 Не довѣрай своей судьбѣ!»
 Еще не кончилъ онъ отвѣта,
 Какъ изъ союзаго Милета
 Явился присланный гонецъ:
 «Побѣдой ты украшенъ новой!
 Да обовѣтъ опять лавровый
 Главу властителя вѣнецъ!
 Твой врагъ постигнуть строгой местию;
 Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
 Нашъ полководецъ Полидоръ».

Рука гонца сосудъ держала;
 Въ сосудѣ голова лежала:
 Врага узналъ въ ней царскій взоръ.
 И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
 — «Страшись! судьба съ очарованьемъ
 Тебя къ гибели влечетъ.
 Невѣрныя морскія волны
 Обломковъ корабельныхъ полны:
 Еще не въ пристани твой флотъ».

Еще слова его звучали, —
 А клики брегъ ужъ оглашали;
 Народъ на пристани кипѣлъ,
 И въ пристань царь морей крылатый,
 Дарами дальнихъ странъ богатый,
 Флотъ торжествующій влетѣлъ.
 И гость, увидя то, блѣднѣетъ:
 — «Тебѣ фортуна благодѣетъ...
 Но ты не вѣрь, — здѣсь хитрый ковъ,
 Здѣсь тайная погибель скрыта:
 Разбойники морскіе Крита

Отъ здѣшнихъ близко береговъ».

И только выронилъ онъ слово,
 Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
 «Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
 Мы торжествуемъ надъ врагами:
 Флотъ критскій истребленъ богами;
 Его ихъ буря пожрала».

Испуганъ гость неожиданной вѣстью...
 — «Ты счастливъ; но судьбины лестью
 Такое счастье мнится мнѣ:
 Здѣсь вѣчны блага не бывали,
 И никогда намъ безъ печали
 Не доставались они.
 И мнѣ все въ жизни улыбалось;
 Неизмѣняемо, казалось,
 Я силой вышней былъ хранимъ;
 Всѣ блага прочилъ я для сына...
 Его, его взяла судьбина!
 Я долгъ свой сыномъ заплатилъ.
 Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
 Моли невидимыя власти
 Подлить печали въ твой фіалъ*)!
 Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
 Какой, какой ея любимецъ
 Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?
 Когда жъ въ несчастьи рокъ откажетъ,
 Исполни то, что другъ твой скажетъ:
 Ты призови несчастье самъ.
 Твои сокровища несмѣтны:
 Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
 Отдай любимое богамъ».

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
 «Моимъ избраннымъ обладаньемъ
 Донынѣ этотъ перстень былъ;
 Но я готовъ властямъ незримымъ
 Добромъ пожертвовать любимымъ!...»
 И перстень въ море онъ пустилъ.

*) Фіалъ — чаша.

Наутро, только лучь денницы
 Озолотилъ верхи столицы,
 Къ царю является рыбарь:
 «Я рыбу, пойманную мною,
 Чудовище величиною,
 Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»
 Царь изъявилъ благоволенье...
 Вдругъ царскій поварь въ изступленьи
 Съ нежданной вѣстію бѣжить:
 «Найденъ твой перстень драгоценный;
 Огромной рыбой поглощенный,
 Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ».
 Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
 Сказалъ: «Бѣда надъ этимъ домомъ!
 Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
 На смерть ты обреченъ судьбою:
 Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою...»
 Сказалъ — и разлучился съ нимъ.

105. Ивиковы журавли.

На Посидоновъ*) пиръ веселый,
 Куда стекались чада Гелы
 Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
 Шель Ивикъ, скромный другъ боговъ
 Ему съ крылатою мечтою
 Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ;
 И съ лирой, съ легкою клюкою
 Шель, вдохновенный, къ Истму онъ.
 Уже его открыли взоры
 Вдали Акрокоринѣ и горы,
 Сліянны съ синевою небесъ.
 Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ..
 Все тихо, листъ не колыхнется;
 Лишь журавлей по вышинѣ
 Шумящая станица вѣется
 Въ страны полуденны къ веснѣ.

Посидонъ — богъ морей.

«О спутники, вашъ рой крылатый,
 Досель мой вѣрный провожатый,
 Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
 Сказавъ: прости! родной странѣ,
 Чужого брега посѣтителъ,
 Ищу пріюта, какъ и вы;
 Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
 Бѣду отъ странничьей главы!»
 И съ твердой вѣрою въ Зевеса
 Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
 Идетъ заглохшею тропой...
 И зрить убійцъ передъ собой.
 Готовъ сразиться онъ съ врагами;
 Но часъ судьбы его приспѣлъ:
 Знакомый съ мирными струнами,
 Напрячь онъ лука не успѣлъ.
 Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ..
 Лишь эхо стоны повторяетъ —
 Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
 «Итакъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Истлѣю здѣсь безъ погребенья
 И не оплаканъ отъ друзей;
 И симъ врагамъ не будетъ мщенья
 Ни отъ боговъ, ни отъ людей!»
 И онъ боролся ужъ съ кончиной...
 Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной,
 Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
 Ихъ жалобно-стенацій гласъ.
 «Вы, журавли подъ небесами,
 Я васъ въ свидѣтели зову!
 Да грянетъ привлеченный вами,
 Зевесовъ громъ на ихъ главу!»
 И трупъ узрѣли обнаженный:
 Рукой убійцы искаженны
 Черты прекраснаго лица;
 Коринѣскій другъ узналъ пѣвца.
 «И ты ль недвижимъ предо мною?
 И на главу твою, пѣвецъ,
 Я мнилъ торжественной рукою

Сосновый возложить вѣнецъ!»
И внемлють гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена,
Для всѣхъ сердець печаль одна.
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Притановъ окружилъ народъ
И вопить: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»
Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жъ, разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Гелиосъ*) то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ поднятой, можетъ-быть, главою
Между шумящею толпою
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль, въ капищѣ склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ мутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отъсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,

*) Гелиосъ — богъ солнца.

Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ горъ, съ Оракійскихъ горъ
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружень,
Обходить вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада:
Не здѣсь ихъ колыбель была:
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъъ земного перешла.

Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ томный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Ехидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ заплѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній*) страшный хоръ гремитъ;
И цѣпенѣя внемлетъ зритель,
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ...

«Блаженъ, кто не знакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему вослѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

*) Эриннии, или эвмениды, богини, преслѣдующія преступниковъ; онѣ олицетворяли мученія совѣсти.

«Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье — не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачь — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ».

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ —
Со страхомъ мнить о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываясь, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все и всѣ еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Пароеній, слышишь?... Крикъ вдали:
«То — Ивиковы журавли!...»
И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумить;
И видятъ — черной полосою
Станица журавлей летить.

«Что? Ивикъ!» все восколебалось, —
И имя Ивика промчалось
Изъ усть въ уста... шумить народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нѣтъ, добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семь словѣ сокровенно?»

И что сихъ журавлей полетъ?»

И всѣмъ сердцахъ въ одно мгновенье
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убійца тутъ:
То эменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!»
И блѣдень, трепетень, смятенный
Внезапной рѣчью обличенный,
Исторгнуть изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клеветомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ
И тщетный плачь былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была ихъ приговоръ.

106. Роландъ оруженосецъ.

Разъ Карлъ Великій пировалъ:
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокальъ;
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ;
Гремѣлъ пѣвцовъ избранный хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ,
И гости вдоволь пили, ѣли,
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
«Свершить намъ должно подвигъ трудный.
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его украсишь великанъ
Живетъ въ Арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ».
Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,

Изъ-за стола тотчасъ встають,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкають ихъ стальные брони,
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ, сказалъ: «Возьми, родитель
Меня съ собою: я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ
Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою».

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились;
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ,
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышитъ,
Бодрить коня; конь ржетъ и пышетъ.

И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи;
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней
Блеснуло: и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучемъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валить громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца
И мыслить: что же ты за диво?
Будить мнѣ для тебя отца

Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ, и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелый;
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ,
И потихоньку удалился,
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый:
«Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится».

— «Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ —
Зато за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я — мой конь ученъ;
Пускай я слабъ — мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ: ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебя услугу».

Дубиной великанъ взмахнулъ,
Чтобъ вдребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ:
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ:
Оно осталось съ остриемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;

Спѣшить схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснуть онъ ножами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струею;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый;
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ,
Но по ногамъ вдогонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворный:
Онъ покотился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ;
Свистя кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломалъ рукою,

И въ платьѣ скрылъ онъ взятый кладъ.
Потомъ струей ручья лѣсного
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ, и, сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путемъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еще не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
«Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай!
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана;
Опять не встрѣтимъ великана».

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ

И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ,
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долину той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ виденъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣрить онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ,
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагого;
Слѣдовъ не видно остального.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трупъ? Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мою и славу!»

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: «Страшно мнѣ по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?... Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ, и держитъ онъ
Свое копьѣ передъ собою
Съ отрубленною головою».

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приблизясь, голову нѣмую
Страхнулъ съ копья передъ крыльцомъ
И Карлу такъ сказалъ: «Плохую
Добычу я завоевалъ:
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался».

Пріѣхаль за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій.
«Со мною талисмана нѣтъ,
Но вотъ вамъ дорогія мощи».
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпичей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ Наимъ
Пріѣхаль по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
«Кому достался талисманъ,
Не знаю я; но великанъ
Меня оставилъ въ часъ кончины
Наслѣдникомъ своей дубины».

Шель рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ
Задумчивый и утомленный:
Конь, великановымъ мечемъ
И панциремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
«Все это съ мертвеца я снялъ:
Мнѣ отъ побѣды мало чести,
О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти».

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подѣхавъ, говорить:
«Въ лѣсу нашель я этотъ щитъ,
Но обманулся я въ надеждѣ:
Быль талисманъ украденъ прежде».

Вотъ, наконецъ, и графъ Милонъ.
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потушенной головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ, —
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,

Подъ шлемомъ удалыя очи.
И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины
Ихъ ждуть; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его середины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ...
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный!
И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: «Ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье
Прими отъ насъ благоволенье».
Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ...
И что же? передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
«Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?»
Роландъ въ отвѣтъ: «Прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался».

107. Р а з д ѣ л ѣ .

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй, спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «Ступайте,
А счета послѣ мы сведемъ!»

— «Миѣ только тысячу мою сперва додайте!»

Шумить другой:

«Я съ мѣста не сойду долой!»

— «Миѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны»,

Еще одинъ кричить. — «Нѣтъ, нѣтъ! мы не согласны»

Да какъ, за что и почему?»

Забывши, что пожаръ въ дому,

Проказники тутъ до того шумѣли,

Что захватило ихъ въ дыму,

И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

108. Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,

Что лестъ гнусна, вредна; но только все не впрокъ,

И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщеть уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.

На ель Ворона взгромоздясь,

Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,

Да призадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала;

Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ;

Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.

Плутовка къ дереву на-цыпочкахъ подходитъ.

Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ

И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:

«Голубушка, какъ хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Разсказывать такъ, право, сказки!

Какія перышки, какой носокъ!

И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!

Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,

Вѣдь ты бѣ у насъ была царь-птица!»

Вѣщуньяна съ похвалъ вскружилась голова,

Отъ радости въ зобу дыханье сперло, —

И на привѣтливѣ лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыръ выпаль — съ нимъ была плутовка такова.

109. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,

А сапоги тачать пирожникъ:

И дѣло не пойдетъ на ладъ;

Да и примѣчено стократъ,

Что кто за ремесло чужое браться любить,

Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:

Онъ лучше дѣло все погубить,

И радъ скорѣй

Посмѣшищемъ стать свѣта,

Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей

Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло

За кошачье приняться ремесло.

Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,

Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ, —

Но только вздумала Кота она просить,

Чтобъ взять ее съ собой онъ на охоту,

Мышей въ амбарѣ половить.

«Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»

Сталь Щукѣ Васька говорить:

«Смотри, кума, чтобъ не осрамиться:

Не даромъ говорится,

Что дѣло мастера боится». —

«И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей». —

«Такъ въ добрый часъ, пойдёмъ!» Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся Котъ,

И кумушку провѣдать онъ идетъ:

А Щука чуть жива лежитъ, разинувъ ротъ,

И крысы хвостъ у ней отѣли.

Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,

Кумѣ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Щука,

Тебѣ — наука:

Впередъ умнѣе быть

И за мышами не ходить.

110. Осель и Соловей.

Осель увидѣлъ Соловья
И говорить ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говорить, «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей-
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

111. Лисица и Виноградъ.

Голодная кума-Лисица залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горять!
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:

Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видить око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говорить съ досадою: «Ну, что жъ!
На взгляды-то онъ хорошъ,
Да зелень — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь»

112. Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ
Не въ гости, но животь спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видить Волкъ мой на заборѣ
Кота
И молить: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ!
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной!» — «Проси скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ», Котъ Васька говоритъ
«То такъ, да у него я ободралъ барана»
— «Ну, попытайся жъ у Демьяна».
— «Боюсь, что на меня и онъ сердить:
Я у него унесъ козленка».
— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
— «Къ Трофиму? Нѣтъ! боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка».
— «Ну, плохо жъ!... Но, авось, тебя укроетъ Климъ?»
— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
— «Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолил?»
Сказалъ тутъ Васька Волку:
«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы, — самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни».

113. Волкъ и Журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хотъ ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ кой-какъ, знаками сталъ Волкъ его манить
И просить горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ Волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:
«Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣль унесъ?
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!»

114. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтаясь съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
— «Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?»

Мужикъ такъ нами помыкаетъ
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ.
А этого не смыслить неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены». —
А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ. «Да наши предки»... — Знаю,
И все читаль, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?
— «Да наши предки Римъ спасли!»
— Все такъ, да вы что сдѣлали такое?
— «Мы? Ничего!» — Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь,
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Баснь эту можно бы и болѣе пояснить —
Да чтобъ гусей не раздражить.

115. Мельникъ.

У Мельника вода плотину прососала.
Бѣда бѣ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстатѣ ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить,
А течъ день ото дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!
А Мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды!
Не море надо мнѣ воды,
И ея мельница по весь мой вѣкъ богата». —
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совѣмъ:
Сталъ жерновъ; мельница не служить.
Хватился Мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.

Вот у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.

«Негодныя», кричить, «хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы ее пришли здѣсь вдостоль допивать!»

И въ нихъ полѣномъ хватъ.
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жалъ на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ.

116. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться
(Она завистлива была),

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что? буду я съ него?»
Подругѣ говорить. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко...
Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
— «Ну, какъ теперь?» — «Все то жъ». Пыхтѣла да
пыхтѣла,

И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнившись съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ.
Не диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?

117. Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись,
Но приобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился,
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходить,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ;
Хвалы приманчивы, — какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашло чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться.
Хлопотъ

Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватить;
То поволочетъ, то покатить;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И, наконецъ, она пыхтя насилиу дышитъ, —
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковина, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

118. Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться!
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага. —

Жилъ нѣкто, человекъ безродный, одинокій
Вдали отъ города въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:

Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?

Прекрасны, что и говорить;
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ, толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свести.

Въ лѣсу кого набрести,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,

Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.

О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,

И какъ бесѣда шла у нихъ, —
Я по сію не знаю пору.

Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;

Такъ изъ избы не вынесено сору.

Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,

Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.

Вездѣ за Мишей онъ: безъ Мишеньки тошнится,

И Мишенькой не можетъ нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьямъ

Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,

И по доламъ и по горамъ;

А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,

То и Пустынникъ нашъ скорѣе,

Чѣмъ Мишенька, усталъ,

И отставать отъ друга сталъ.

То видя, говорить, какъ путный, Мишка другу:

— «Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,

Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу»
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.

А Мишка на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла —
Онъ друга обмахнулъ;

Взглянулъ,

А муха на щекѣ: согналъ, а муха снова

У друга на носу,

И неотвязчивѣй часъ отъ часу.

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на-корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: Молчи жъ, ужъ я тебя воструху!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

119. Лжець.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ, «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить — такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садить, ни сѣять, —
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растеть и зрѣть!»

Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:

Ахъ, мой Творецъ,

И по сію не вспомнюсь пору!

Повѣришь ли! Ну, право, былъ онъ съ гору».

— «Что за диковинка!» пріятель отвѣчалъ:

«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,

Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ;

Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,

Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду.

Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,

Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,

А свойство чудное имѣеть:

Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣеть,

До половины не дойдетъ —

Провалится и въ воду упадетъ;

Но кто не лжетъ,

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».

— «А какова у васъ рѣка?»

— «Да не мелка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!

Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:

Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»

— «Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».

— «Повѣрить трудно!

Однакожь какъ ни чудно,

А все чудень и мостъ, по коему мы поидемъ,

Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;

И нынѣшней еще весной

Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)

Два журналиста и портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной

Диковина, коль это справедливо...»

— «Ну, не такое еще диво;

Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:

Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;

Что тамъ за дома!

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,

И то — ни стать, ни сѣсть».

— «Пусть такъ, но все признаться должно,

Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,

Въ которомъ двумъ усѣсться можно;

Однакожь мостъ-атъ нашъ каковъ,

Что лгунъ не сдѣлаетъ по немъ пяти шаговъ,

Какъ тотчасъ — въ воду!

Хоть римскій твой и чудень огурецъ...»

— «Послушай-ка», тутъ перерывъ мой Лжець:

«Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду».

120. Добрая Лисица.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.

Ужь пусть бы кончилось на ней несчастье злое,

Но нѣтъ, за ней должны еще погибнуть трое:

Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.

Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,

Малютки терпятъ голодъ

И холодъ,

И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.

«Какъ можно не страдать,

Малютокъ этихъ видя,

И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»

Лисица птицамъ говоритъ,

На камушкѣ, противъ гнѣзда сиротокъ сидя.

«Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;

Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите;

Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните;

Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.

Что дѣла добраго святѣй?

Кукушка, посмотри: вѣдь ты и такъ линяешь:

Не лучше ль дать себя немножко оципать,

И перьемъ бы твоимъ постельку имъ устлатъ?

Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.

Ты, жаворонокъ, — чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувыраться, кружиться,

Ты бѣ корму искалъ по нивамъ, по лугамъ,

Чтобъ съ сиротами подѣлиться.

Ты, горлинка, — твои птенцы ужъ подросли:

Промыслить кормъ они и сами бы могли;

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.

Ты бѣ, ласточка, ловила мошекъ
Полакомить безвредныхъ крошекъ.

А ты бы, милый соловей, —
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ, —
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бѣ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бѣ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ
Малютки бѣдныя, всѣ трое,
Не могли съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ нанизъ.
Что жъ кумушка? Тотчасъ ихъ сѣла
И поученья не допѣла!

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творить!
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжить,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого.

121. Крестьянинъ и Работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнять,
И если онъ у насъ не виновать,
Такъ это чудо!

Старикъ Крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.

Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ;
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ бѣ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику!
— «Степанушка родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ — и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ;
Прошла бѣда. Крестьянинъ всталъ,
И онъ же Батрака ругаетъ!
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ, «за что?» — «За что, болванъ?
Чему обрадовался сдуру!
Знай колеть: всю испортилъ шкуру!»

122. Левъ и Мышь.

У Льва просила Мышь смиренно позволенья
По близости его, въ дуплѣ, завести селенье,
И такъ промолвила: «Хотя-де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ и славенъ,
Хоть въ силѣ льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ:
Но будущее кто угадывать возьметъся?
Какъ знать! кому въ комъ нужда доведется?
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подчасъ тебѣ и пригожусь».
— «Ты!» вскрикнулъ Левъ, «ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива —
Иль твоего не будетъ праху!»
Тутъ Мышка бѣдная, не вспомнясь отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ — простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однакожь гордость эта:

Отправяся искать добычу на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ;
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И въ клѣткѣ напоказъ народу увезенъ.
Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ:
Что бы помочь она ему сумѣла,
Что съѣсть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.
Читатель, истину любя,
Промолвлю я, — и то не отъ себя:
Не попусту въ народѣ говорится:
*«Не плой въ колодець, пригодится
Воды напиться».*

123. Прудъ и Рѣка.

«Что это», говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ,
«Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ?
Неужели ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки, —
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ какъ жребій мой пріятень!
Конечно, я не знатень;
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ;
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслисть:
Да это, право, все пустое!
Зато я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ.
Не только, что судовъ
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться, —
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;

И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнить жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ».
— «А философствуя, ты помнишь ли законъ»,
Рѣка на это отвѣчаетъ,
«Что свѣжесть лишь вода движеніемъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
Зато по всякій годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу;—
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году все глохъ;
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.
Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

124. Орелъ и Пчела.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой;
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится
И мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ трудится.
Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,

Сказаль Орель однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей своей работой и умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ, —
Да кто же послѣ разберетъ
И отличить твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?...
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвѣтствуетъ: — «Тебѣ хвала и честь.
Да продлить надъ тобой Зевесъ свои щедроты;
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть».

125. Василекъ.

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣль, завяль почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины.
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день насталь,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!»
— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказаль, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты или цвѣтешь?»

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталь, какъ я, да зналь бы свѣтъ,
То видѣль бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, косить.
А ты ни пынень, ни пахучь:
Такъ солнце ты своей доукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не бросить,
И добиваться ты пустого перестань, —
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

126. Ужъ какъ палъ туманъ на сине море...

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
 А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
 Не сходить туману съ синя моря,
 Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
 Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
 Курится огонечекъ малешенекъ;
 У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
 На коврикѣ лежитъ удалъ-добрый молодець,
 Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
 Унимаетъ молодець кровь горячую;
 Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
 И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать-сыру-землю,
 Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
 Ты вставай, вставай, удалъ-добрый молодець!
 Ты садись на меня, своего слугу,
 Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
 Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,
 Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
 Какъ вздохнетъ тутъ удалъ-добрый молодець;
 Подымалась у удалого его крѣпка грудь,
 Опустились у молодого бѣлы руки,
 Растворилась его рана смертельная,
 Пролилась ручьемъ кровь горячая.
 Тутъ промолвилъ добрый молодець своему коню:
 Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная;
 Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
 Добрый пайщикъ службы царской!
 Ты скажи моей молодой вдовѣ,
 Что женился я на другой женѣ,
 Что за ней я взялъ поле чистое,
 Насъ сосватала сабля острая.

127. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
 Пашней-десятиной,
 Выбѣлимъ желѣзо
 О сырую землю.
 Красавица-зорька
 Въ небѣ загорѣлась;
 Изъ большого лѣса
 Солнышко выходитъ...
 Весело на пашнѣ!
 Ну, тащися, сивка!
 Я самъ-другъ съ тобою,
 Слуга и хозяинъ.
 Весело я лажу
 Борону и соху,
 Телѣгу готовлю,
 Зерна насыпаю.
 Весело гляжу я
 На гумно, на скирды,
 Молочу и вѣю...
 Ну, тащися, сивка!
 Пашенку мы рано
 Съ сивкою распашемъ,

Зернышку сготовимъ
 Колыбель святую;
 Его вспоить, вскормить
 Мать-земля-сырая;
 Выйдетъ въ полѣ травка...
 Ну, тащися, сивка!
 Выйдетъ въ полѣ травка,
 Вырастетъ и колось,
 Станетъ спѣть, рядиться
 Въ золотыя ткани.
 Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
 Зазвенятъ здѣсь косы...
 Сладокъ будетъ отдыхъ
 На снопахъ тяжелыхъ!
 Ну, тащися, сивка!
 Накормлю досыта,
 Напою водою,
 Водой ключевою.
 Съ тихою молитвой
 Я вспашу, посею.
 Уроди мнѣ, Боже,
 Хлѣбъ, мое богатство!

128. Первая пѣсня Лихача Кудрявича.

Съ радости-веселья
 Хмелемъ кудри вьются,
 Ни съ какой печали
 Онѣ не сѣкутся.
 Ихъ не гребенѣ чешеть —
 Золотая доля,
 Завиваетъ въ кольца
 Молодецка удалъ.
 Не родись богатымъ,
 А родись кудрявымъ:
 По щучью велѣнью
 Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ —
 Изъ земли родится;
 Со всѣхъ сторонъ прибыль
 Ползеть и валится;
 Что шутя задумалъ, —
 Пошла шутка въ дѣло;
 А потрянулъ кудрями —
 Въ одинъ мигъ поспѣло!
 Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
 Возьмутъ кудри силой;
 А что худо, смотришь —
 По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
 Молодцу съ кудрями,
 Весело на бѣломъ
 Съ черными бровями!
 Въ-время да въ пору
 Медомъ рѣчи льются,
 И съ утра до ночи
 Пѣсенки поются.

Честь и слава кудрямъ!
 Пусть ихъ волосъ вьется,
 Съ ними все на свѣтѣ
 Ловко удается!
 Не подь шапку горе
 Головъ кудрявой!
 Разливайтесь, пѣсни!
 Ходи, парень, bravo!

129. Вторая пѣсня Лихача Кудрявича.

Въ золотое время
 Хмелемъ кудри вьются;
 Съ горести-печали
 Русья сѣкутся.
 Ахъ, сѣкутся кудри!
 Любить ихъ забота;
 Полюбить забота —
 Не чешетъ и гребень.
 Не родись въ сорочкѣ;
 Не родись талантливъ:
 Родись терпѣливымъ
 И на все готовымъ.
 Вѣкъ прожить — не поле
 Пройти за сохою;
 Кручину, что тучу,
 Не уносить вѣтромъ.
 Зла бѣда не буря —
 Горами качаетъ,
 Ходить невидимкой,
 Губить безъ разбору.
 Отъ ея напасти
 Не уйти на лыжахъ:
 Въ чистомъ полѣ найдеть,
 Въ темномъ лѣсѣ сыщеть.

Чуешь только сердцемъ:
 Придетъ, сядетъ рядомъ
 Объ руку съ тобою
 Пойдетъ и поѣдетъ.
 И щемитъ и поетъ,
 Болитъ ретивое!
 Все изъ рукъ вонъ плохо,
 Нѣтъ ни въ чемъ удачи:
 То скосило градомъ,
 То сняло пожаромъ;
 Чистъ кругомъ и легокъ,
 Никому не нуженъ.
 Къ старикамъ на сходку
 Выйти приневолять —
 Старые лаптишки
 Безъ онучь обуешь,
 Кафтанишко рваный
 На плечи натянешь,
 Бороду вскосматишь,
 Шапку нахлобучишь,
 Тихомолкомъ станешь
 За чужія плечи...
 Пусть не видятъ люди
 Прожитого счастья!

130. Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой Да могучимъ плечамъ!
 По чужимъ по людямъ? На заботы жъ свои
 Вѣруй силамъ души Чуть заря подымись,

И одинъ во весь день
 Что есть мочи трудись.
 Неудачи, бѣда —
 Съ грустью дома сиди;
 А съ зарею опять

Къ новымъ нуждамъ иди.
 И такъ бейся, пока
 Случай-счастье найдетъ,
 И на славу твою
 Жить съ тобою начнетъ.

131. Пловецъ.

Неподимо наше море,
 День и ночь шумить оно;
 Въ роковомъ его просторѣ
 Много бѣдъ погребено.
 Смѣло, братья! Вѣтромъ
 полный
 Парусъ мой направилъ я:
 Полетитъ на скользки волны
 Быстрокрылая ладья!
 Облака бѣгутъ надъ моремъ,
 Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чер-
 нѣй;
 Будеть буря: мы поспоримъ

И помужествуемъ съ ней.
 Смѣло, братья! Туча грянетъ,
 Закипитъ громада водъ,
 Выше валь сердитый встанетъ,
 Глубже бездна упадетъ!
 Тамъ, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна;
 Не темнѣютъ неба своды,
 Не проходитъ тишина.
 Но туда выносятъ волны
 Только сильнаго душой!...
 Смѣло, братья! бурей полный
 Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

132. Что ты спишь, мужичокъ?...

Что ты спишь, мужичокъ?
 Вѣдь весна на дворѣ;
 Всѣ сосѣди твои
 Работаютъ давно.
 Встань, проснись, подымись,
 На себя погляди:
 Что ты былъ, и что сталъ,
 И что есть у тебя?
 На гумнѣ — ни снопа;
 Въ закромахъ — ни зерна;
 На дворѣ — по травѣ
 Хоть шаромъ покати;
 Изъ клѣтей — домовой
 Соръ метлою посмель
 И лошадокъ за долгъ

По сосѣдямъ развелъ;
 И подь лавкой сундукъ
 Опрокинуть лежитъ,
 И погнувшись изба,
 Какъ старушка стоитъ.
 Вспомни время свое:
 Какъ катилось оно
 По полямъ и лугамъ
 Золотою рѣкой;
 Со двора и гумна
 По дорожкѣ большой,
 По селамъ, городамъ,
 По торговымъ людямъ!
 И какъ двери ему
 Растворили вездѣ,

И въ почетномъ углу Было мѣсто твое!	Вѣдь ужъ лѣто прошло, Вѣдь ужъ осень на дворъ
А теперь подь окномъ Ты съ бѣдою сидишь,	Черезъ прясло глядить; Вслѣдъ за нею зима
И весь день на печи Безъ просыпу лежишь.	Въ теплой шубѣ идетъ, Путь снѣжкомъ порошить,
А въ поляхъ сиротой Хлѣбъ некошенъ стоитъ:	Подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ
Вѣтеръ точить зерно, Птица клюетъ его.	Хлѣбъ везутъ, продаютъ, Собираютъ казну —
Что ты спишь, мужичокъ?	Бражку ковшикомъ пьютъ.

133. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотреть мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валь;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точить свой кинжалъ...
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю!
Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя, мое родное,
Баюшки-баю!

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду, —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю!
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю!
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!

134. Къ дѣтямъ.

Бывало въ глубокой, полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя-Бога.
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было...
Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни: кроватка пуста;

Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
 Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ!
 И сердце такъ больно сожмется!
 О дѣти! въ глубокой, полуночный часъ
 Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
 О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать, —
 Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
 Любовь Вседержителя-Бога.

135. С о с н а.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко,
 На голой вершинѣ сосна,
 И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
 Одѣта, какъ ризой, она.
 И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
 Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
 Одна и грустна на утесѣ горячемъ
 Прекрасная пальма растетъ.

136. Воспоминаніе.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
 Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
 Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
 Но съ благодарностію: были.

137. Опять на родинѣ.

...Вновь я посѣтилъ
 Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
 Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
 Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
 Перемѣнилось въ жизни для меня,
 И самъ, покорный общему закону,
 Перемѣнился я; но здѣсь опять
 Минувшее меня объемлетъ живо,
 И, кажется, вчера еще бродилъ
 Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
 Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
 Уже старушки нѣтъ; ужъ за стѣною
 Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
 Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
 И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
 Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
 На озеро, вспоминая съ грустью
 Иные берега, иныя волны...
 Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
 Оно синѣя стелется широко.
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
 Убогой неводъ. По берегамъ отлогимъ
 Разсѣяны деревни; тамъ, за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ
 Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ въ гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять: одна поодаль, двѣ другія
 Другъ къ дружке близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять. Онѣ все тѣ же,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь молодая роща разрослась;
 Зеленою семьей кусты тѣснятся
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти, а вдали
 Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! Не я

Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспоманетъ...

138. Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ;
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

139. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ речеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

140. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы все сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую минуту
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

141. Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ;
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Нагѣвъ унылый надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

142. Т у ч и.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонить: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ*) преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

*) Вм. «тяготѣтъ».

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы бесплодныя...
Чужды вамъ страсти, и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

143. М о р е.

Безмолвное море, лазурное море!
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо, ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же собираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя, —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганныя волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ;
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

144. Горныя вершины...

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины

Полны свѣжей мглой;
Не пылить дорога,
Не дрожать листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты!

145. Я жду.

Я жду... Соловиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тминѣ горять свѣтляки.
Я жду... Темно-синее небо
И въ мелкихъ и крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепеть въ рукахъ и ногахъ.
Я жду... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и итти;
Звѣзда покатила на западъ...
Прости, золотая, прости!...

146. Н о ч ь ю.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь —
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяць?
О, этотъ мѣсяць-волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрываютъ зеркальнымъ стекломъ...
Шпили и кресты — брилліанты;
А тамъ, за луной, небосклонъ
Чѣмъ дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,

Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Иль пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ
Налетаетъ на вѣжды,
Свѣтель, какъ призракъ;
Голову клонить, а жаль
Отъ окна оторваться!

147. М о л и т в а.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

148. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои слетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
 Все такъ же ль манить въ лѣтній зной
 Она прохожаго въ пустынѣ
 Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
 Она увяла, какъ и ты,
 И дольній прахъ ложится жадно
 На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
 Кто въ этотъ край тебя занесъ?
 Грустилъ онъ часто надъ тобою?
 Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль, Божьей рати лучшей воинъ,
 Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
 Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
 Передъ людьми и Божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
 Передъ иконою святой
 Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
 Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
 Кивоть и крестъ, символъ святой...
 Все полно мира и отрады
 Вокругъ тебя и надъ тобой.

149. Молитва.

Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ.
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные Великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
 И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
 «Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,

И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

150. Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
 Въ пустынѣ мрачной я влачился,
 И шестикрылый серафимъ
 На перепутьи мнѣ явился.
 Перстами легкими, какъ сонъ,
 Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
 Отверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Моихъ ушей коснулся онъ, —
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я неба содраганье,
 И горній ангеловъ полеть,
 И гадъ морскихъ подводный ходъ,
 И дольней лозы прозябанье.
 И оль къ устамъ моимъ приникъ,
 И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
 И празднословный, и лукавый,
 И жало мудрыя змѣи
 Въ уста замершія мои
 Вложилъ десницею кровавой.
 И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
 И сердце трепетное вынулъ,
 И угля, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 «Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
 Исполнись волею Моей
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей».

151. Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья, —
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменя.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій, —
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

152. Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни.
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,

И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ*),
Во всемъ будь пращурю подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

153. Ко гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныхъ громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ,
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Возвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ.

*) Обращеніе къ императору Николаю Павловичу.

154. Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ, весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей — калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна;
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

155. Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ?

Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ!

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

За что жъ? Отвѣтствуйте! за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже бессильно слово?

Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?

Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

156. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;

Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ — дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горять;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ, —
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятеть?
Что зыблетъ ясный лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенить?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?
Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозъ воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горять;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ...

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

157. Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночью,
Москва ждала, и часъ святой насталь:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь гудя затрепеталь.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святого торжества,
И, слыша гласъ, ея дунѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поеть, —
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ, — но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятя
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово «братя»
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

158. Псаломъ Давида на единоборство съ Голиафомъ.

Я меньше братьевъ былъ, о Боже,
И всѣхъ въ дому отца моложе,
И пасъ отцовскія стада;
Но руки отрока тогда
Псалтирь священную сложили,
Персты настроили ее,

И имя присное Твое
На вѣщихъ струнахъ восхвалили.
И кто о мнѣ Тебѣ вѣщалъ?
Ты Самъ услышать соизволилъ,
И Самъ мнѣ ангела послалъ,
И Самъ отъ стады отцовскихъ взять,
И на главу младую пролилъ
Елей помазанья святой...
Велики братья и красивы,
Но негодны предъ Тобой...
Когда жъ израиля на бой
Иноплеменникъ горделивый
Позвалъ, и я на злую рѣчь
Пошелъ къ врагу стопою вѣрной —
Меня онъ проклялъ всею скверной;
Но я исторгнулъ вражій мечъ
И исполина обезглавилъ,
И имя Господа прославилъ.

159. Русскій лѣтописецъ.

(Изъ «Бориса Годунова». Пушкина).

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно послѣднее сказанье, —
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ меня Господь поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ;
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ помнятъ

За ихъ труды, за славу, за добро, —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сынова живу:
Минувшее проходить предо мною...
Давно ль оно несло, событій полно,
Волнуясь, какъ море-окіянь?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погребло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ и пишетъ — и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ. И часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Иоанна?
О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Г р и г о р и й.

Благослови меня,
Честный отецъ!

П и м е н ь.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки!

Г р и г о р и й.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ:
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

П и м е н ь.

Младая кровь играетъ;
Смирять себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донинѣ, — если я,
Невольною дремотой обезсилень,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Г р и г о р и й.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Иоанна.

Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ,
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

П и м е н ь.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ Тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единный Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжель имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Иоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ —
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), — здѣсь видѣлъ я царя,
Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.

Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
 «Отцы мои, желанный день придетъ:
 «Предстану здѣсь алкающей спасенья;
 «Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль, —
 «Вы всѣ обѣтъ примите мой духовный:
 «Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный,
 «И схиму здѣсь честную восприму,
 «Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши».
 Такъ говорилъ державный государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакаль онъ, и мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной.
 А сынъ его Θεодоръ? на престолѣ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобразилъ въ молитвенную келью;
 Тамъ тяжкія державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
 И Русь при немъ во славу безмятежной
 Утѣшилась, — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, царю едину зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Θεодоръ
 И называть великимъ патріархомъ...
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святой владыка предъ царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
 Ужъ не видать такого намъ царя!
 О, страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ царубійцу
 Мы нарекли...

Г р и г о р і й.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Димитрія царевича; въ то время
 Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ?

П и м е н ь.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ усланъ послушанье.
 Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
 Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
 Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
 Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
 Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
 Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ;
 А тутъ народъ, остервенясь, волочить
 Безбожную предательницу мамку...
 Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
 Является Іуда-Битяговскій.
 «Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
 И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ,
 Укрывшихся злодѣевъ захватили
 И привели предъ теплый трупъ младенца,
 И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
 «Покайтесь!» народъ имъ возопилъ:
 И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
 Покаялись — и назвали Бориса.

Г р и г о р і й.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

П и м е н ь.

Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было —
 (Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:

Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь.
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костью, Григорій! (*уходитъ*).

Г р и г о р і й.

Борись, Борись! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ,
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!

160. Периоды.

a)

Счастье дѣлаетъ насъ самодовольными, легкомысленными и неосторожными, открывая случайностямъ жизни въ наше благосостояніе, такъ сказать, всѣ двери настежь; между тѣмъ горе, заставляя насъ сосредоточиваться и вдумываться въ окружающее, чаще можетъ быть названо нашимъ другомъ, чѣмъ врагомъ.

b)

Богатство, котораго многіе добиваются, не можетъ сдѣлать человека счастливымъ, потому что оно не приноситъ съ собою ни благоразумія, ни здоровья, ни правъ на уваженіе.

b)

Когда всѣ народы земли будутъ завидовать нашей долѣ; когда имя россиянина будетъ именемъ счастливѣйшаго гражданина въ мірѣ; тогда исполнятся тайные обѣты моего сердца (т.-е. императрицы Екатерины); тогда вы узнаете, что я хотѣла, но чего не могла сдѣлать, и признательность ваша почтитъ равно и дѣла мои и мою волю: единая награда, къ которой добрые монархи могутъ быть чувствительны и по смерти своей.

Карамзинъ.

c)

Если — въ чемъ не трудно удостовѣриться — настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и установленіе тѣлеснаго состава, который непримѣтнымъ образомъ непрестанно съѣдается тлѣніемъ, и вкусъ пицѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли: то каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія голода снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія послѣ утоленія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піанства.

Филаретъ.

d)

Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ: тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія.

Батюшковъ.

e)

И простой гражданинъ долженъ читать исторію: она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей,

какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Карамзинъ.

ж)

Если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; *если*, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; *если* твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ передъ народомъ; *то* удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата. *Иннокентій.*

з)

Сильная мысль, истинная красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и наполняютъ ее чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ; *такъ* что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ вовсе иное земное счастье.

Карамзинъ.

и)

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячъ добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати шести тысячамъ полумертвыхъ ляховъ и нѣмцевъ: въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностью къ корысти и благородною любовью къ славѣ, приобрѣла новое царство для Россіи.

Карамзинъ.

и)

Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное! Природа, чтобы плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину; а бѣдный человѣкъ,

чтобы выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразныя предметы однообразными чернильными каракулями, между которыми часто бываетъ гораздо труднѣе добратся до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. *Жуковский.*

к)

Кто не утвердилъ еще своего разсудка правилами опыта, не достигъ тѣхъ лѣтъ жизни человѣческой, въ которые разумъ не по внушенію страстей, не по влеченію слѣпому самолюбію о вещахъ судить: тотъ часто самыя мудрыя совѣты, искренностію опытнаго друга внушаемые, отвергаетъ къ собственному вреду своему.

л)

Ангель, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боевого созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ, не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго приобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія. *Жуковский.*

м)

Русскіе гибнутъ; новгородцы богатѣютъ; русскіе считаютъ язвы свои; новгородцы считаютъ золотыя монеты.

Карамзинъ.

н)

Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея большая половина: такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть природы; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту наслажденія.

Карамзинъ.

o)

Всѣ животныя, кромѣ человѣка, подвержены уставу необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра, ни зла; но мы не имѣемъ сего, такъ сказать, деспотическаго чувства, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими: вмѣсто его данъ человѣку разумъ, который долженъ искать истины и добра.

Карамзинъ.

n)

Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ: такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самое себя, оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ и находитъ способъ украшать одно другимъ.

Карамзинъ.

p)

Не всѣмъ можно завоевать Индію; не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякій можетъ блистать въ свѣтѣ: не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ, и плывутъ корабли изъ Бразиліи; *слѣдственно*, не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Алкивіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило небо возможное счастье для смертныхъ.

Карамзинъ.

c)

Не спору, что отереть слезы бѣднаго, отвратить грозную бурю отъ своего брата гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели приласкать человѣка добрымъ словомъ или улыбкою: но все то, чѣмъ мы можемъ доставить другъ другу невольное удовольствіе, есть должность наша, и кто хотя одну минуту жизни сдѣлалъ для меня пріятною, тотъ есть мой благодѣтель.

Карамзинъ.

m)

Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наста-

вительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направиленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжавшимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія; такъ что *Письма Русскаго Путешественника* даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія, частію имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка. *Буслаевъ.*

y)

Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце; слѣдовательно, всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человекомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ говорю: ибо, находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь.

Карамзинъ.

ф)

Для всякаго природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежемѣсячныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякій можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, спокойную совѣсть; всякій можетъ любить и любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей.

Карамзинъ.

x)

Злой боится, чтобы его не узнали, долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредъ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріателемъ; итакъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть счастливымъ? — *Слѣдовательно*, мы дѣлаемъ зло только ошибкой, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ несовмѣстно; слѣдственно, дурной человѣкъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти.

Карамзинъ.

и)

Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: такъ Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ.

Ватюшковъ.

161. Непостоянство и привычка.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ *противныя* склонности: одна влечетъ сердце наше къ новымъ предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ старымъ; одну называютъ непостоянствомъ, а другую привычкою. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаніемъ переменъ; однако мы, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горестъ и сожалѣніе. Счастливъ тотъ, въ коемъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую превыситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ, или холоднымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша все то же да то же, грубѣетъ въ чувствахъ и, наконецъ, засыпаетъ душою. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія.

162. Время жатвы есть изображеніе того времени, въ которое наступитъ конецъ свѣта.

Какъ время жатвы похоже на время свѣта преставленія? Слѣдующимъ образомъ. Когда въ полѣ хлѣбъ созрѣлъ, и пришла пора жать, вы говорите: «Скоро пройдетъ лѣто, наступитъ осень, и кончится годъ». Какъ въ полѣ, такъ и въ цѣломъ мірѣ есть свой годъ, — годъ великій, безмѣрный, заключающій въ себѣ не сто лѣтъ, не тысячу, не пять тысячъ, а много столѣтій и тысячелѣтій, — столько, сколько угодно будетъ Господу, — и этотъ годъ когда-

нибудъ кончится, т.-е. пройдетъ весна міра, пройдетъ лѣто, міръ своею жизнію и дѣлами склонится къ осени, тогда ему конецъ. Въ полѣ у васъ все цвѣтетъ, красуется, спѣетъ до жатвы; въ мірѣ живутъ люди, стоятъ деревни, цвѣтутъ города, красуются царства и народы до той страшной години, когда волею Господнею положится всему предѣлъ и межа. Въ полѣ, видя между пшеницею негодную траву, вы говорите: «Не тронь ея, не топчи пшеницы; пускай растетъ, пока поспѣетъ пшеница». Въ мірѣ, между людьми добрыми, видя людей злыхъ, Господь говоритъ: «Пускай они живутъ до поры до времени; не стану ихъ наказывать, чтобы вмѣстѣ съ ними не наказать людей добрыхъ».

Наконецъ, въ полѣ, когда хлѣбъ поспѣлъ, пшеница зажелтѣлась, а вмѣстѣ съ нею выросла и трава, вы говорите: «Все созрѣло, пора за серпы, пора на жниво». Такъ и въ мірѣ: когда добрые поспѣютъ въ добрѣ, праведные и святые, какъ пшеница вызрѣютъ въ правдѣ и святости, а злые во злѣ, порочные и грѣшные почернѣютъ, какъ куколь, во грѣхахъ и порокахъ: тогда Господь скажетъ: «Пора мнѣ взять мечъ правосудія Моего и пожать нечестивыхъ отъ земли, а праведныхъ собрать, какъ пшеницу, въ житницу Мою, т.-е. въ царство небесное».

Вотъ какимъ образомъ кончина міра похожа на жатву.

163. Юность и старость.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслию: «Тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!» Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ, когда сто разъ оскорбленное самолюбіе поневолѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою, наконецъ, перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастье лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: «И мы, и

мы были въ Аркадіи*)», и тогда, тогда единственно учаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самонаибольшей утратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ извлекаютъ изъ глазъ слезы благодарности.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе утро, господинъ». Что со мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: «добрый вечеръ!» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ о человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ о немъ: «какъ онъ старъ!»

164. Два рода читателей.

Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма беспорядочнымъ о ней понятіемъ: это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія; другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности, — и въ головѣ ихъ остается порядочное полное понятіе о томъ, что они читали.

165. Твердость и упрямство.

Твердость есть сила, основанная на союзѣ разума съ волею и на ихъ равновѣсіи. Упрямство есть слабость, имѣющая видъ силы; она происходитъ отъ нарушенія равновѣсія въ союзѣ воли съ разумомъ. Въ первомъ случаѣ разумъ и воля употребляютъ совокупно силу свою на

*) Аркадія — собственно внутренняя часть Пелопонеса, которая была населена пастухами: она восхвалена поэтами, какъ страна, доставлявшая покойную, счастливую жизнь жителямъ.

пользу. Во второмъ случаѣ воля, въ разрывѣ съ разумомъ, или не пользуется силою, или употребляетъ во зло; и то и другое слабость. Твердый непоколебимо держится своихъ убѣжденій, пока они для него оправданы его разумомъ. Но онъ или измѣняетъ ихъ, или отъ нихъ отрекается, когда находитъ ихъ противорѣчащими разуму. Въ этомъ произвольномъ, необходимомъ, принимаемомъ волею отреченіи столько же твердости, сколько въ прежней произвольной вѣрности убѣжденію. Упрямый, напротивъ, держится своего убѣжденія, но, такъ сказать, механически; онъ не терпитъ противорѣчія, ибо слишкомъ лѣнивъ или пристрастенъ, чтобы повѣрить свои мысли; ему легче сохранять ихъ такими, какими онѣ разъ вошли въ его голову, нежели замѣнять преждѣ бывшія новыми истинными. Убѣжденія упрямаго суть мертвый капиталъ, пущенный въ оборотъ: онъ въ безпрестанномъ движеніи, и это движеніе не есть непостоянство, напротивъ — сила, дѣйствующая постоянно.

166. Анализъ стихотворенія Пушкина «Пророкъ».

Словомъ *духовной* (жаждою) поэтъ опредѣляетъ, въ какомъ смыслѣ должно понимать всю сцену, которую онъ намъ представляетъ — это смыслъ аллегорическій. Здѣсь изображается душевное состояніе человѣка, у котораго явилась жажда высшаго просвѣщенія или просвѣтленія духа. Вся окружающая его жизнь стала казаться ему *мрачною пустынею*: всѣ эти мелочныя, ежедневныя заботы и интересы людскіе не могли привлекать и занимать его — среди нихъ онъ былъ одинокъ, какъ въ пустынѣ, а *томленіе* неудовлетвореннаго духа, ищущаго высшаго познанія, сдѣлало эту пустыню *мрачною*. Словомъ *влачился* онъ уподобляетъ свою жизнь состоянію усталаго, бѣднаго странника, который, потерявъ дорогу, долго не находитъ себѣ пріюта. Находясь въ сомнѣніи и колебаніи, т.-е. на *перепутьи*, не зная, по какой итти дорогѣ, онъ находитъ себѣ просвѣтителя въ серафимѣ, идеальномъ представителѣ высшихъ познаній, и его душа отъ прикосновенія этого ангела преобразуется: *звѣзды* его сдѣлались

вѣщями, т.-е. наука и высшее просвѣщеніе развили въ немъ прозорливость, глубокій взглядъ на жизнь; слухъ его пріобрѣлъ необыкновенную тонкость: онъ сталъ слышать въ природѣ то, чего обыкновенный слухъ не могъ услышать, т.-е. наука сблизила его съ природою, и онъ сталъ понимать ея законы. Отсюда и мысль его очистилась, возвысилась и просвѣтилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *языкъ* его, прежде грѣшный, празднословный и лукавый, получилъ особенную силу — *жало мудрой змѣи*. Пріобрѣтенная мудрость очистила и возвысила самыя чувства: робкое (*трепетное*) сердце запылало огнемъ любви къ истинѣ, правдѣ и добру, какъ бы замѣнилось *пылающимъ углемъ*, и робость смѣнилась смѣлостью и мужествомъ. Такъ это высшее просвѣщеніе преобразило человѣка и возвысило до пониманія Божественной воли; выполнитъ ее — въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль высшаго просвѣщенія, назначеніе глубоко-просвѣщеннаго человѣка. Въ чемъ же заключается эта воля? чего хочетъ Богъ? Конечно, только одного прекраснаго, добра, истины, правды. Для того, чтобы исполнять эту неизмѣнную волю Бога, человѣку открыта для поприща вся земля, *моря и земли*, гдѣ есть только люди, которымъ онъ и долженъ служить тѣми силами, какія даетъ ему просвѣщеніе. На связь между высшимъ назначеніемъ просвѣщеннаго человѣка и тѣми дарами, какіе получаетъ онъ, указываетъ въ стихотвореніи *гласъ Бога* словами: *Видѣть и вземли, глаголомъ жги сердца людей*.

Отсюда ясно, что все стихотвореніе имѣетъ въ виду идеально представить намъ назначеніе человѣка, получающаго высшее просвѣщеніе; онъ долженъ проникнуться правдой, истиной, добромъ, всѣмъ прекраснымъ и смѣло и благотворно дѣйствовать на сердца людей, т.-е. возвышать нравственную сторону ихъ жизни.

Для представленія всего этого поэтъ беретъ библейскій образъ пророка, которому шестикрылый серафимъ сообщаетъ дары, нужные для его призванія. Сообразно съ этими двумя образами, поэтъ развиваетъ всѣ подробности общей картины. Кромѣ того, самый слогъ его стлчается величавостью, принимая колоритъ библейскаго разсказа чрезъ употребленіе тѣхъ словъ и выраженій, которыя мы при-

выкли встрѣчать въ библіи: *перстами, отверзлись вѣщія зѣнницы, горній полетъ ангела* и т. п.

Все стихотвореніе дѣлится на три части: 1) душевное состояніе пророка до встрѣчи съ серафимомъ; 2) перемѣны, произведенныя въ немъ рукою серафима; 3) назначеніе пророка, указанное ему самимъ Богомъ.

167. Анализъ стихотворенія Лермонтова «Пророкъ».

Какъ же Лермонтовъ изображаетъ своего пророка? — Лермонтовъ представляетъ его уже во время служенія людямъ: люди, исполненные лжи и злобы, не признаютъ его и гонятъ опять въ пустыню. А. Пророкъ возбуждаетъ одну ненависть въ людяхъ, тогда какъ бездушная тварь покоряется его разумной силѣ. 1) Онъ, получивъ даръ вѣдѣнія, ясно понимаетъ, какъ искажено людское сердце злобой и порокомъ. Самая любовь къ добру заставляетъ его видѣть темныя стороны жизни, и чѣмъ яснѣе для него людская безнравственность, тѣмъ сильнѣе онъ возбужденъ провозглашать чистое ученіе любви и правды. Но лицемеры и глупцы не терпятъ правды. Страхъ, что честный человѣкъ своимъ разумнымъ словомъ можетъ повредить ихъ выгодамъ, легко переходитъ у нихъ въ ярость, и они бросаютъ въ пророка камнями. 2) Въ горести (*посыпалъ перломъ я главу*) онъ удаляется въ пустыню: въ городахъ онъ скитался нищимъ; но здѣсь природа, какъ и всякой другой твари, доставляетъ ему пищу; здѣсь, въ кругу неразумныхъ созданій, полный просторъ его уму и чувству, и по естественному закону признано превосходство нравственной силы. Б. Не опасаясь болѣе пророка, люди съ презрѣніемъ смотрятъ на него, когда онъ торопливо пробирается черезъ шумный городъ, и въ тупоумномъ самодовольствѣ ставятъ его въ примѣръ наказанной гордости дѣтямъ. 1) Старцы, какъ наиболѣе опытные въ жизни, поучаютъ дѣтей не дѣлать того, что дѣлалъ пророкъ, то-есть учать мириться со всею пошлостью людскою, не вѣрять въ свое лучшее назначеніе. 2) Они, въ подтвержденіе своихъ мнѣній, приводятъ печальную судьбу пророка и такимъ образомъ развиваютъ въ дѣтяхъ мелкій эгоизмъ, съ кото-

рымъ человѣкъ считаетъ полезнымъ только то, что доставляетъ одному ему разныя пріятности въ жизни:

«Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ;
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

Вотъ какова практическая людская мудрость въ противоположность чистымъ ученіямъ любви и правды! Какая же разница между изображеніемъ пророка у Пушкина и Лермонтова? Пушкинъ представляетъ, какъ пророкъ въ уединеніи, вдали отъ свѣта, готовится къ своему служенію; Лермонтовъ выводитъ его въ самой жизни, среди тѣхъ препятствій, какія онъ могъ встрѣтить въ людяхъ. Пушкинъ рисуетъ намъ одну внутреннюю борьбу въ человѣкѣ; Лермонтовъ изображаетъ борьбу внѣшнюю, общественную, то-есть положеніе мыслящаго и честнаго человѣка среди испорченнаго свѣта. У Пушкина находимъ однѣ общечеловѣческія черты, онъ изображаетъ только могущество разумной мысли; Лермонтовъ, кромѣ личности пророка, имѣетъ въ виду извѣстный кругъ людей, потому что не всѣ и не вездѣ люди такъ порочны и тупы, какими представляетъ ихъ поэтъ, — Мы видимъ, что два поэта берутъ разныя стороны въ изображеніи одного и того же предмета.

168. Роскошь и комфортъ.

Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ это не правда? развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбы не напасешься? развѣ не безуміе отобѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хотя бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Развѣ не глупость заковывать себя въ золото и камень, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться? Венеціанскіе граждане (если только слово

«граждане» не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это; но они сидѣли на жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазовыхъ постеляхъ, ходили и ѣздили ощупью, въ темнотѣ, и едва ли имѣли, хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то-есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ. Нѣтъ, тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь не долговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью, никакіе крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись безъ насыщенія, увлекаемая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ — нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня запатается на пьедесталѣ; она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпныя остатки.

Вспомните не одну Венецію, — Испанію: ужъ, кажется, трудно выдумать наряднѣе епанчу, а въ какую дырявую мантию нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивныя, отчаянныя скачки черезъ препятствія: перескочить, схватить призъ — и сломаешь ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуеетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ золоченомъ креслѣ, ѣсть на золотѣ или уже непременно на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуеетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться обыкновеннаго стола, но зато онъ по-

требуетъ его вездѣ, куда ни забросить судьба человѣка: и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Нордъ-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино; вездѣ онъ долженъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ у васъ я нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя. Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространилась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи; вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первый есть неизбежное, разумное послѣдствіе второй. И торговля не падаетъ никогда, удовлетворяя хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполнѣ уже и сдѣлано. Куда европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы подѣ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая, конечно, ножки по одежкѣ.

169. Польза лѣсовъ.

Глазу нашему было бы непріятно повсюду встрѣчать лишь поля да пашни: однообразіе всегда утомительно. Въ дѣйствительности, вперемежку съ полями, встрѣчаются кромѣ того зеленые лѣса, которые вводятъ разнообразіе въ природу и тѣмъ самымъ служатъ ей украшеніемъ. Лѣса не только украшаютъ природу, но и приносятъ ей пользу: они втягиваютъ въ себя пары изъ воздуха, даютъ почвѣ возможность долѣе сохранять свою влажность; имъ обязаны своимъ происхожденіемъ дожди и источники.

Лѣса приносятъ громадную пользу и всѣмъ живымъ существамъ. Какъ бы могъ обойтись безъ нихъ, напримеръ, человѣкъ? Въ лѣсахъ находятся дубъ, ель, сосна, береза, которые даютъ ему и строевой матеріалъ, и топливо благодаря которому ни по чемъ ему и зимніе холода. На постройки болѣе всего употребляютъ смолистое сосновое дерево; высокіе дубы и ели берегутъ въ лѣсахъ для корабельныхъ мачтъ: они такъ и называются корабельнымъ лѣсомъ. Для дровъ лучше всего береза: она хорошо горитъ и много даетъ жару; за нею слѣдуетъ сосна; ель цѣнится меньше, потому что сгораетъ слишкомъ скоро. Бѣдному народу березовая лучина служитъ для освѣщенія хаты въ долгіе зимніе вечера.

Польза лѣсовъ простирается и на животныхъ. Тысячи птицъ, насѣкомыхъ, червей и четвероногихъ находятъ въ нихъ себѣ убѣжище. Здѣсь вьютъ гнѣзда и дрозды, и зяблики, и коноплянка; здѣсь роетъ свою нору лисица; здѣсь живутъ олени и серны, потому что въ лѣсахъ легче всего они могутъ избѣжать преслѣдованія человѣка; да и пищу достать удобнѣе: почва, даже въ самые сильные жары, долго остается влажною и производитъ всевозможныя травы.

Такъ какъ лѣса приносятъ громадную пользу и людямъ и животнымъ, то необходимо заботиться объ ихъ сохраненіи. Если станутъ только вырубать лѣса, не подсаживая новыхъ деревьевъ, то они все болѣе и болѣе будутъ рѣдѣть и могутъ, наконецъ, совсѣмъ исчезнуть. Для сбереженія лѣсовъ необходимо, во-1-хъ, вырубать ихъ съ расчетомъ, дѣля лѣса на извѣстное число участковъ и вырубая ихъ по одному въ годъ, такъ, чтобы, при окончаніи послѣдняго участка, первый могъ бы достаточно вырасти; во-2-хъ, необходимо подсаживать новыя деревья.

170. Объ умѣренности.

Едва ли другая какая добродѣтель обнаруживаетъ такъ очевидно и непосредственно свои благодѣтельныя послѣдствія, какъ умѣренность въ пищѣ и питьѣ. Ей поэтому и легче всего сказать похвальное слово. Умѣренность охраняетъ здоровье и тѣла и души. Нѣтъ лучшаго

средства предупредить болѣзнь и вылѣчить болѣзнь, уже существующую, какъ осторожное употребленіе пищи. Умѣренность предохраняетъ тѣло отъ излишней тяжести и даетъ возможность желудку спокойно переваривать и перерабатывать свое содержимое. Когда пользуемся умѣренно пищею и питьемъ, тогда мы чувствуемъ себя здоровѣе и пріятнѣе; когда же мы здоровы тѣломъ, тогда бодръ и нашъ духъ, тогда является какое-то особенное, сильное расположеніе къ труду и сила къ исполненію всего полезнаго. Изъ біографій людей, отличавшихся мужествомъ, доблестью, энергической дѣятельностью, мы узнаемъ, что это были люди большею частью умѣренные.

Далѣе, умѣренность оказываетъ благотѣльное вліяніе также и на наше матеріальное благосостояніе. Никто не можетъ оспаривать того обстоятельства, что склонность много и вкусно ѣсть и пить не можетъ удовлетворяться безъ большихъ издержекъ и часто подвергаетъ человѣка разоренію; кромѣ того, она влечетъ за собою бесполезную трату времени, которое слѣдуетъ употреблять на дѣла полезныя. Между тѣмъ трезвый человѣкъ не только берегаетъ свои деньги, но, благодаря своему трудолюбію и постоянной работѣ, все болѣе и болѣе ихъ увеличиваетъ.

Можно также утвердительно сказать, что умѣренность благотворно вліяетъ и на отношенія ближнихъ къ трезвому человѣку. Всѣ уважаютъ его за ту строгость, съ которой онъ относится къ самому себѣ, оказываютъ ему безграничное довѣріе въ самыхъ важныхъ вещахъ и стараются подражать его примѣру; а чрезъ это онъ дѣлается благотѣтелемъ другихъ людей.

Пусть это разсужденіе внушитъ расположеніе и любовь къ умѣренности.

171. Какъ сохранить здоровье нашего тѣла.

Здоровое тѣло — это великое сокровище, оно дороже всякихъ богатствъ. Поэтому каждый умный человѣкъ долженъ заботиться о сохраненіи своего здоровья. Какими же средствами онъ можетъ достигать этого?

Многія болѣзни являются вслѣдствіе различныхъ переменъ погоды. Такое вліяніе состоянія погоды на наше

здоровье показываетъ изнѣженность и расслабленіе нашего тѣла. Поэтому мы должны укрѣплять его гимнастикой, купаньемъ въ холодной водѣ и въ особенности носить легкую одежду. Мы ежедневно должны дѣлать продолжительныя движенія на свѣжемъ воздухѣ, не останавливаясь ни передъ какой погодой.

Другое важное средство для сохраненія здоровья — это умѣренность. «Не отягощай своего чрева всевозможными любимыми яствами», говоритъ Писаніе. Но мы должны держаться умѣренности не только въ одной пищѣ, а и во всѣхъ своихъ потребностяхъ, особенно въ удовольствіяхъ.

Наконецъ, мы должны умѣть беречь драгоцѣнный даръ — здоровье. Для этого намъ нужно стараться узнать, что полезно нашему тѣлу и что ему вредно, и осторожно избѣгать послѣдняго. Каждый разумный человѣкъ скоро замѣчаетъ, какая пища по немъ и какая ему вредна, какую работу можетъ онъ производить не во вредъ своему здоровью, сколько времени долженъ онъ удѣлять на отдыхъ, — и сообразно всему этому устраиваетъ свой образъ жизни.

Кто пользуется этими средствами, пріобрѣтаетъ высшее благо — продолжительное, постоянное здоровье, и тѣмъ полагаетъ основаніе цѣлому ряду жизненныхъ радостей.

172. О любви къ отечеству.

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, нравственная и политическая*.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа *физической*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни: она есть первое счастье, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лалландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не-

смотря на то, любить хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію, онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! — Самое расположеніе нервовъ, образованныхъ въ челоуѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы для челоуѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общою.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ и привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служить предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или *нравственная*, любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единомыслицевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ излить душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единомыслицевъ есть всегда нѣ-

которое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи, между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, бібліотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостью: «Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно приучать себя къ новостямъ, и мнѣ скучно!»

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ челоуѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которой славились греки и римляне. *Патріотизмъ* есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности челоуѣка на его счастья. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ цитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава, и если оскорбительно челоуѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству.

173. О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія природы и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума: философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсу съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Недаромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастье, столь рѣдкое, омрачается мыслью, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожь слова: *благо* и *счастье* справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляютъ цѣну всего: одно лучше другого — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ счастье!

Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливѣйшею по сравненію*? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть

только животное), но — *последнюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ установленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашается съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностью существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклоняясь отъ путей природы: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылки цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе.

Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь — въ сладкое отдохновеніе... Поля, нашими трудами обогащенные, садикъ, нами обработанный, земледѣльцы, насъ благодарящіе, лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ, къ намъ привязан-

ныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней полагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть природы; думая, что все скоро увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, беспокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ; человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину; воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно; вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ, наконецъ, простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая — справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолубіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь недолговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастья: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ такихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!* если бы

въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

174. Разборъ „Недоросля“.

Первое лицо, выходящее на сцену въ «Недорослѣ» — Простакова, смѣсь грубой любви къ сыну, нахальства и дерзости помѣщицы, вѣчно жившей въ деревнѣ, грозы своего мужа, человѣка кроткаго и глупаго. Для нея нѣтъ властей и законовъ; одинъ братъ ея, Скотининъ, пользуется у нея авторитетомъ, да и то потому, что онъ — братъ и здоровый дѣтина, который можетъ поколотить свою дражайшую сестрицу. Простакова заѣлась и зажи-лась въ деревнѣ, свыклась съ безпрекословнымъ повиновеніемъ подчиненныхъ; и оттого ея деспотизмъ съ окружающими доходитъ до крайности: она хочетъ, чтобы они называли бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, если того требуетъ ихъ госпожа. Простакова уже не исключительно скряга или грубо-нѣжная мать, или бранчивая помѣщица, — нѣтъ, въ ней соединилось, сжилось и выросло много недостатковъ: она походитъ на лицо живое, а не на статую. Изъ какой норы вышелъ такой звѣрекъ, видно по слѣдующимъ словамъ ея:

«Я по отцѣ Скотининыхъ. Насъ, дѣтей, было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да, кромѣ меня съ братцемъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка».

Понятно, какая госпожа должна была выйти изъ такого семейства!

Въ домѣ Простакова живетъ Софья — сиротка; отецъ и мать ея умерли. Простаковы помѣстили ее въ своемъ домѣ и управляютъ ея имѣніемъ. На Софью хочетъ жениться Скотининъ, не потому, чтобы она нравилась ему, нѣтъ, а потому, что въ «деревенькахъ Софьи водятся свиньи». Этотъ неумѣстный рефренъ Скотининъ повторяетъ безпрестанно на разныя манеры: видимо, что Фонвизинъ хотѣлъ сдѣлать изъ него отличительную черту характера

Скотинина, — но Скотининъ имѣетъ свой характеръ, болѣе отличный...

Простакова не прочь женить Скотинина на Софьѣ, какъ вдругъ приносятъ письмо къ Софьѣ отъ дяди, который живетъ въ Сибири и который теперь ѣдетъ въ деревню; онъ нажилъ десять тысячъ дохода и наслѣдницею ихъ дѣлаетъ Софью. Простакова перемѣняетъ намѣреніе женить Скотинина на Софьѣ и хочетъ устроить свадьбу Митрофана и Софьи.

Между тѣмъ въ деревню приходитъ отрядъ солдатъ, которыми командуетъ молодой человекъ Милонъ. Онъ влюбленъ въ Софью, а Софья въ него; лица эти честныя, благородныя, образованныя, однимъ словомъ, такія, которыя, для контраста съ дураками, всегда были въ прежнихъ комедіяхъ; они говорятъ умно общими мѣстами и походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Поэтому мы о нихъ и не будемъ распространяться. Во время нѣжнаго разговора Софьи и Милона подходитъ къ нимъ Скотининъ и говоритъ: «Привезла меня сюда сестра жениться; теперь же сама подѣхала съ отводомъ: что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы у тебя, братецъ, хорошая свинья. Нѣтъ, сестра! меня не проведешь...» И далѣе въ томъ же родѣ. Ему говорятъ, что у него есть соперникъ Митрофанушка. Скотининъ озлобился, зоветъ къ себѣ Митрофана и говоритъ ему: «Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не боялся, я бы тя, не говоря еще ни слова, за ноги да объ уголь, да не хочу губить души, не найдя виноватаго. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ; виновать Богу и государю. Смотри жъ, не клепи и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять».

Вотъ это настоящій Скотининъ, несмотря на то, что онъ не говоритъ о свиньяхъ! Только этотъ Скотининъ могъ выражаться такъ, когда къ нему лѣзла сестра драться за Митрофана: «Отвяжись, сестра! дойдетъ до ломки, погну, такъ затрепишь...»

Въ третьемъ дѣйствіи является угрюмый дядюшка Стародумъ; онъ пріѣхалъ освободить Софью отъ Проста-

ковой. Простакова хочетъ задобрить его въ пользу своего сына.

По уходѣ Стародума, Митрофана заставляютъ учиться, чтобы дядюшка могъ слышать, что вотъ дитя воспитываютъ; приходитъ нѣмецъ-учитель, Вральманъ, такая же карикатура, какъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ, и уговариваетъ Простакову перестать учить сына.

Въ четвертомъ дѣйствіи Стародумъ объясняетъ Софьѣ значеніе истинной любви, значеніе нравственности, значеніе супружеской жизни; является Милонъ, и Стародумъ благословляетъ союзъ Софьи. Но пьеса этимъ не кончается и не должна кончиться, потому что въ ней главное лицо не Софья и Милонъ, не Недоросль, а Простакова, которая хочетъ женить своего сына на богатой дѣвицѣ. Фонвизинъ это очень хорошо понималъ, и потому заставилъ Простакову дѣйствовать. Она, узнавъ о намѣреніи Стародума выдать Софью за Милона, составляетъ планъ увести Софью и насильно обвѣнчать ее. Вотъ послѣдняя сцена.

Но этотъ замыселъ не удастся: Софью спасаютъ, а слуги, которые схватили Софью, разбѣгаются. Простакова въ ярости; она кричитъ: «Какая я госпожа въ домѣ? Чужой погрозилъ, — приказъ мой ни во что». Но ей говорятъ, что ее отдадутъ еще подъ судъ; она бросается на колѣни и умоляетъ Стародума: «Батюшка, прости ты меня грѣшную. Вѣдь я человекъ — не ангель». Стародумъ ее прощаетъ. Простакова оживаетъ; страхъ прошелъ, она опять является прежней Простаковой и тутъ же при Стародумѣ говоритъ:

«Простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ!» и проч.

Но Правдинъ ей объявилъ указъ о томъ, что домъ ея беретъ правительство въ опеку за безчеловѣчные поступки.

На это Простакова плачется: «Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли! Не возможно ль тебѣ какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются!... Дай мнѣ сроку хоть на три дня... (въ сторону) я дала бы себя знать...»

Но видя, что люди эти неумолимы, она бросается обнимать сына и говоритъ: «Одинъ ты остался у меня, мой сер-

дечный другъ, Митрофанушка!» Но Митрофанъ отвѣчаетъ ей: «Да отвязись, матушка! какъ навязалась...» Этимъ кончается «Недоросль».

Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ этой комедіи, — единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство; главное лицо, на которомъ держится пьеса — Простакова. Въ ней вы не замѣчаете преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица въ «Недоросль». Простакова, нѣжная мать, страстно любитъ своего сына, но любовью неразумною, животною; она готова со всѣми передрасться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвинуть на униженіе, подличанье предъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство, все остальное — тлѣнь. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжанія въ пользу его; она даже его учитъ, потому что, говорятъ, ученье начинается приносить пользу молодымъ людямъ, но въ дѣйствительную пользу ученья она нисколько не вѣритъ, и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученія. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому что не дерется съ дворней. Эта-то Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и дородство, а когда это не удалось, чуть не подралась съ сильнымъ соперникомъ, — начинаетъ кокетничать Митрофанушкой, показывать его знанія передъ Стародумомъ. Однимъ словомъ, она вся оживилась и выказала свою гнусную натуру со всѣхъ сторонъ. Надежды оживили ее; но вдругъ узнавъ, что Софья отдала руку свою Милону, она приходитъ въ ярость и для дорогого дѣтища своего готова на похищеніе Софьи; когда и это не удается, когда ее берутъ въ опеку, злоба ея не перекипѣла; она проситъ позволенія перебить слугъ и тогда уже покориться непріятной судьбинѣ; ей и въ этомъ отказываютъ; она въ отчаяніи бросается въ объятія Митрофана, но и Митрофанъ, недовольный развязкой дѣла,

которое затѣяла матушка, отталкиваетъ ее и говоритъ: «Да отвязись, матушка! какъ навязалась...» Что послѣ этого сдѣлалось съ Простаковой, говорить нечего: она вылилась вся. Идея автора выполнена. Митрофанъ есть то лицо, которое составляло задушевную тревогу ея жизни; это пружина всѣхъ ея дѣйствій. Фонвизинъ выбралъ женитьбу Митрофана, какъ лучшее средство показать натуру Простаковой, и въ этомъ случаѣ поступилъ удачно, потому что онъ былъ дѣйствительно тотъ пунктъ, отъ соприкосновенія съ которымъ вся природа Простаковой освѣщалась яркимъ пламенемъ. Это была та нѣжная струна ея сердца, которую стоило затронуть, чтобы заговорило ея ретивое. Фонвизинъ ее затронулъ, и Простакова вышла живымъ лицомъ. Отъ этого въ «Недоросль» вы видите сцены, мастерски отдѣланныя, въ которыхъ дѣйствуетъ Простакова; напримѣръ, сцена съ мамой Еремѣвной, сцена со Стародумомъ, когда ей не удалось увезти Софью.

Мы говорили объ единствѣ дѣйствія комедіи «Недоросль» по отношенію къ Простаковой: это еще не значитъ, чтобы вся пьеса была проникнута одной идеей, — въ «Недоросль» есть сцены, наполненные однимъ резонерствомъ; напримѣръ, сцены Стародума и Софьи, Стародума и Правдина. Разговоры этихъ лицъ сами по себѣ умны, но нисколько не художественны и къ главной идеѣ нейдутъ. Потомъ есть лишнія сцены, оттого что въ «Недоросль» есть лишнія лица. Отъ праздности этихъ лицъ при ходѣ пьесы, авторъ выводитъ ихъ на сцену поговорить такъ, иногда для остраго словца, иногда для благоразумнаго совѣта. Такимъ образомъ «Недоросль», по одному своему лицу, Простаковой, и по идеѣ, которая ее одушевляетъ, заключаетъ въ себѣ начатки комизма, поглощеннаго болѣе сатирическою, нежели комическою обрисовкою остальныхъ характеровъ.

175. Разборъ „Ревизора“.

Мы, русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполне удовлетворяетъ требованію искусства: это «Ревизоръ» Гоголя.

«Ревизоръ» есть цѣлый міръ, развившійся отъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ, взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ, пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе; до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безцвѣтна: городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ «самоварниковъ и архибестій»; Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды на счетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь ея кокетничали съ уѣздными франтами съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ на счетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ, и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлялась на двѣ половины: въ одной предъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились, и во главѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ; они увеличиваютъ его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. Итакъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленький міръ. Добчинскій и Бобчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ. Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену; потому что на улицахъ грязь; потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались купить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится; потому что кварталный не по чину беретъ; потому что другой кварталный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился

пьянъ. Добчинскаго, которому хочется рассказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія: онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелочку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: «Такъ, знаете, въ дверь только посмотрѣть, какъ у него поступки...» Въ это же время устарѣлая уѣздная кокетка торопится разспросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думаетъ еще пококетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ; она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась своимъ туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ пришелъ въ движеніе, цѣлый городъ высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ «ревизоръ», и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по-своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно выработанное лицо; вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлага, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія, и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его, и безъ того глупой, головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и «Библиотека» съ «Сумбекою»; онъ несетъ дичь и самъ даже не можетъ понять, что говорить... Между тѣмъ, каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго города; личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ, Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ дочь

свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ». Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастьи всему народу: «валить въ колокола; коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!» Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромною жизнью уѣзднаго городка, но вотъ теперь вышлываютъ изъ глубины его души во всемъ величїи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? «Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, всѣ дожидаются, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ, стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

Городничій въ паѳосѣ. Все, что роилось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастья. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть его души и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствїя подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости; посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это было пустяки. Посмотрите въ третій разъ на натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ — городничій, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ, котораго ни одинъ подрядчикъ не могъ провести, мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣввалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!» Во время этого бѣснованїя городничаго и недоумѣнїя окружающихъ его является жандармъ съ извѣстіемъ о прїѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедїи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена — кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедїи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившей всю глубину души ихъ.

176. Храмъ есть Богоучрежденное училище благочестїя.

Есть предметы, о которыхъ необходимо имѣть ясное и твердое познаніе всѣмъ и каждому. Это — Богъ, Творецъ и Промыслитель нашъ, и наши отношенїя къ Нему и въ совѣсти и дѣянїяхъ нашихъ. Кто возвѣститъ сіи важныя истины во услышанїе и тѣхъ, кои совершенно удалены отъ всякаго вида науки? Гдѣ училище для всѣхъ и каждаго?

Въ церкви. Здѣсь отверсты двери для каждаго; не нужно предварительныхъ испытанїй; приходи, слушай и поучайся. Находясь въ этомъ училищѣ, не узнаешь, какъ далеко отстоитъ земля отъ солнца, и какъ отводить удары грома, но узнаешь, какъ далеко находится надшїй человѣкъ отъ Бога, какъ спастись отъ ударовъ Правосудїя Небеснаго; не научишься углубляться въ сердца горъ и нѣдра морей для извлеченїя драгоцѣнностей, но научишься углубляться въ собственное сердце для обрѣтенїя тамъ влата чистой любви къ Богу и перловъ святыхъ молитвъ; не будешь говорить разными языками, но отучишься отъ языка лжи и коварства, совершенно поймешь языкъ совѣсти, сдѣлаешься способнымъ бесѣдовать съ Богомъ. И сколько уже вышло изъ сего училища — Церкви Божїей — самыхъ отличныхъ учениковъ благочестїя, кои, не будучи знакомы ни съ какими науками, жизнью своею и просвѣщенїемъ, а нѣкоторые чудесами, доказали, что они знали все, нужное для спасенїя.

Поистинѣ храмъ есть единственное училище благочестїя; а посему будь внимателенъ къ слышимому: здѣсь говорить не человѣкъ, а Самъ Богъ, желающїй твоего спасенїя. Паче же всего старайся исполнять познанное на дѣлѣ. Исполненное — и малое принесетъ сторичный плодъ; не исполненное — и великое не только не оправдаетъ, а и осудитъ. Нѣкогда потребуютъ строгаго отчета въ пре-

поданной наукѣ. И здѣсь лѣнныя ученики много теряютъ: какой стыдъ будетъ тамъ!

177. Слово въ Великій пятокъ.

Одному благочестивому пустынноику надлежало сказать что-нибудь братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ, вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія! давайте плакать»; и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ? И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронуть онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгоѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били въ перси свои (Лук. 23, 28). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ. Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать! Аминь.

178. Поученіе предъ св. причащеніемъ.

Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгорала. Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе, но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ нему говорящій: Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ (Исх. 3. 4—5).

Слушатели благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно было явленіе чудное и страшное: ибо горѣла и не сгорала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Иисуса Христа, а подъ видомъ вина — истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. чашѣ, огонь

Божественный, — чудный, страшный огонь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попяляющій и сожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся къ св. чашѣ: не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ: развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу. Время еще не ушло, еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Иисусъ Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой ангель-хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ бы на Страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или во осужденіе вѣчное. Итакъ, скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ; я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ! Вѣрую, Господи, — только помози моему невѣрію, — вѣрую, яко Ты воистину Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую — и еще молю Тебя, помози моему невѣрію, — еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое и сія есть самая честная кровь Твоя. Не даю Тебѣ лобзанія Іудина — нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну, только помилуй меня.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ св. чашѣ чистъ отъ грѣховъ; онъ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай, Господи, такъ причаститься всѣмъ намъ не только нынѣ, но и всегда! Аминь.

179. Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Извѣстно вамъ, слушатели, какъ нѣкогда израильтяне странствовали по Аравійской пустынѣ: и пустыня та была непроходима, и солнце жгло тамъ пламенно; и потому Богъ далъ имъ облачный столпъ, который, носясь въ воздухѣ, показывалъ путь, куда ити, и вмѣстѣ укрывалъ отъ солнечнаго зноя. Богъ любилъ тогда Свой народъ и велъ его въ землю обѣтованную, и потому далъ ему такого чуднаго руководителя и защитника.

Сл. Хр.! и насъ Богъ любить не меньше израильтянъ. И мы имѣемъ подобный облачный столпъ — Пречистую и Преблагословенную Дѣву Марію. Она наша руководительница и заступница въ жизни, въ семь мѣстѣ мрака и юдоли плача. Она намъ столпъ огненный, направляющій во тьмѣ, и покровъ міру, ширшій облака. Она молнія, души просвѣщающая, и громъ, враговъ устрашающій. Она райскихъ дверей отверженіе и отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе. Она невидимыхъ враговъ мученіе и обуреваемыхъ пристанище. Она человѣковъ исправленіе и бѣсовъ ниспаденіе. Словомъ: Матерь Божія и отъ зноя несчастій насъ укрываетъ и въ землю обѣтованную — на Небо — насъ вводитъ, и вѣчное спасеніе намъ доставляетъ, и отъ временныхъ скорбей насъ избавляетъ.

Такъ нѣкогда видѣли Ее на воздухѣ съ омофоромъ въ рукахъ, молящуюся за весь міръ. Это было во Блахернѣ, и именно въ нынѣшній день. Христіане тогда, какъ и мы теперь, стояли въ церкви и молились. Между ними былъ св. Андрей Христа ради юродивый и Елифаній, ученикъ его. Вдругъ подъ сводами храма является Божія Матерь, окруженная ангелами и св. мужами. Видя это и какъ бы не довѣряя своимъ глазамъ, св. Андрей обращается къ Елифанію и спрашиваетъ его: Видишь ли, брате, Ходатаицу міра? — Вижу, св. отче, отвѣчаетъ Елифаній: вижу и ужасаюсь. Послѣ этого видѣнія церковь положила праздновать Покровъ Пресвятыя Богородицы.

Сл. бл.! мы не видимъ Божіей Матери, мы и не достойны Ее видѣть: Она является святымъ, а мы грѣшники; но Ея

образъ передъ нами. Итакъ, къ нему нынѣ прилежно притечемъ, грѣшнии и смиреннии, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: о Всепѣтая Мати! Ты нѣкогда въ нынѣшній день покрыла омофоромъ христіанъ, стоявшихъ въ церкви: покрой и насъ кровомъ криль Твоихъ; защити отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; избави отъ временныхъ и вѣчныхъ золъ. Мы, и не видя Тебя, будемъ свѣтло праздновать Покровъ Твой святой. Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Темы и планы для письменныхъ упражненій.

А. Въ связи съ первымъ отдѣломъ хрестоматіи.

1. Береза лѣтомъ (*Главная мысль описанія: красота березы*).
2. Сравнить два извѣстныхъ дерева по красотѣ и пользѣ.
3. Описаніе лебедя по его главнымъ и существеннымъ признакамъ (*Общій видъ, описаніе частей, образъ жизни и т. д.*).
4. Лебедь и голубь (*Сравненіе по наружности, нраву и образу жизни и т. д.*).
5. Лисица (*Наружность, мѣсто жительства, пища, какъ ее ловятъ, хитрость и хищничество и т. д.*).
6. Извѣстная (ученикамъ) охотничья или дворовая собака.
7. Описаніе характера кошки и ея образа жизни по сравненію съ характеромъ и привычками собаки.
8. Корова и овца (см. ст. «Верблюды») (*Сравненіе со стороны ухода за ними и пользы, которую они приносятъ человеку*).
9. Домашнія и дикія животныя (*сравненіе*).
10. По плану ст. № 7 описать свой классъ и указать его особенности отъ класса, описаннаго въ этой статьѣ.
11. Какой видъ имѣла бы комната Обломова, если бы въ ней поддерживался порядокъ? (см. ст. № 6).
12. Описать внутренность извѣстнаго вамъ храма (по образцу ст. № 10).
13. Особенности внутренняго устройства въ Севильскомъ соборѣ по сравненію его съ православными церквами (ст. №№ 10 и 11).

14. Соборъ въ нашемъ городѣ.

- I. Мѣсто, гдѣ находится; окружающая его мѣстность.
- II. Время его построенія.
- III. Внѣшній его видъ: а) величина, б) куполь, в) внѣшнія украшенія: скульптурныя и живописныя, г) цвѣтъ окраски, д) впечатлѣніе.
- IV. Внутренность собора: а) общее впечатлѣніе, б) колонны, в) куполь, г) иконостасъ, д) алтарь, е) замѣчательныя образа, мощи, подвѣчники, паникадила и проч.
- V. Богатство собора.
- VI. Особенное значеніе собора: а) въ древности, б) въ настоящее время (крестные ходы, совершеніе обрядовъ).

15. Какой видъ могъ имѣть садъ Плюшкина, когда въ немъ поддерживался порядокъ? (ст. № 17).

16. Сравните садъ въ Капштатѣ съ извѣстнымъ вамъ садомъ (ст. № 18).

17. Усадьба богатаго помѣщика (ст. №№ 12, 14, 16).

18. Описаніе Московскаго Кремля. Мѣстоположеніе. Общій видъ. Башни и стѣны. Описаніе внутренности Кремля, начиная отъ Спасскихъ воротъ. Видъ изъ Кремля на Замоскворѣчье (ст. № 19).

19. Описать извѣстный городъ. (I. Дорога къ городу. II. Видъ города издали. III. Описаніе частей города въ той послѣдовательности, въ какой съ ними знакомится авторъ).

20. По образцу ст. «Пятигорскъ» описать знакомый видъ изъ окна.

21. Описать извѣстный городъ съ одного только пункта (напр., видъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ).

22. Сравнить два знакомыхъ города (см. ст. № 22).

23. Городъ и деревня.

24. Лиственные и хвойныя лѣса (см. ст. № 27). (Отличительныя признаки. Порода деревьевъ. Почва. Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи преобладаетъ хвойный, и въ какихъ лиственный лѣсъ? Сравнительная польза и красота).

25. Русскіе дремучіе лѣса.

26. Описаніе лѣса съ точки зрѣнія лѣсопромышленника (Какія качества лѣса имѣютъ главное значеніе въ глазахъ лѣсопромышленника: какимъ деревьямъ и передъ какими онъ

отдалъ бы преимущество; какъ онъ подумалъ бы, напр., объ осинѣ и т. д.)

27. Буря въ лѣсу лѣтомъ (ст. «Лѣсъ» Кольцова).

28. Впечатлѣнія во время прогулки въ рощу весною.

29. По статьямъ №№ 29 и 30 сдѣлать описаніе водопада (вообще).

30. Образование и теченіе рѣкъ (см. ст. № 31).

31. Выбрать изъ ст. № 32 все, что можетъ представить общій видъ сибирскихъ болотъ, безъ отношенія къ путешественнику.

32. Какъ въ ст. № 32 представляются якуты и якутскія лошади?

Якуты, обитатели сибирскихъ тундръ, представляются совершенными дикарями. Они питаются мукою, вареною въ водѣ, и т. п. Привычка ихъ къ болотамъ. Отношеніе къ проѣзжающимъ и т. д.)

33. Отличительныя черты поверхности Россіи по сравненію съ поверхностью южной Европы (ст. № 33).

34. Видъ южныхъ горъ въ полдень (ст. № 34).

35. Описаніе Кавказа съ подошвы до вершины (ст. № 35).

36. Распространить сравненіе Терека съ молодымъ дикимъ звѣремъ (по стих. «Кавказъ»).

37. Описать мѣстность, изображенную въ 1-й половинѣ стих. «Югъ и сѣверъ». (Характеръ мѣстности, климатъ, растительность и плоды, произведенія искусства, памятники древности и т. д.)

38. Описать мѣстность отъ Альторфа до вершины С.-Готтардской дороги (ст. № 37).

39. Горная страна и равнина.

40. Описать картину каравана въ его постепенномъ приближеніи къ оазису (ст. № 38. Пунктъ наблюденія — оазисъ).

41. По 1-й картинѣ статьи «Лѣсъ и степь» и стих. «Утро» описать наступленіе утра.

42. Лѣтній вечеръ (ст. №№ 39, 48, 51).

43. Видъ аравійскаго оазиса (ст. № 38). А. Пустыня: а) песчаная равнина, волнообразная, какъ море; б) по краямъ ея, насколько глазъ хватаетъ во всѣ стороны, меркнуть и сгущаются тѣни, «голубая даль»; в) днемъ палитъ зной, ночью можно согрѣться лишь около костра; г) вихри, вѣды-

мающіе песокъ. Б. Оазисъ: а) лежитъ вдали отъ караванной дороги; б) размѣщеніе пальмъ; в) котловина между пальмами съ родникомъ студеной воды; г) растительность по берегамъ водоема, образуемаго родникомъ и т. д.

44. Мысли и чувствованія крестьянина-пахаря при наступленіи весны.

45. Описаніе мѣстности, изображенной въ стихотв. «Утро».

1) Общій видъ мѣстности: низменная равнина; къ востоку — пашни; поля отъ луговъ отдѣляются рѣчкой; по полямъ пролегалъ почтовая дорога; вдали виднѣется лѣсъ.

2) Рѣка: берега покрыты камышомъ и т. д.

46. Изъ статей №№ 39, 40, 41, 42, 43 выбрать признаки, характеризующіе весну, и расположить ихъ въ такой же последовательности, въ какой изображаются явленія весны въ стих. «Весна» Огарева.

47. Гроза и ея дѣйствіе на природу. а) Продолжительная засуха. Видъ луговъ и полей. б) Гроза. Предвѣстники грозы. Громъ, молнія, ливень. в) Видъ луговъ и полей послѣ грозы (ст. №№ 43, 47, 48, 50).

48. Мысли и чувствованія при видѣ несжатой полосы въ позднюю осень (Распространить описаніе, сдѣланное въ стих. № 51).

49. Красота осенней природы (Распространить описаніе, сдѣланное въ стих. № 54).

50. Изобразить явленія природы, которыя дѣлаютъ осень неприятнымъ временемъ года.

51. Распространить описаніе картины города, которое сдѣлано въ статьѣ «Дорога» — Гоголя.

52. Сравнить статью «Дорога» Гоголя съ стих. Пушкина: «Зимняя дорога» [отличіе: а) по времени, б) по объему, в) по дѣленію на части, г) по основному чувству].

53. Весна и осень (сравненіе).

1) Весною жизнь въ природѣ начинается, осенью она приходитъ къ своему концу.

2) Весна приноситъ цвѣты; осень даритъ плоды.

3) Весною бываютъ долгіе дни и теплыя ночи; осенью короткіе дни и холодныя ночи.

4) Весна приноситъ скоропреходящія радости; осень на долгое время обезпечиваетъ наши потребности и удовольствія.

54. Дѣйствіе зимняго холода (ст. №№ 59 и 60).
55. Описаніе бурана (ст. №№ 61 и 62).
56. Явленія природы, характеризующія каждое изъ 4-хъ временъ года.
57. Съ какими качествами представляются дѣти въ стих. № 63-й?
58. Съ какими качествами представляются черкесы въ ст. №№ 65 и 66?
59. Распространить описаніе картины, представляющей нападеніе черкеса на сторожевыхъ казаковъ (ст. № 65; см. также стих. 135).
60. Который хозяинъ вамъ больше нравится: Наумъ или Акимъ? (ст. № 70).
61. Изъ ст. № 72 извлечь все то, что относится къ характеристикѣ Калиныча.
62. Характеръ Аонасія Ивановича.
63. Характеристика Плюшкина. (I. Плюшкинъ — бережливый хозяинъ. II. Плюшкинъ — скупецъ).
64. Описаніе наружности Обломова.
65. Разсѣянный человѣкъ. Рядъ дѣйствій человѣка или случаевъ изъ его жизни, по которымъ можно было бы заключить объ его разсѣянности.
66. Человѣкъ, который не приучилъ себя къ порядку.
Безпорядочность его проявляется въ домѣ и комнатахъ, въ его бѣлье и платьѣ, въ ѣдѣ и питьѣ, въ распредѣленіи и употребленіи времени, въ его домашней жизни и путешествіяхъ.

В. Въ связи со вторымъ и третьимъ отдѣлами хрестоматіи.

67. Какими чертами изображается в. кн. Димитрій Ивановичъ въ разсказѣ «Куликовская битва»? (*Религіозность, любовь къ народу, личная храбрость и т. д.*).
68. Черты характера митрополита Филиппа [Св. Филиппъ: а) какъ истинный пастырь церкви и б) какъ великодушный страдалецъ].
69. По стих. № 89 изобразить черты характера князя Олега и кудесника, предсказавшаго ему смерть.
а) Олегъ — какъ человѣкъ, какъ государь и какъ воинъ.

- б) Кудесникъ: а) характеристика его по описанію, б) дополненіе характеристики по разговору его съ княземъ.
70. Описать картину, изображающую тотъ моментъ, когда кудесникъ кончилъ свое предсказаніе.
71. По статьѣ «Козьма Мининъ» развить слѣдующія темы:
а) Какими качествами отличался Милославскій, и въ чемъ можно видѣть причину его страданій?
(Горячая любовь къ родинѣ, высокая честность, благоговѣніе къ памяти своего отца; обстоятельства, которыя поставили его въ ложное положеніе къ своей родинѣ и т. д.).
б) Какія душевныя качества высказываются въ рѣчахъ и поступкахъ Минина?
(Страстная любовь къ родинѣ, высокая скромность; безкорыстіе, сердечная доброта, умѣнье понять страданіе другого и облегчить его теплымъ словомъ участія и т. д.).
72. При чтеніи отрывковъ изъ «Капитанской дочки» можно дать слѣдующія темы:
а) Характеристическія черты Гринева.
(Это — человѣкъ нравственно-развитой, добродушный, честный, способный къ героизму и т. д.).
б) Характеристическія черты Савельича.
(Типъ преданнаго крѣпостного человѣка, который до такой степени сроднился съ семьей своего барина, что интересы его считаетъ какъ бы своими собственными; отношеніе его къ Гринеvu, готовность пожертвовать за него жизнью и т. д.; комическая сторона въ его характерѣ...).
- в) Изображеніе императрицы Екатерины II.
(Ея наружность, ея нравственныя черты; привѣтливость и ласковость, доброта и снисходительность, чуткость къ проявленію искреннихъ и благородныхъ чувствъ, память къ заслугамъ своихъ вѣрныхъ слугъ и щедрость въ ихъ награжденіи, строгое правосудіе).
- г) Личность Пугачева.
73. При чтеніи отрывковъ изъ «Полтавы» могутъ быть даны слѣдующія темы:
1) Мысли и чувствованія Кочубея наканунѣ казни (распространеніе).

2) Изобразить противоположность между мыслями и чувствованіями Кочубея и Орлика, выразившуюся въ ихъ разговорѣ.

(Кочубей думалъ о небесномъ: Орлика интересуютъ клады Кочубея; одинъ проситъ покоя въ послѣднія минуты своей жизни: другой не трогается ни просьбами, ни положеніемъ узника; одинъ возмущается тѣмъ, что неправда торжествуетъ, и готовится предать себя въ руки всевидящаго и нелицепріятнаго Судьи: другой считаетъ это игрою словъ, угрожаетъ ему новой пыткой; одинъ родовитый малороссійскій помѣщикъ: другой *холовъ* его врага, Мазепы, и т. д.).

3) Личность Петра и Карла въ Полтавской битвѣ.

А. Личность Петра.

Петръ вышелъ изъ шатра, окруженный преданными ему приближенными: его глаза, движенія, голосъ — общій видъ (онъ весь какъ Божія гроза). Что выражала вся наружность Петра?

Б. Личность Карла.

Карлъ явился на носилкахъ, былъ блѣденъ, недвижимъ, взволнованъ, смущенъ... Какія чувства волновали Карла?

Сравненіе.

Сходные признаки: оба — государи и полководцы; одинаковая цѣль прибытія на поле сраженія.

Различіе — и въ наружномъ видѣ, и во внутреннемъ, душевномъ состояніи.

74. Картина Востока, по стихотв. «Споръ» Лермонтова.

75. Характеръ пажа, по стих. «Кубокъ».

76. Черты древней греческой жизни, по стих. «Ивиковы журавли».

77. Характеристическія черты лстеца, по баснѣ «Ворона и Лисица».

78. Придумать такой резсказъ, въ которомъ развивалось бы изъ жизни людей дѣйствіе, подобное дѣйствію въ баснѣ: «Лисица и Виноградъ».

79. Придумать такой резсказъ, который доказывалъ бы пословицу: «Что посеешь, то и пожнешь».

80. Характеристическія черты тѣхъ людей, которыхъ осмѣиваетъ Крыловъ въ своей баснѣ: «Гуси».

81. Изобразить человѣка, имѣющаго сходство съ лягушкою въ баснѣ: «Лягушка и Волъ».

82. Характеристическія черты лжеца по баснѣ: «Лжець». (Честолюбіе при отсутствіи всякихъ истинныхъ достоинствъ, глупость и невѣжество, хвастовство, трусость и т. д.).

83. Добрый человѣкъ.

а) Добрый человѣкъ на словахъ.

(Онъ постоянно говоритъ о любви къ ближнимъ, принимаетъ на словахъ горячее участіе въ участи другихъ, сожалеетъ о страданіяхъ, которыя испытываютъ люди, порицаетъ недостатки, которые мѣшаютъ ихъ счастью и т. п. Онъ иногда оказываетъ и помощь несчастнымъ, но такимъ образомъ, что всё это видятъ и знаютъ; между тѣмъ является жестокимъ и суровымъ въ отношеніи къ своимъ домашнимъ, слугамъ и подчиненнымъ).

б) Добрый человѣкъ на самомъ дѣлѣ.

(Онъ мало говоритъ о милосердіи, но съ любовью оказываетъ помощь нуждающемуся. Онъ помогаетъ безъ шума, ради Бога, а не ради славы между людьми. Онъ оказываетъ помощь благоразумно. Онъ добръ постоянно, неустанно).

84. Страхъ и надежда (по образцу № 165).

Опредѣленіе этихъ душевныхъ явленій.

Сходство ихъ и различіе.

Человѣкъ, который поддается страху.

Человѣкъ, который поддается надеждѣ.

Человѣкъ, въ которомъ страхъ и надежда умѣряютъ одно другое.

85. Воспоминаніе и надежда.

Настоящее рѣдко доставляетъ человѣку успокоеніе и удовлетвореніе. Онъ имѣетъ способность возстановлять въ своей душѣ радости прошедшаго и представлять лучшее въ будущемъ: *воспоминаніе* и *надежда*. То и другое могутъ служить источникомъ какъ высшаго удовольствія, такъ и сильнаго горя и т. д.

86. Другъ и лстець.

Лстець хвалитъ все, даже и то, что не имѣетъ въ себѣ никакого достоинства; другъ хвалитъ только то, что заслу-

живаешь похвалы. Лыстець хвалитъ всегда; другъ иногда и порицаетъ. Лыстець хвалитъ насъ въ лицо; другъ показываетъ къ намъ доброжелательство передъ другими и въ наше отсутствіе и т. п.

87. Лѣность и прилежаніе (см. басню «Прудъ и Рѣка»).

88. Городская и деревенская жизнь.

Сравненіе.

- а) По вліянію на здоровье обитателей.
- б) По безопасности (напр. во время пожаровъ).
- в) По легкости удовлетворенія потребностей.
- г) По удобствамъ въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ.
- д) По удобствамъ для просвѣщенія.

89. Скупецъ и расточительный.

Скупецъ безцѣльно собираетъ и копитъ, а расточитель безцѣльно мотаетъ. Скупой лишаетъ себя не только удовольствій, но и необходимаго; расточитель только и думаетъ объ удовольствіяхъ. Скупецъ можетъ избирать для себя золотую середину и жить въ довольствѣ, но не хочетъ этого; мотъ и хотѣлъ бы, но не можетъ. Первый наживаетъ враговъ, а второй окруженъ друзьями, которые хуже враговъ. Одинъ мучится желаніемъ побольше накопить, идти все впередъ; другого мучитъ раскаяніе, что онъ такъ далеко зашелъ и т. д.

90. Сонъ есть подобіе смерти (по образцу ст. 155).

1. Непреложность этихъ явленій.
- 2) Сонъ и смерть всѣхъ людей дѣлаютъ равными: богатыхъ и бѣдныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ и т. д.
- 3) Какъ сонъ, такъ и смерть доставляютъ успокоеніе.
- 4) Послѣ того и другого слѣдуетъ пробужденіе и т. д.

91. Дитя и молодое плодовое дерево.

Оба — нѣжнаго свойства — нуждаются въ заботахъ и воспитаніи — оба цвѣтутъ и украшаются — оба возбуждаютъ надежды и опасенія — часто обманываютъ ожиданія — питаютъ внутри себя часто тайнаго червя — часто слишкомъ рано подвергаются бурямъ и бываютъ вырываемы съ корнемъ и т. д.

92. Цвѣты и надежды.

То и другое — явленія преходящія. Большая часть цвѣтовъ находится у юныхъ деревьевъ, большая часть надеждъ

питается въ юные годы. Только изъ самаго незначительнаго числа цвѣтовъ образуются плоды; надежды болѣею частію бываютъ обманчивы. Каждый годъ новые цвѣты доставляютъ намъ наслажденіе; также возвращаются къ намъ и новыя надежды и возбуждаютъ въ насъ новое мужество, новую бодрость. Бури и непогоды срываютъ цвѣты съ дерева; страданія и несчастія, собственное легкомысліе и злоба другихъ людей часто разрушаютъ самыя прекрасныя надежды, и т. п.

93. Садъ и школа.

Различныя породы деревьевъ — различныя свойства учениковъ. Приготовительныя работы въ саду — подготовительное домашнее воспитаніе. Посадка деревьевъ — уроки и т. д.

94. Плачь и смѣхъ.

То и другое — чувственныя выраженія душевныхъ движеній, свойственныя человѣку; часто являются безъ достаточной причины, свойственны по преимуществу дѣтскому возрасту и слабымъ людямъ; выражая различныя состоянія души, тѣмъ не менѣе часто замѣняютъ одно другое и т. д.

95. Лѣсъ и поле.

Сравненіе по пользѣ, которую они приносятъ.

а) Лѣсъ растетъ самъ собою; поле требуетъ ежегодной обработки.

б) Лѣсъ доставляетъ выгоду только чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, поле очень скоро.

Сравненіе по впечатлѣнію на человѣка.

а) Лѣсъ даетъ тѣнь и прохладу; поле — солнечный зной.

б) Лѣсъ ограничиваетъ нашъ кругозоръ; поле доставляетъ ему неограниченный горизонтъ; лѣсъ полонъ таинственности, а поле?

96. Зима и ночь.

97. Весна и юность.

1. Время радостей. Начало новой жизни.

2. Время сѣянія и надеждъ.

3. Время возрастанія.

98. Осень — образъ человѣческой жизни.

1. Осенняя природа напоминаетъ намъ о скоротечности и измѣнчивости человѣческаго счастья. Воспоминаніе о радостяхъ весны и лѣта.

2) Но природа не потеряла своихъ силъ, и осень напоминаетъ намъ, что и въ земной жизни есть нѣчто постоянное. Счастье и тѣлесныя удовольствія могутъ исчезнуть; но жизнь имѣетъ и такія блага, которыя мы можемъ, если твердо рѣшимся, сдѣлать постоянными: это добрыя чувства, чистая совѣсть, добродѣтели, познанія.

3) Осень — время плодовъ, и жизнь должна являться съ своими плодами. Какъ жатва осени зависитъ отъ весны и лѣта, такъ и позднѣйшая жизнь отъ ранней.

4) Какъ мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, что природа снова выйдетъ изъ усыпленія, въ которое впадаетъ она осенью: такъ надѣется благочестивый, что и для него настанетъ время пробужденія, когда пройдутъ его осень и зима.

99. Жизнь и путешествіе.

А. Приготовление къ путешествію.

1) Путешествіе. Собственныя приготовленія; чрезвычайная дѣятельность; стараніе о томъ, чтобы чего-нибудь не забыть. Дѣятельность другихъ людей, которые помогаютъ намъ собираться въ дорогу. Радостное расположеніе духа.

2) Жизнь. Новорожденное дитя принимается съ любовью, къ безпомощному со всѣхъ сторонъ простираются спасительныя руки. Собственныя приготовленія: юность есть время приготовленія для жизненнаго пути. Счастливое настроеніе духа, радостный взглядъ на будущее.

Б. Путешествіе.

1) Начало путешествія сопровождается иногда благопріятными, иногда неблагопріятными предвѣщаніями; продолженіе бываетъ часто другое, чѣмъ мы ожидали. Юность для людей бываетъ и счастлива, и несчастна и проч.

2) Радостные и печальные дни; горы и долины; незнаніе пути; нужда въ хорошемъ совѣтѣ и указаніи; блужданія и ихъ послѣдствія. — Изъ жизни: радости и страданія; мрачное будущее; неопытность въ житейскихъ отношеніяхъ; хорошіе и дурные совѣтчики; заблужденія.

3) Путешествіе укрѣпляетъ и развиваетъ и тѣлесныя, и душевныя силы. Зрѣлый возрастъ находитъ насъ спокойнѣе, тверже; заблужденія бываютъ рѣже.

4) Какъ путешествіе, такъ и продолжительная жизнь даетъ намъ познаніе предметовъ и людей.

5) Радости путешествія и радости жизни.

6) Какъ ни пріятно путешествіе, однако мы нигдѣ не находимъ отечества; у насъ является тоска по родинѣ. И въ жизни мы не находимъ себѣ отечества, мы испытываемъ усталость и стремимся, наконецъ, къ небесному отечеству.

7) По окончаніи путешествія. Воспоминаніе путешественника о видѣнномъ и испытанномъ въ путешествіяхъ. Старикъ на краю могилы; взглядъ на прожитое и пережитое; у того и другого — воспоминанія, а не ожиданія.

100. Рѣка есть образъ человѣческой жизни.

1) Теченіе рѣки.

а) Ни одна волна не возвращается назадъ.

б) Теченіе рѣки бываетъ то короче, то длиннѣе.

в) Одна течетъ то въ прямомъ направленіи, то уклоняется въ различныя стороны, дѣлаетъ извилины и изгибы.

г) Она течетъ или плавно и спокойно, или мчится съ шумомъ и ревомъ.

2) Ложбина рѣки и ея берега.

а) Рѣка можетъ имѣть или ровное и широкое русло, или порожистое и узкое.

б) Она протекаетъ или по цвѣтущимъ, или однообразнымъ и печальнымъ окрестностямъ, мимо цвѣтущихъ городовъ и деревень, или черезъ лѣса и пустыни.

3) Воды рѣки.

а) Рѣка въ началѣ теченія бываетъ свѣтла и ясна и отражаетъ въ своихъ зеркальныхъ волнахъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, облака и горы; но черезъ соединеніе съ другими рѣками (дурное общество) легко теряетъ свою чистоту и прозрачность.

б) Рѣки бываютъ то многоводны и глубоки, то бѣдны водою и мелки.

4) Значеніе рѣки.

а) Она можетъ быть не только совершенно бесполезна, но и вредна.

б) Она радуется зрѣнію, является главнымъ украшеніемъ ландшафта.

в) Она можетъ служить для самой полезной и благословенной дѣятельности. (Ученики сами дѣлаютъ примѣненіе всего сказаннаго о рѣкѣ къ человѣческой жизни).

101. Бури — образъ страданій въ жизни человѣка.

- 1) Бури часто раздражаются вдругъ, неожиданно.
- 2) Онѣ не всегда дѣйствуютъ разрушительно, но и приносятъ пользу.
- 3) Онѣ не опасны для предметовъ, имѣющихъ прочное и твердое устройство.
- 4) Послѣ бури наступаютъ спокойствіе и пріятные дни. (*Примынитъ все сказанное къ человеческой жизни*).

102. Соль и дружба.

Значеніе соли для пищи — значеніе дружбы для жизни. Кушанье безъ соли — и жизнь безъ друга. Жизнь человѣка, у котораго есть искренній другъ — жизнь человѣка, лишеннаго друзей и т. п.

103. Польза животнаго царства.

Приступъ. Разумъ человѣка — сила, благодаря которой онъ является господиномъ земли. Между прочимъ, онъ покоряетъ и животныхъ.

Предложеніе. Животное царство удовлетворяетъ безчисленное множество потребностей человѣка.

Изложеніе. Оно полезно человѣку:

- 1) для питанія,
- 2) для одежды,
- 3) для облегченія труда,
- 4) для удовольствій,
- 5) для здоровья.

Указать, *какимъ именно образомъ* удовлетворяются всѣ эти потребности человѣка.

104. Вредныя животныя и средства для борьбы съ ними.

Приступъ. Почему извѣстное животное становится вреднымъ для человѣка? Оно ищетъ для себя пищи или защищается противъ своихъ враговъ.

Изложеніе. I. Чѣмъ могутъ служить животныя человѣку:

- а) они опасны для жизни человѣка (какія животныя?),
- б) они опасны для здоровья человѣка (какія животныя?),
- в) они опасны для домашнихъ животныхъ (примѣръ),
- г) они опасны для плодовъ, припасовъ, хозяйственныхъ принадлежностей и т. п.

II. Средства для борьбы съ вредными животными:

- а) охота,
- б) отвага,
- в) уничтоженіе ихъ посредствомъ другихъ животныхъ,
- г) извѣстные способы сохраненія вещей и т. д.

105. Значеніе вѣтра.

Приступъ. Что называется вѣтромъ? Различныя названія вѣтровъ.

Изложеніе.

I. Польза вѣтра.

A. Для всей природы вообще:

- 1) Очищеніе воздуха.
- 2) Освѣженіе воды, растеній.
- 3) Смягченіе холода и жара.
- 4) Значеніе для рѣкъ, источниковъ.
- 5) Вліяніе на оплодотвореніе и распространеніе растеній.

B. Для человѣка въ частности:

- 1) Вѣтеръ, какъ облегчающее средство для работъ.
- 2) Вѣтеръ, какъ средство для передвиженія и т. п.

II. Вредъ.

- 1) Вѣтеръ — причина различныхъ болѣзней.
- 2) Опустошенія, производимыя вѣтромъ.

106. Отъ чего зависитъ температура извѣстнаго мѣста.

- 1) Географическая широта.
- 2) Высота надъ поверхностью моря. Страны въ центральной Америкѣ и Африкѣ.
- 3) Сосѣдство съ моремъ. Германія и Англія; Суматра и Африка.
- 4) Сосѣдство съ большими лѣсами.
- 5) Горы.
- 6) Дикія и безплодныя пустыни.

107. Значеніе горъ.

Матеріаль. Въ горахъ берутъ свое начало рѣки. Въ горахъ растутъ прекрасныя лѣса и множество разнообразныхъ растеній. Во внутренности горъ находятся металлы и минералы. Горы отличаются красотой своей природы.

108. Почему так много городов лежат на берегу рѣкъ?

Материаль: Рѣки доставляютъ богатый и разнообразный материалъ для питанія людей. Рѣки доставляютъ воду, какъ движущую силу. Рѣка доставляетъ средство для *очищенія* при приготовленіи товаровъ на фабрикахъ и заводахъ. Рѣка — какъ путь сообщенія.

109. О видѣ земли.

I. Мнѣніе древнихъ.

II. Истинный видъ земли. Доказательства шарообразности земли:

а) наблюденіе надъ кораблемъ, отплывающимъ изъ гавани въ открытое море;

б) круглый видъ земной тѣни при лунномъ затменіи;

в) путешествія вокругъ свѣта.

110. Вліяніе климата страны на образъ жизни ея обитателей.

Материаль: Вліяніе климата отражается въ *устройствѣ жилищъ* (внѣшнее и внутреннее устройство въ тепломъ и холодномъ, сухомъ и сыромъ климатѣ), въ *одеждѣ* (материаль и форма), въ *питаніи*, въ *занятіяхъ и удовольствіяхъ* обитателей, независимо отъ различія ихъ въ національности и въ образованности. Взять въ примѣръ европейца, который переселился въ Индію, Китай или Южную Америку.

111. Значеніе Волги для Россіи.

Материаль для развитія темы:

Рѣки — самые естественные пути сообщенія. Наибольшее значеніе имѣютъ рѣки, которыя орошаютъ страну на значительномъ протяженіи и принимаютъ длинные полноводные притоки. Протяженіе Волги. Притоки ея. Естественныя богатства орошаемыхъ ею и ея притоками губерній. Пути сообщенія и перевозка тяжестей.

112. Значеніе береговой линіи для промышленности и торговли извѣстной страны.

113. Кіевъ — колыбель Россіи.

Материаль: Въ Кіевѣ сложилось русское государство. Въ Кіевѣ Русь приняла святое крещеніе. Изъ Кіево-Печерской лавры

вышли просвѣтителі, озарившіе народы Россіи евангельскимъ ученіемъ. Въ эпоху преобразованій Кіевъ далъ Россіи учителей для школъ, знаменитыхъ церковныхъ и гражданскихъ дѣятелей и проч.

114. Слѣдствія Куликовской битвы.

Материаль: Русь сознала свою силу; убѣдилась въ общей готовности къ единодушному дѣйствію противъ татаръ; въ ней явилась надежда на скорое сверженіе ига; она впервые стала въ отношеніи татаръ въ наступательное положеніе; зависимость отъ татаръ ослабѣла; Орда перестала быть требова- тельной.

115. Что способствовало развитію торговли и богатства въ древнемъ Новгородѣ?

116. Значеніе Чернаго моря для Россіи.

117. Значеніе Москвы для русскаго патріота.

Материаль: Москва — древняя столица; напоминаетъ годы бѣдствій, униженія народа и торжество народныхъ добродѣ- телей; времена славы военной и гражданской, религіозныя святыни и т. д.

118. Что спасло Россію въ 1612 и 1812 годахъ?

119. Въ какіе моменты исторіи особенно проявился па- тріотизмъ русскихъ?

120. Какое «окно прорубилъ» Петръ Великій «въ Европу»?

121. Сельскій трудъ въ связи съ дѣйствіемъ природы.

122. Терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

Материаль для развитія темы: Слова «все перетрутъ» озна- чаетъ преодоленіе всѣхъ препятствій, которыя можетъ встрѣ- тить человекъ на пути къ своей цѣли. Какой трудъ все преодолеваетъ? Трудъ а) постоянный, б) терпѣливый и руко- водимый любовью къ дѣлу. Примѣры такого непреодолимаго труда: Петръ Великій, М. В. Ломоносовъ. Какъ думать о тѣхъ людяхъ, которые утверждаютъ, что ихъ труду мѣшаютъ а) не- достатокъ дарованій, б) немѣніе средствъ, в) препятствія со стороны другихъ людей? Дѣйствительно ли эти обстоятельства непреодолимы? Какъ думать о тѣхъ людяхъ, которые счи- таютъ трудъ унизительнымъ, тягостнымъ и прозаическимъ? Тер- пѣніе и трудъ дѣлаютъ человека господиномъ своей судьбы,

доставляютъ ему свободу, возвышаютъ его и въ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи другихъ. Какъ думать о тѣхъ людяхъ, которые полагаютъ, что терпѣливымъ трудомъ можно достигнуть незначительныхъ послѣдствій, но истинно великое будто бы требуетъ иныхъ силъ?

123. Шапочное знакомство не пойдетъ въ потомство.

Смыслъ пословицы: «На случайное знакомство нельзя ни въ чемъ рассчитывать».

124. Всякъ самъ своего счастья кузнецъ.

I. Виды счастья: внѣшнее благополучіе и благополучіе внутреннее.

II. а) Человѣкъ часто достигаетъ своего внѣшняго благополучія.

1) Прилежный и образованный имѣетъ все, что ему нужно.

2) Лѣнивый и невѣжественный имѣетъ во всемъ недостатокъ.

б) Но часто всѣ труды человѣка бываютъ безплодны.

1. Несчастные случаи уничтожаютъ его имущество (пожаръ, наводненіе, градъ и т. п.)

2. Самые вѣрные расчеты и планы иногда не осуществляются (торговля, промышленность).

3) Болѣзни.

III. Истинное счастье есть благополучіе внутреннее.

а) Каждый человѣкъ самъ собою можетъ достигнуть его:

1) образованіемъ ума,

2) образованіемъ сердца.

б) Никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ отнять у человѣка внутренняго благополучія.

IV. Заключение. Хочетъ человѣкъ быть счастливымъ, онъ долженъ быть добродѣтельнымъ.

125. Какъ должно вести себя дитя, если хочетъ чему-нибудь научиться.

I. Поведеніе въ школѣ.

II. Поведеніе внѣ школы.

126. Почему нужно учиться чтенію.

I. Качества хорошаго чтенія.

II. Польза отъ чтенія.

III. Удовольствіе.

127. По стихотворенію «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» развить слѣдующую мысль: «Небеса повѣдаютъ славу Божію».

128. Разборъ стихотворенія «Что ты спишь, муничокъ».

Основная мысль или идея этого стихотворенія. Какимъ образомъ поэтъ развиваетъ свою мысль? Прѣжнее и настоящее положеніе крестьянина, къ которому обращается поэтъ.

129. Мысль и чувствованія пахаря, который представляется въ стихотвореніи «Пѣсня пахаря».

130. Характеристика бѣдняка-горемыки по стихотворенію «Пѣсня Лихача-Кудрявича».

Внѣшній видъ. Душевное состояніе: необщительность, подавленность духа, суевѣріе и т. д. Положеніе въ обществѣ.

131. Изложить содержаніе стих. Лермонтова «Молитва» въ формѣ смѣшаннаго періода (послѣд. и причиннаго).

132. Какимъ образомъ молитва охраняетъ человѣка среди дольнихъ бурь и битвъ? (Стих. Пушкина «Молитва»).

133. По стихотвореніямъ Пушкина и Лермонтова «Пророкъ» рассказать исторію пророка и объяснить, почему проповѣдь его была не принята людьми.

134. Какое имѣетъ значеніе для паломника принесенная имъ изъ Палестины пальмовая вѣтка? (Стих. «Вѣтка Палестины»).

135. Сближеніе съ природой доставляетъ отраду человѣку (Стих. «Когда волнуется желтѣющая нива»...).

136. Картины, представляемыя стихотвореніемъ «Опять на родинѣ»...

137. Мысли и чувствованія матери-патріотки, отправляющей своего сына на войну (Стих. «Казачья колыбельная пѣсня»).

138. Какъ Пушкинъ характеризуетъ свою поэзію въ стихотвореніи «Памятникъ».

139. Характеръ русскаго лѣтописца (ст. № 159).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

№№	Стран.
1. Баобабъ, <i>Ковалевскаго</i>	1
2. Осина, <i>Тургенева</i>	2
3. Лебедь, <i>С. Аксакова</i>	—
4. Голубь, <i>его же</i>	3
5. Верблюды, <i>Хрестом. Галахова</i>	4
6. Комната Ильи Ильича Обломова, <i>Гончарова</i>	6
7. Классная комната, <i>Л. Толстого</i>	7
8. Сельскій храмъ, <i>Вяземскаго</i>	9
9. Домъ боярина, <i>А. Толстого</i>	10
10. Московскій Успенскій соборъ, <i>митр. Филарета</i>	11
11. Соборъ въ Севильѣ, <i>Григоровича</i>	13
12. Деревня Онѣгина, <i>Пушкина</i>	17
13. Древняя обитель, <i>А. Толстого</i>	—
14. Помѣстье Плюшкина, <i>Гоголя</i>	19
15. Постоялый дворъ, <i>Тургенева</i>	20
16. Подмосковная барская усадьба, <i>Козлова</i>	21
17. Садъ Плюшкина, <i>Гоголя</i>	22
18. Садъ въ Капштатѣ, <i>Гончарова</i>	23
19. Кремль, <i>Загоскина</i>	24
20. Иерусалимъ, <i>Норова</i>	25
21. Пятигорскъ, <i>Лермонтова</i>	28
22. Лондонъ и Парижъ XVIII в., <i>Карамзина</i>	29
23. Лѣсъ, <i>Кольцова</i>	30
24. Роща, <i>Тургенева</i>	31
25. Тропическій лѣсъ, <i>Гончарова</i>	32
26. Степь, <i>Гоголя</i>	33
27. Лѣсъ, <i>Аксакова</i>	34
28. Днѣпръ, <i>Гоголя</i>	39
29. Рейнскій водопадъ, <i>Жуковскаго</i>	40
30. Рейнскій водопадъ, <i>Карамзина</i>	41
31. Рѣки, <i>Бенедиктова</i>	42

№№	Стран.
32. Сибирскія тундры, <i>Гончарова</i>	42
33. Русская равнина, <i>Ушинскаго</i>	44
34. Южныя горы, <i>Боткина</i>	47
35. Кавказъ, <i>Пушкина</i>	49
36. Югъ и сѣверъ, <i>Никитина</i>	50
37. Путешествіе черезъ С.-Готардь, <i>Жуковскаго</i>	51
38. Три пальмы, <i>Лермонтова</i>	53
39. Лѣсъ и степь, <i>Тургенева</i>	54
40. Весна въ Россіи, <i>Карамзина</i>	59
41. Весна, <i>Огарева</i>	60
42. Весеннія воды, <i>Тютчева</i>	61
43. Весенняя гроза, <i>его же</i>	—
44. Нива, <i>Майкова</i>	—
45. Утро, <i>Никитина</i>	62
46. Украинская ночь, <i>Гоголя</i>	63
47. Урожай, <i>Кольцова</i>	—
48. Вечеръ послѣ дождя, <i>Никитина</i>	65
49. Туча, <i>Пушкина</i>	66
50. Гроза, <i>Гончарова</i>	—
51. Зарница, <i>Тютчева</i>	67
52. Есть въ осени первоначальной, <i>его же</i>	68
53. Осенній вечеръ, <i>его же</i>	—
54. Несжатая полоса, <i>Некрасова</i>	—
55. Осень, <i>Пушкина</i>	69
56. Осенній вечеръ, <i>Григоровича</i>	70
57. Дорога, <i>Гоголя</i>	71
58. Зимняя дорога, <i>Пушкина</i>	72
59. Морозъ, <i>Некрасова</i>	—
60. Очеркъ зимняго дня, <i>С. Аксакова</i>	73
61. Буранъ, <i>Пушкина</i>	76
62. Бѣсы, <i>его же</i>	79
63. Буря на морѣ, <i>Боткина</i>	80
64. Буря на морѣ, <i>Языкова</i>	84
65. Бѣжинъ лугъ, <i>Тургенева</i>	—
66. Крестьянскія дѣти, <i>Некрасова</i>	91
67. Горцы, <i>Пушкина</i>	96
68. Черкесы, <i>его же</i>	99
69. Цыганы, <i>его же</i>	100
70. Два хозяина, <i>Тургенева</i>	101
71. Князь Серебряный, <i>А. Толстого</i>	104
72. Хоръ и Калинычъ, <i>Тургенева</i>	106
73. Сельскій священникъ, <i>Козлова</i>	114
74. Старосвѣтскіе помѣщики, <i>Гоголя</i>	115
75. Характеръ малоросса въ сравненіи съ великороссомъ, <i>Семенова</i>	121
76. Плюшкинъ, <i>Гоголя</i>	124
77. Сонъ Обломова, <i>Гончарова</i>	128

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

№№	Стран.
78. Смерть Олега, по <i>Льтописи</i>	145
79. Смерть Олега, <i>Карамзина</i>	146
80. Крещеніе Руси, <i>его же</i>	—
81. Куликовская битва, <i>его же</i>	147
82. Покореніе Казани, <i>его же</i>	151
83. Князь Святославъ, <i>его же</i>	158
84. Великій князь Владимиръ, <i>его же</i>	159
85. Іоаннъ III, <i>его же</i>	160
86. Митрополитъ Филиппъ, <i>его же</i>	163
87. Петръ Великій, <i>Соловьева</i>	167
88. Илья Муромецъ, нар. былина	169
89. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, <i>Пушкина</i>	174
90. Козьма Мининъ, <i>Златоскина</i>	177
91. Изъ повѣсти «Капитанская дочка», <i>Пушкина</i>	186
92. Изъ повѣсти «Тарасъ Бульба», <i>Гоголя</i>	209
93. Велисарій, <i>Мерзлякова</i>	216
94. Умирающій гладиаторъ, <i>Лермонтова</i>	217
95. Изъ поэмы «Полтава», <i>Пушкина</i>	218
96. Споръ, <i>Лермонтова</i>	228
97. Бада-проповѣдникъ, <i>Полонскаго</i>	229
98. Отставной солдатъ, <i>Дельвица</i>	230
99. Жена ямщика, <i>Никитина</i>	235
100. Утопленникъ, <i>Пушкина</i>	237
101. Лѣсной царь, <i>Жуковскаго</i>	239
102. Кубокъ, <i>его же</i>	240
103. Графъ Габсбургскій, <i>его же</i>	244
104. Поликратовъ перстень, <i>его же</i>	247
105. Ивиковы журавли, <i>его же</i>	250
106. Роландъ-оруженосецъ, <i>его же</i>	255
107. Раздѣлъ, <i>Крылова</i>	261
108. Ворона и Лисица, <i>его же</i>	262
109. Щука и Котъ, <i>его же</i>	263
110. Осель и Соловей, <i>его же</i>	264
111. Лисица и Виноградъ, <i>его же</i>	—
112. Волкъ и Котъ, <i>его же</i>	265
113. Волкъ и Журавль, <i>его же</i>	266
114. Гуси, <i>его же</i>	—
115. Мельникъ, <i>его же</i>	267
116. Лягушка и Волъ, <i>его же</i>	268
117. Обезьяны, <i>его же</i>	269
118. Пустынникъ и Медвѣдь, <i>его же</i>	—
119. Лжець, <i>его же</i>	271
120. Добрая Лисица, <i>его же</i>	273
121. Крестьянинъ и Работникъ, <i>его же</i>	274

№№	Стран.
122. Левъ и Мышь, <i>Крылова</i>	275
123. Прудъ и Рѣка, <i>его же</i>	276
124. Орелъ и Пчела, <i>его же</i>	277
125. Василекъ, <i>его же</i>	278

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

126. Ужъ какъ палъ туманъ, <i>нар. пѣсня</i>	280
127. Пѣсня пахаря, <i>Кольцова</i>	281
128. Первая пѣсня Лихача-Кудрявича, <i>его же</i>	—
129. Вторая пѣсня Лихача-Кудрявича, <i>его же</i>	282
130. Товарищу, <i>его же</i>	—
131. Пловець, <i>Языкова</i>	283
132. Что ты спишь, мужичокъ, <i>Кольцова</i>	—
133. Казачья колыбельная пѣсня, <i>Лермонтова</i>	284
134. Къ дѣтямъ, <i>Хомякова</i>	285
135. Сосна, <i>Лермонтова</i>	286
136. Воспоминаніе, <i>Жуковскаго</i>	—
137. Опять на родинѣ, <i>Пушкина</i>	—
138. Ангель, <i>Лермонтова</i>	288
139. Когда волнуется желтѣющая нива, <i>его же</i>	—
140. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ, <i>Пушкина</i>	289
141. Вечерній звонъ, <i>Козлова</i>	290
142. Тучи, <i>Лермонтова</i>	—
143. Море, <i>Жуковскаго</i>	291
144. Горныя вершины, <i>Лермонтова</i>	—
145. Я жду, <i>Фета</i>	292
146. Ночью, <i>его же</i>	—
147. Молитва, <i>Лермонтова</i>	293
148. Вѣтка Палестины, <i>его же</i>	—
149. Молитва, <i>Пушкина</i>	294
150. Пророкъ, <i>его же</i>	295
151. Пророкъ, <i>Лермонтова</i>	296
152. Стансы, <i>Пушкина</i>	—
153. Ко гробу Кутузова, <i>его же</i>	297
154. Памятникъ, <i>его же</i>	298
155. Клеветникамъ Россіи, <i>его же</i>	—
156. Вечернее размышленіе, <i>Ломоносова</i>	299
157. Кремлевская заутреня, <i>Хомяковъ</i>	301
158. Псаломъ Давида, <i>Мел.</i>	—
159. Русскій лѣтописецъ, <i>Пушкина</i>	302
160. Періоды	308
161. Непостоянство и привычка, <i>Карамзина</i>	314
162. Время жатвы, <i>Арх. Григорія</i>	—
163. Юность и старость, <i>Карамзина</i>	315
164. Два рода читателей, <i>Жуковскаго</i>	316

№№	Стран.
165. Твердость и упрямство, <i>Жуковскаго</i>	316
166. Анализъ стихотворенія Пушкина «Пророкъ», <i>Стоюнина</i>	317
167. Анализъ стихотворенія Лермонтова «Пророкъ», <i>Водовозова</i>	319
168. Роскошь и комфортъ, <i>Гончарова</i>	320
169. Польза лѣсовъ	322
170. Объ умѣренности	323
171. Какъ сохранять здоровье	324
172. О любви къ отечеству, <i>Карамзина</i>	325
173. О счастливѣйшемъ времени жизни, <i>его же</i>	329
174. Разборъ «Недоросля», <i>Дудышкина</i>	331
175. Разборъ «Ревизора», <i>его же</i>	336
176. Храмъ — училище благочестія, <i>Инокентія</i>	339
177. Слово въ Великій пятокъ, <i>его же</i>	340
178. Поученіе предъ св. причащеніемъ, <i>Путятина</i>	—
179. Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, <i>его же</i>	342
Приложеніе	344

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

М. Д. НАУМОВА,

Москва, Лубянская улица, д. Страхового Общества «Россія»

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ,

составленныя К. Козьминымъ:

— Русская хрестоматія для среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ II, изданіе 19-е. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. 1912 г. Ц. 75 к.

— Грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Съ приложеніемъ образцовъ для этимологическаго и синтаксическаго разбора текста Евангелія. Пособіе для городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ. Изд. 18-е. М. 1910 г. Ц. 50 к. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр., *какъ руководство.*

— Церковно-славянская хрестоматія. Пособіе для сельскихъ и городскихъ училищъ. Книга эта служитъ приложеніемъ къ «Грамматикѣ церковно-славянскаго языка». Изданіе 4-е. М. 1903 г. Ц. 40 к.

— Синтаксисъ русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ съ приложеніемъ задачника. Изд. 14-е. М. 1910 г. Ц. 50 к.

— Образцы систематическаго диктанта для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Ч. I. Этимология. Сост. согласно съ руководств. «Русское правописаніе» акад. Я. Грота. Изд. 11-е. М. 1908 г. Ц. 75 к.

— То же. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 4-е. М. 1908 г. Ц. 80 к.

— Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи статистики, теоріи прозы и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшихъ классовъ городскихъ училищъ. Изд. 7-е. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. М. 1908 г. Ц. 1 р.

— Справочный словарь церковно-славянскаго языка. М. 1889 г. Ц. 5 к.

— Орфографическія прописи. Пособіе при изученіи орфографіи. Тетрадь первая. М. 1885 г. Ц. 35 к.

Козьминъ, К., и Покровскій, В. Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи. Изд. 13-е. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. М. 1908 г. Ц. 35 к.

— Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей. Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Изд. 11-е. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. М. 1910 г. Ц. 50 к.

Учебникъ

611

М. Д. НАУМОВЫМЪ.

Москва, Большая Дубинка, домъ Страховаго Общества „Россія“. Тел. 71-43.

- Арефьевъ, А., и Соколовъ, А., Повторительный курсъ ариметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. 3-е. М. 1898 г. Ц. 10 к. Включено въ программу для церковно-приходскихъ школъ.
- Арешинъ, Н. П., Методика начальной ариметики. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 40 к. Изд. 18-е. Допущ. Особ. Отд. Уч. К. М. Н. Пр. въ учительскія библиотечки низшихъ училищъ и въ библиотечки учительскихъ институтовъ и семинарій.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Годъ первый. Счетъ до 100, дѣйствія до 20. Изд. 80-е. М. 1913 г. Ц. 15 к. 7-е изд. Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. допущено къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Годъ второй. Первая сотня. Первая тысяча. Изд. 82-е. М. 1913 г. Цѣна 15 коп. 7-е изданіе Особ. Отд. Учен. Комитета Минист. Народнаго Просвѣщ. допущено къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.
- Годъ 3-й. Числа любой величины. Составныя именован. числа. Изд. 55-е. М. 1913 г. Ц. 20 к. 7-е изданіе Особ. Отд. Учен. Комитета Мин. Народн. Просвѣщ. допущено къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.
- Сборникъ ариом. задачъ и примѣровъ для начальныхъ народныхъ училищъ, годъ 4-й. Основополагающія дроби. Десятичные дроби. Измѣреніе линий, площадей, поверхностей и ъмъловъ. Ц. 20 к. М. Изд. 5-е. 1913 г.
- Сборникъ упражненій по геометріи. Пособіе для начальныхъ училищъ. Вып. 1-й. Изданіе 2-е, измѣненное. М. 1910 г. Ц. 35 к.
- Сборникъ упражненій по геометріи. Пособіе для начальныхъ училищъ. Вып. 2-й. Изданіе 2-е, измѣненное. М. 1910 г. Ц. 35 к.
- Статьи къ сборнику арифметическихъ задачъ. Изд. 7-е. М. 1913 г. Ц. 5 к.
- Дополненіе къ сборнику метрическихъ мѣръ. М. 1911 г. Ц. 10 к. Изд. 2-е.
- Беззвистинъ, В., директоръ Народныхъ училищъ Влад. губ. Дневникъ занятій по арифметикѣ въ начальной школѣ. Изд. 5-е. М. 1913 г. Ц. 15 к. Допущено Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учит. библи. низш. учебн. зав.
- Методика ариметики. Курсъ младш. отд. Составлена согласно примѣрной программѣ М. Н. Пр. Изд. 6-е, печатано съ измѣн. съ 4-го, допущ. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ библи. учит. семин. и низш. учил. М. 1913 г. Ц. по 25 к.
- Методика ариметики. Курсъ средн. отд. нач. школъ. Изд. 6-е. М. 1913 г. Ц. 25 к. Допущена Учен. Ком. М. Н. Пр. въ библиотечки учит. сем. и низш. учил. (съ приложениемъ статей къ сборнику задачъ).
- Методика ариметики курсъ старш. отд. начал. школъ. М. 1913 г. Изд. 6-е. Ц. 25 к. Допущ. Уч. Ком. М. Н. Пр. въ библи. уч. семин. и низш. уч.
- Методика ариметики. Курсъ 4-го, отдѣльн. М. 1913 г. Ц. 25 к. Изд. 4-е. Допущено Мин. Нар. Просвѣщ. въ учит. библиотечки низш. учебн. заведеній.
- Арифметическія задачки. Составлены согласно примѣрной программѣ М. Н. Пр. 1-й годъ обученія. Изд. 8-е. М. 1912 г. Ц. 12 к.
- Арифметическія задачки. Для 2-го года обученія. Составл. согласно примѣрной программѣ М. Н. Пр. Изд. 9-е. М. 1912 г. Ц. 15 к.
- Арифметическія задачки. Для 3-го года обученія. Составл. согласно примѣрной программѣ М. Н. Пр. Изд. 8-е. М. 1912 г. Ц. 15 к.
- Арифметическія задачки. Для 4-го года обученія. Изд. 23-е. М. 1912 г. Ц. 15 к. Въ 2-й части включены допущ. Учен. Ком. Нар. Просв. для употр. въ низш. учил.
- Сборникъ по началной геометріи. Въ предѣлахъ начального курса геометріи. М. 1913 г. Ц. 15 к.
- Валовъ, Н., Практическая русская грамматика. Изд. 6-е, испр. и дополненное. М. 1912 г. Ц. 20 к., въ переплетѣ 25 к. Допущена Учен. Ком. М. Н. Пр. въ качестве учебн. для грамот. и 1-хъ классовъ средн. учебн. зав. и къ классн. употребленію въ церковно- и уездн. училищахъ.
- Русская грамматика для церковно-приходскихъ, приходск. и сельскихъ народн. школъ. Изд. 10-е. М. 1912 г. Ц. 15 к. Уч. К. М. Н. Пр. допущ. для классовъ, употр. въ народн. училищ.
- Русская грамматика. Начальная школа Николаевской гимназіи. Краткая грамматика по Невелю и Шандарю, Плену и др. Изд. 4-е, вновь

- исправленное. 1-е изд. одобр. Уч. К. М. Н. Пр., какъ руковод. муж. и жен. гимн., прогим. и реальныхъ учил. Москва, 1912 г. Ц. 50 к., въ перепл. 65 к.
- Гика, Д., Зависимость между геометрическими теоремами. Математическо-фило-софское сочиненіе. М. 1890 г. Ц. 1 р. Рекоменд. Ученымъ Комит. М. Н. Пр. для фундамент. библиотекъ средн. учебн. завед. мужск. и женскихъ.
- Задачи для начального обученія ариметикѣ. Цѣлыя числа. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. и духовно-Учебн. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ. М. 1885 г. Ц. 45 к., въ перепл. 60 к.
- Перспектива технического рисованія. Для реальныхъ училищъ и профессиональныхъ школъ. М. 1897 г. Ц. 35 к. Одобр. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ коническихъ сѣченій, способовъ рѣшенія задачъ на построеніе и вычисленія ъмъловъ тѣлъ по теоремѣ Кавальери. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв., какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ, и Учебн. Ком. при Свят. Син. Изд. 4-е. М. 1909 г. Ц. 1 р. 35 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.
- Геометрическія задачи на построеніе и методы ихъ рѣшенія. Одобр. въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1908 г. М. Н. Пр. (отн. отъ 17 августа 1901 г. за № 1647). Ц. 75 к. Изд. 2-е.
- Приложеніе алгебры къ геометріи или алгебраическій способъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. М. 1908 г. Ц. 40 к. Изд. 2-е.
- Гика, Д., и Муромцевъ, А., Геометрическія задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 1-я. Задачи плоской геометріи (1773 задачи). Изд. 10-е. М. 1911 г. Ц. 85 к., въ переплетѣ 1 р. Одобр. Уч. К. М. Н. Пр.
- Геометрическія задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 2-я. Задачи геометріи въ пространствѣ (задачи съ 1774 до 2813). Изд. 8-е. М. 1912 г. Ц. 85 к., въ переплетѣ 1 р. Одобр. Учен. К. М. Н. Пр.
- Дубовъ, Д., директоръ Рыбинской гимназіи. Сборникъ фразъ и статей для устныхъ и письменныхъ упражненій, въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Изд. 5-е. М. 1912 г. Ц. 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 30 к. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Ефремовъ, В., Краткій курсъ природовѣдѣнія, составленный по программѣ для первыхъ трехъ классовъ гимназій. Часть 1-я, Воздухъ, вода и земля. Курсъ 1-го класса съ 116 рисунками. М. 1910 года. Цѣна 75 коп., въ перепл. 90 коп.
- Краткій курсъ природовѣдѣнія. Часть 2-я. Растенія. Курсъ 2-го класса, съ 159 рисун. въ текстѣ. Цѣна 75 коп., въ пер. 90 коп. М. 1910 года. Краткій курсъ природовѣдѣнія. Часть третья. Человѣкъ и животное. Курсъ 3-го класса. Съ 149 рисунками въ текстѣ. Цѣна 75 коп., въ пер. 90 коп. М. 1910 года. Печатано съ рукописи, исправленной, согласно Указанію Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Желтовъ, В., и Токинъ, В., Опытъ методики элементарнаго курса русской исторіи. Цѣна 75 к., въ перепл. 90 к. М. 1913 года.
- Козьминъ, К., преподаватель Московскаго учительскаго института. Русская хрестоматія для среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, городскихъ и уездныхъ училищъ. Курсъ 1-й. Изд. 28-е. Одобр. Учен. Ком. М. Н. Просв. М. 1912 г. Ц. 75 к., въ переплетѣ 90 к. Курсъ 2-й. Изданіе 19-е. М. 1912 г. Ц. 75 к., въ пер. 90 к. Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. Соб. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденію Императрицы Маріи.
- Начальная хрестоматія русскаго языка, вновь исправленная и переработанная. Изданіе 2-е, съ рисунками. Ц. 75 коп., въ пер. 90 коп. М. 1912 года.
- Грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Съ приложеніемъ образцовъ для этимологическаго и синтаксическаго разбора текста Евангелія. Пособіе для городскихъ, уездныхъ и сельскихъ училищъ. Изд. 20-е. М. 1912 г. Ц. 50 к., въ перепл. 65 к. Одобр. Уч. К. М. Н. Пр., какъ руководство.
- Церковно-славянская хрестоматія. Пособіе для сельскихъ и городскихъ училищъ. Книга эта служитъ приложеніемъ къ «Грамматикѣ церковно-славянскаго языка». Изд. 5-е. М. 1913 г. Ц. 40 к., въ переплетѣ 55 к. Допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Синтаксисъ русскаго языка для средн. учебн. завед. и городск. учил. съ приложеніемъ задачника. Изд. 16-е. М. 1913 г. Ц. 50 к., въ перепл. 65 к. Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Конспекты и планы объяснительнаго чтенія. Приложеніе къ русской хрестоматіи. Часть I. Изданіе 2-е. 1912 г. Ц. 55 к. Москва.
- Образцы систематическаго диктанта для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Сост. согласно съ руководствомъ «Русское правописаніе» акад. Я. Грота. Изд. 12-е. М. 1913 г. Ц. 75 к., въ переплетѣ 90 к. Допущ. Уч. К. М. Н. Пр.

- Козьминъ, К.** То же. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 5-е. М. 1911 г. Ц. 80 к., въ перепл. 95 к. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр.
- Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшихъ классовъ городскихъ училищъ. Изд. 8-е. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. М. 1913 г. Ц. 1 р., въ переплетъ 1 р. 15 к.
- Орфографическія прописи. Пособіе при изученіи орфографіи. Тетрадь первая. Изданіе 2. М. 1910 г. Ц. 30 к.
- Справочный словарь церковно-славянскаго языка. М. 1889 г. Ц. 15 коп.
- Козьминъ, К.** Приготовительный курсъ грамматики русскаго языка для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изданіе 24-е. 1913 г. М. Ц. 45 к.
- Практическая русская грамматика, руководство для учениковъ народныхъ школъ, М. Н. Пр. одобрена изд. 16. 1913 г. Ц. 25 к.
- Козьминъ, К., и Покровский, В.** Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разбора образцовъ прозы и поэзіи. Изд. 15-е. Одобр. Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1912 г. Ц. 35 к.
- Биографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей, для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Изд. 10-е. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. М. 1912 г. Ц. 50 к.
- Коновскій, М.** Историческія свѣдѣнія о богослужебномъ пѣніи въ ветхозавѣтной, новозавѣтной, вселенской и въ частности русской церквахъ, съ добавленіемъ краткихъ свѣдѣній о преподаваніи церковнаго пѣнія въ начальныхъ школахъ и организаціи пѣвческаго хора. Изд., одобренное Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ учительскія бібліотеки церковно-прих. шк. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Кругловъ, А. В.** «Литература маленькаго народа». Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. 2 выпуска. Допущ. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ фундаментальныя бібліотеки средн. учебн. завед., въ библи. учительскихъ инст. и семинарій и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни. М. 1897 г. Цѣна каждаго вып. 85 коп., въ папкѣ 1 р.
- Кругловъ, А. В.** За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей, съ рисунками въ текстѣ. Одобрена Уч. Ком. М. Н. Пр. для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебн. заведеній. Изд. 2-е. М. 1896 г. Цѣна въ папкѣ 1 р., въ коленкор. пер. 1 р. 50 к.
- Литвиненко, К. А.** Записки по грамматикѣ русскаго языка. Методическое руководство и учебное пособие для городскихъ приходскихъ и сельскихъ училищъ. Курсъ 3-го и 4-го года городск. училищъ. М. 1887 г. Ц. 75 к., въ перепл. 90 к.
- Любутовъ, Я.** Пособіе при изученіи теоріи словесности. М. 1883 г. Ц. 15 к.
- Млинарничъ, И.,** инспекторъ Тульской гимназіи. Lucinus Samosatensis. Избр. разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ со словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ. Изданіе 3-е, исправленное. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр., какъ учебное пособие, для V класса гимназій. М. 1890 г. Ц. 70 к.
- Этимологія греческаго языка для гимназій. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. М. 1881 г. Ц. 1 р., въ переплетъ 1 р. 15 к.
- Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Изд. 3-е, исправленное. Одобр. Учен. Ком. М. Н. Пр., въ видѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій. М. 1900 г. Ц. 75 к., въ переплетъ 90 к.
- Николаевскій, И.,** директоръ Несвижской учительской семинаріи. Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ М. Н. Пр.
- Часть I. Дидактическая пропедевтика, курсъ II класса. Изд. 7-е. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр., какъ руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ бібліотекъ нач. учил. М. 1910 г. Ц. 50 к., въ пер. 65 к.
- Николаевскій, И.** Часть II. Педагогическая пропедевтика, курсъ III класса. Изд. 6-е. М. 1913 г. Ц. 50 к., въ переплетъ 65 к. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр.
- Никитинъ, С.** Элементарный курсъ географіи по синтетическому методу. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и элементарныхъ школъ. Вып. 3-й.—Отечественное свѣдѣніе. Вып. 4-й — Мировое свѣдѣніе. Изд. 7-е. Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. М. 1905 г. Ц. 50 к., въ переплетъ 65 к.
- Остроумовъ, А.,** учитель пѣнія въ Поливановской учительской семинаріи. Элементарные уроки пѣнія для учителей начальныхъ училищъ и воспитанниковъ учительскихъ семинарій. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Павловъ, А., и Ивановъ, Е.,** преподаватель Моск. учит. института. Курсъ линейной перспективы, съ атласомъ чертежей, для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается рисованіе. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Покровский, Н. Н.** Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Пособіе для учениковъ I и II класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ч. I. До воцаренія дома Романовыхъ. М. 1913 г. Ц. 75 коп., въ перепл. 90 коп. Изданіе 5-е съ рисунками.
- Покровский, Н. Н.** Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Пособіе для учениковъ I и II класса средне-учебныхъ заведеній Часть II. Царствованіе дома Романовыхъ. Изданіе 4-е съ рисунками. Ц. 75 коп., въ перепл. 90 к. М. 1913 г. Обѣ книги допущены Мин. Нар. Просв. въ качествѣ пособій для млад. классовъ средн. учебн. зав. и 5 класса средн. учебн. зав. Вѣд. Импер. Маріи.
- Вастуховъ, Дружокъ.** Годъ I-й. Азбука для русскаго и церковно-славян. чтенія. 3-е изд. М. 1909 года. Цѣна 15 коп. 2-е изд. допущ. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. къ классн. употребленію.
- Дружокъ. Годъ I-й. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. 3-е изд. М. 1909 года. Ц. 20 коп. Допущ. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. къ классному употребленію.
- Дружокъ. Годъ II. Вторая книга послѣ азбуки для русскаго и церковно-славянскаго чтенія. Изд. 2-е. 1908 г. Цѣна 35 к.
- Рождественскій, А.,** преподаватель Костромскаго реального училища. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Примѣнительно къ программѣ для реальныхъ училищъ. М. 1896 г. Ц. 40 к. Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Савинъ, И.,** преподаватель I-й Московской военной гимназіи. Приготовительный курсъ геометріи, съ чертежами въ текстѣ. Для военныхъ гимназій, женскихъ институтовъ, гимназій и народныхъ школъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1879 г. Ц. 50 к.
- Садковскій, С.,** протоіерей. Священная Исторія Ветхаго Завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса законоучителемъ Московской 2-ой гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи. Принята въ качествѣ учебника въ Московскихъ гимназіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, Моск. Церков. Вѣд. 1905 г. № 39. Изд. 3-е. Ц. 50 коп. М. 1913 г.
- Смирѣлинъ, А.,** протоіерей. Чтеніе изъ книгъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и четьи-миней. По предмету священной исторіи. Книга 2-я, для 2-классныхъ церковно-приходскихъ школъ. М. 1887 г. Ц. 50 к., въ перепл. 65 к.
- Соколовъ, А. Ф.** Письменные упражненія по Закону Божию въ начальной школѣ, методическія замѣтки для преподавателя Закона Божія. М. 1904 г. Ц. 10 к.
- Письменные упражненія по Закону Божию въ начальной школѣ. Священная исторія Новаго завѣта и молитвы. Книжка 1-я для учащихся. М. 1904 г. Ц. 10 к.
- Сборникъ диктантовъ. Дополнительная книжка къ методической грамматикѣ. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 20 к. Въ 3-мъ изд. эта книга Особ. Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. одобрена къ употребленію въ народныхъ школахъ въ качествѣ учебнаго пособия.
- Методическая грамматика. Элементарное руководство по русскому языку. Допущено Ж. М. Н. Пр. 1912 г., № 3. Ц. 25 к.
- Ширяевъ.** Элементарный атласъ диаграммъ цвѣтныхъ растений. Курсъ городскихъ училищъ. М. 1912 г. Ц. 75 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущ. въ библи. средн. и низш. учебныхъ заведеній.
- Федоровъ.** Первые уроки обученія грамотѣ по наглядно-звуковому методу. М. 1903 г. Ц. 20 коп.
- Юрьевъ, П.** Первые уроки русск. право. для школъ и домашняго обученія, часть I. М. 1912 г. Цѣна 15 коп.

Ге. иногородные могутъ выписывать изъ моего магазина всѣ книги, кѣмъ бы то ни было опубликованныя.

ТРЕБОВАНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Учебнымъ заведеніямъ, земскимъ управамъ, народнымъ школамъ и книгопродавцамъ
ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

АДРЕСЪ: Москва, книгопродавецъ *Михаилу Дмитриевичу Наумову*,
Большая Лубянка, домъ Страховаго Общества «Россія». Телеф. 71-43.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко, Москва, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.